РУССКАЯ ЛѢТОПИСЬ

(съ 1917 года)

КНИГА ПЕРВАЯ

ИЗДАНІЕ «РУССКАГО ОЧАГА» въ ПАРИЖѢ

ПАРИЖЪ

1921

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

Savine
DK265
.A15
kn.1

ИЗДАНІЕ «РУССКАГО ОЧАГА» въ ПАРИЖѢ

РУССКАЯ ЛѢТОПИСЬ

Digitized by the Internet Archive
in 2010 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

http://www.archive.org/details/russkaialietopis01russ

РУССКАЯ ЛѢТОПИСЬ

(съ 1917 года)

КНИГА ПЕРВАЯ

ПАРИЖЪ
1921

Николай

1915 г.

Съ портрета академика Кендіаса.

„Будьте вполнѣ покойны — какъ Я сказалъ въ началѣ войны, Я не заключу мира, пока мы не выгонимъ послѣдняго непріятельскаго воина изъ предѣловъ нашихъ, и не заключу его иначе, какъ въ полномъ согласіи съ нашими союзниками, съ которыми мы связаны не бумажными договорами, а истинной дружбой и кровію...“

(Изъ рѣчи Государя Императора къ георгіевскимъ кавалерамъ на сѣверномъ фронтѣ у ст. Замирье, 20-го декабря 1915 г.)

Временное Правительство.

(Опытъ анализа).

Давно пора, забывъ партійныя предубѣжденія и помня только о великихъ страданіяхъ всѣмъ намъ одинаково дорогой Россіи, хотя бы вкратцѣ, но точно разсказать русскимъ людямъ, какую роль въ ихъ жизни сыграло, такъ называемое «Временное Правительство».

Именно — разсказать. Казалось бы, все это было такъ недавно. На сто человѣкъ десять, а то и больше, сами принимали въ событіяхъ того времени достаточно дѣятельное участіе· одни управляли или стремились быть возможно ближе къ тѣмъ, кто управлялъ, другіе сидѣли въ тюрьмахъ, третьи ликовали и славословили, четвертые обращали «великую революцію» въ источникъ личной наживы. Однако, каждый помнитъ объ этихъ 8-9 мѣсяцахъ только то, что хочетъ помнить. Общее и цѣлое все болѣе и болѣе расплывается въ туманѣ, и даже ближайшіе участники событій, объясняя теперь отдѣльные эпизоды, явно обнаруживаютъ передъ нами, какъ, въ сущности, мало можно полагаться на человѣческую память.

Правда, въ печати можно найти немало разсказовъ о тѣхъ-же событіяхъ, какимъ посвященъ и нашъ очеркъ. Но въ подавляющемъ большинствѣ это — разсказы людей, на все смотрящихъ сквозь призму своихъ партійныхъ заданій. Родную землю, народъ, живую кровь человѣческую, скорбь и слезы, отъ воспоминанія о которыхъ замираетъ сердце, они сводятъ къ борьбѣ программныхъ заявленій и условныхъ формулъ. Для выясненія партійныхъ интересовъ они пользуются микроскопомъ, а интересы страны и народа они разсматриваютъ въ телескопъ.

Нашъ очеркъ не претендуетъ на полноту и законченность. Онъ составленъ за-границей, гдѣ, къ сожалѣнію, только съ

большимъ трудомъ можно раздобыть необходимые матерьялы Но за то каждая, даже второстепенная подробность находила свое мѣсто въ этомъ очеркѣ, лишь послѣ точной свѣрки съ неподлежащими сомнѣнію документами.

I.

23 февраля 1917 г., на фабрикахъ и заводахъ Петрограда начались забастовки. Въ тотъ-же день, а особенно — на слѣдующій, въ различныхъ частяхъ столицы стали устраиваться революціонные митинги и уличныя демонстраціи. По словамъ одного изъ участниковъ движенія, въ этотъ моментъ «не было ни одной организаціи, которая могла бы отвѣтить на вопросы: что-же дѣлать, какъ быть, что творится въ городѣ». Правительство, въ лицѣ князя Голицына (предсѣдатель совѣта министровъ), Протопопова (министръ внутреннихъ дѣлъ), Хабалова (командующій войсками петроградскаго округа), Балка (градоначальникъ), растерялось и не знало, гдѣ и въ чемъ искать помощи. Но и среди тѣхъ, кто поднялся противъ правительства, какъ увѣряетъ только что упомянутый авторъ. «чувствовалась полная растерянность».

Тогда — продолжаетъ тотъ-же авторъ, — «по почину Петроградскаго Союза рабочихъ потребительныхъ обществъ, почти единственной въ то время легальной ячейки, по соглашенію съ соціалъ-демократической фракціей Государственной Думы, было созвано на 25-ое февраля, въ помѣщеніи Союза (Невскій, 144), совѣщаніе рабочихъ разныхъ районовъ. Къ тремъ часамъ дня стали собираться участники совѣщанія. Присутствовало человѣкъ 30-35. Были представлены почти всѣ районы. Кромѣ рабочихъ отъ районовъ, на этомъ собраніи присутствовали: Н. С. Чхеидзе, Череванинъ. Волковъ, Капелинскій и нѣкоторые другіе дѣятели рабочаго движенія. Послѣ выслушанія сообщеній съ мѣстъ, передъ собраніемъ всталъ вопросъ о томъ, какъ организовать движеніе, какой выходъ изъ создавшагося положенія. И тутъ впервые раздался голосъ о томъ, что необходимо приступить къ организаціи Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, по примѣру и подобію 1905-го года».

Едва-ли нужно напоминать, о какомъ «примѣрѣ и подобіи 1905-го года» идетъ здѣсь рѣчь. Это — тотъ Совѣтъ рабочихъ депутатовъ, во главѣ котораго стоялъ Хрусталевъ-Носарь

RUSSIAN ARCHIVE

Рядъ дней этотъ Совѣтъ хозяйничалъ въ городѣ, обращался къ населенію съ воззваніями, при чемъ перепуганное населеніе слушалось новой власти гораздо болѣе, чѣмъ старой, и дошелъ уже до того, что грозилъ арестовать графа Витте, стоявшаго тогда во главѣ правительства, и весь Совѣтъ Министровъ. Гр. Витте уже не сомнѣвался, что конецъ близокъ, и мучительно искалъ выхода изъ создавшагося положенія. Но бывшій въ это время министромъ внутреннихъ дѣлъ покойный П. Н. Дурново, въ полномъ секретѣ отъ гр. Витте, распорядился арестовать Хрусталева-Носаря и его товарищей, и этимъ было положено начало возстановленію порядка.

Въ февралѣ 1917 г. событія разыгрались иначе. Къ моменту, когда на Невскомъ, въ домѣ № 144, было рѣшено организовать Совѣтъ рабочихъ депутатовъ,правительственная власть фактически перестала существовать. Не только 25-го февраля, но даже вечеромъ 24-го февраля, ни министръ внутреннихъ дѣлъ, ни командующій войсками не знали что имъ предпринять и какъ быть, часами вели безплодныя бесѣды, ни на что не рѣшались, противорѣчивыми распоряженіями сбивали съ толку подчиненныхъ, а когда, наконецъ , согласились произвести рядъ арестовъ, то было уже поздно.

Но продолжимъ разсказъ участника созданія Совѣта рабочихъ депутатовъ. Вечеромъ, 25-го февраля, одни изъ бывшихъ на собраніи въ № 144, на Невскомъ, отправились на засѣданіе, созванное рабочей группой Центральнаго Военно-Промышленнаго Комитета, другіе пошли въ Городскую Думу. Тамъ, впервые, гласные думы засѣдали вмѣстѣ съ представителями общественныхъ организацій. Не успѣли открыть засѣданіе, какъ было получено извѣстье, что всѣ собравшіеся въ Военно-Пром. Комитетѣ арестованы. «Это обстоятельство, — говоритъ разсказчикъ, — въ извѣстной мѣрѣ затормозило исполненіе на другой день намѣченнаго плана объ образованіи Совѣта».

Совѣтъ рабочихъ депутатовъ образовался только 27-го февраля. Произошло это, по словамъ разсказчика, при слѣдующей обстановкѣ: 27-го февраля, утромъ, на сторону возставшихъ массъ перешло нѣсколько полковъ; толпа захватила арсеналъ и главное артиллерійское управленіе, а около полудня была взята Выборгская тюрьма «Кресты», откуда съ торжествомъ были выпущены на свободу и политическіе, и уголовные заключенные. Въ числѣ освобожденныхъ находились и члены

рабочей группы Центр. Военно-Промышленнаго Комитета. Возставшіе солдаты, толпа народа, и все, что захватывалось по пути, шло въ Таврическій Дворецъ. Этимъ, какъ бы устанавливался фактъ, что народъ и войска, опрокинувъ старый строй, передали власть Государственной Думѣ.

Моментъ большого значенія. Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что очень многіе изъ тѣхъ, кто въ эту минуту стремился и увлекалъ другихъ по направленію къ Таврическому Дворцу, имѣлъ въ виду именно Государственную Думу, идею Думы, видя въ Думѣ собраніе народныхъ представителей, ту единственную организацію, которая должна была рѣшать и дѣйствовать за всѣхъ. Пусть среди нѣсколькихъ сотъ членовъ Думы одни были болѣе популярны, другіе — менѣе, въ эту минуту вопроса объ отдѣльныхъ лицахъ не ставили. Все разберется впослѣдствіи. Нуженъ былъ центръ, надо было исходить изъ чего-нибудь, на что-нибудь опереться, и эту роль должна была сыграть Дума. Само собой, — вся Дума, единое цѣлое, идея Думы.

Казалось, такъ оно и было. Къ возставшимъ выходили Родзянко, Милюковъ, кое-кто изъ октябристовъ, говорили привѣтственныя слова, распоряжались. Но въ самый короткій срокъ, преобладающая роль перешла къ Чхендзе, Скобелеву, Керенскому. Какъ передаетъ нашъ разсказчикъ, «появленіе ихъ встрѣчалось съ энтузіазмомъ и громовыми криками «ура».

Но дальше. «Около двухъ часовъ дня, — продолжаетъ разсказчикъ, — въ полуциркульномъ залѣ Таврическаго Дворца началось совѣщаніе членовъ Государственной Думы. Одновременно, въ другой части Таврическаго Дворца, въ комнатѣ № 12 (эту цифру авторъ печатаетъ жирнымъ шрифтомъ, предлагая читателямъ запомнить ее), стали собираться представители рабочихъ организацій. Блѣдные, съ горящими глазами, насъ встрѣчали Керенскій, Чхеидзе, Скобелевъ и направляли въ комнату № 12».

Такъ какъ, очевидно, одни и тѣ-же лица не могли сразу быть въ двухъ различныхъ мѣстахъ, то ясно, что къ этому моменту, т. е. всего черезъ два-три часа послѣ побѣды возстанія надъ старымъ строемъ, уже выявились и реально сказались два различныхъ теченія: одно — общедумское, продолжавшее принимать, привѣтствовать и затѣмъ торжественно собравшееся подъ руководствомъ своихъ многочисленныхъ вождей

въ полуциркульномъ залѣ, и другое — спеціальное, «блѣдное, съ горящими глазами», въ лицѣ всего нѣсколькихъ человѣкъ, ушедшее въ комнату № 12.

Разсказчикъ продолжаетъ: «Первоначально собралась довольно незначительная группа . Кромѣ депутатовъ с.-дем. и трудовой фракцій, въ это время въ комнатѣ № 12 находились: Б. О. Богдановъ и К. А. Гвоздевъ, только что освобожденные изъ «Крестовъ», А. Гриневичъ, представитель мѣстной меньшевистской организаціи, И. Г. Волковъ и Я. Ю. Каменскій, представители петроградскаго союза рабочихъ кооперативовъ, и Н. Д. Соколовъ».

«Время, — говоритъ разсказчикъ, — не ждало. Событія требовали скорыхъ и рѣшительныхъ дѣйствій. И вотъ эти группы лицъ, совмѣстно съ депутатами Чхеидзе, Скобелевымъ и Керенскимъ, *постановили немедленно приступить къ образованію Совѣта рабочихъ депутатовъ*. Было рѣшено немедленно направить во всѣ рабочіе районы гонцовъ, съ призывомъ избирать депутатовъ въ Совѣтъ и было выпущено слѣдующее воззваніе къ населенію отъ «Временнаго Исполнительнаго Комитета Совѣта Рабочихъ Депутатовъ» (такъ рѣшила себя назвать первая иниціативная группа): «Граждане! Засѣдающіе въ Государственной Думѣ представители рабочихъ, солдатъ и населенія Петрограда объявляютъ, что первое засѣданіе ихъ представителей состоится сегодня, въ 7 часовъ вечера, въ помѣщеніи Государственной Думы. Всѣмъ перешедшимъ на сторону народа войскамъ немедленно избрать своихъ представителей по одному на каждую роту. Заводамъ избрать своихъ депутатовъ по одному на каждую тысячу. Заводы, имѣющіе менѣе тысячи рабочихъ, по одному депутату».

Такимъ образомъ, пока въ полуциркульномъ залѣ происходило многолюдное торжественное засѣданіе, гдѣ ораторы, соперничая другъ съ другомъ въ краснорѣчіи, старались, каждый, по мѣрѣ силъ, установить важность переживаемыхъ событій, въ комнатѣ № 12 былъ быстро принятъ и еще быстрѣе приведенъ въ дѣйствіе цѣлый планъ практическихъ мѣръ. 10-15 человѣкъ испытанныхъ бойцовъ соціализма, по своему правильно оцѣнившихъ моментъ, нисколько не стѣсняясь полнымъ, казалось бы, несоотвѣтствіемъ дѣйствительнаго характера ихъ единенія съ тѣмъ, за какое они рѣшили себя выдать, рѣзко, повелительно обратились къ массамъ, упоеннымъ по-

бѣдой, и потребовали отъ этихъ массъ немедленнаго себѣ подчиненія. Въ этой группѣ не было ни солдатъ, ни рабочихъ, но у нихъ были «гонцы», а тамъ въ толщѣ рабочихъ кварталовъ да кое-гдѣ въ казармахъ имѣлись партійныя ячейки. На это и была поставлена ставка. Карта была дана и выиграна.

До нѣкоторой степени все-же смущали солдаты. Кое-какая рабочая организація, слабая или сильная — вопросъ не въ этомъ — несомнѣнно существовала. Но организація въ солдатской средѣ безспорно была слабая. Кромѣ того, полки Петрограда, почти всѣ безъ исключенія, предавая старый строй, шли съ своимъ оружіемъ на поклонъ къ Думѣ и объединяли свое представленіе о революціи съ представленіемъ о Думѣ. Бойцы комнаты № 12, опять таки вполнѣ практически, поспѣшили со слѣдующей поправкой: они выпустили воззваніе спеціально для солдатъ. Вотъ текстъ этого воззванія:

«Граждане! Солдаты, ставшіе на стражу народа, съ утра находятся на улицѣ голодные. Совѣтъ депутатовъ рабочихъ и солдатъ (замѣтьте: еще никакого совѣта не было, а была лишь иниціативная группа партійныхъ работниковъ, въ числѣ которыхъ не было ни одного рабочаго и ни одного солдата) прилагаетъ всѣ усилія къ тому, чтобы накормить солдатъ (замѣтьте: все это писалось въ комнатѣ № 12, откуда, конечно, нельзя было прилагать никакихъ «усилій»), но сразу организовать продовольствіе трудно (юмористы!). Совѣтъ обращается къ вамъ, граждане, съ просьбой кормить солдатъ всѣмъ, что только у васъ есть». Золотыя, магическія слова! Правда, это былъ остроумный ходъ...

Остальное сдѣлалось само собой. «Гонцы» не теряли времени даромъ, «приказъ» кормить солдатъ вызвалъ чувство глубокой благодарности, и къ вечеру, какъ передаетъ все тотъ-же ближайшій участникъ въ дѣлѣ организаціи Совѣта, «комната № 12 стала постепенно наполняться народомъ, и пришлось занять смежныя двѣ комнаты №№ 11 и 12».

Явились и свои восначальники: полковнику генеральнаго штаба С. Д. Масловскому были поручены сухопутныя войска, старшему лейтенанту В. М. Филипповскому — морскія. Оба они, каждый по своей части, должны были «организовать военныя силы и распоряжаться возставшими войсками».

«Около 9 ч. вечера, какъ читаемъ въ томъ-же разсказѣ, раздался звонокъ, и Н. С. Чхеидзе объявилъ засѣданіе Совѣта

рабочихъ депутатовъ открытымъ. Въ комнатѣ воцарилась тишина. Н. С. Чхеидзе произноситъ вступительное слово, отмѣчаетъ значеніе совершившагося переворота, призываетъ Совѣтъ и демократію завершить революціонный переворотъ и заканчиваетъ словами: «Да здравствуетъ революція», «да здравствуетъ революціонная армія!..»

На этомъ собраніи присутствовало, по подсчету автора, 125-150 человѣкъ. Въ президіумъ были избраны: предсѣдателемъ — Н. С. Чхеидзе, въ товарищи-предсѣдателя — А. Ф. Керенскій и М. М. Скобелевъ, секретарями — К. А. Гвоздевъ, Н. Д. Соколовъ, Гриневичъ и Панковъ. Затѣмъ были избраны комиссіи: по провѣркѣ мандатовъ, продовольственная (предсѣдатель — Громанъ), литературная (Ю. Стекловъ) и военная (съ Филипповскимъ и Масловскимъ во главѣ). Далѣе былъ избранъ Исполнительный Комитетъ Совѣта. Кромѣ президіума, въ Комитетъ вошли: Ю. М. Стекловъ, Н. Н. Сухановъ, Н. Ю. Капелинскій, онъ-же Юрьевъ, П. Н. Красиковъ, онъ-же М. Павловичъ, Шляпниковъ, онъ-же Бѣленинъ, Залуцкій, Э. Соколовскій, онъ-же В. Шатровъ, П. Александровичъ.

Засѣдали всю ночь. На слѣдующій день, 28 февраля, было второе засѣданіе Совѣта рабочихъ депутатовъ, а 1-го марта, состоялось засѣданіе представителей воинскихъ частей. На этомъ собраніи было избрано 9 лицъ, которыя вошли отъ солдатской секціи въ Исполнительный Комитетъ Совѣта рабочихъ депутатовъ, что превратило Совѣтъ въ Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. (1)

II.

Но было бы большой несправедливостью думать, что вожди буржуазныхъ политическихъ группъ бездѣйствовали. Открывъ, около двухъ часовъ дня, въ полуциркульномъ залѣ засѣданіе членовъ Думы, они совѣщались до ночи, сначала въ убѣжденіи, что въ ихъ лицѣ засѣдаетъ вся Россія, а затѣмъ — все болѣе и болѣе смущаемые вѣстями о рѣшеніяхъ и мѣропріятіяхъ комнаты № 12. Они начали подозрѣвать, что образуется нѣчто вродѣ двоевластія, во всякомъ случаѣ, что, вмѣсто одного центра, оказывается два. Немедленно-же присту-

(1) «Изв. Сов. Раб. и Солд. Деп.:» № 155 (отъ 27 авг. 1917 г.)

пили къ переговорамъ. Старая кадетская мысль о томъ, что соціалистическія группы непримиримы только потому, что ихъ преслѣдуетъ правительство, восторжествовала по всей линіи. Идея о томъ, что нѣтъ такихъ лѣвыхъ группъ, которыхъ, при умѣніи, а главное — при разумномъ и трезвомъ взглядѣ на вещи, нельзя было бы «ввести въ парламентское русло», казалась слишкомъ соблазнительной, и ее сдѣлали исходной точкой дальнѣйшихъ дѣйствій.

Переговоры то обострялись, то принимали болѣе спокойное теченіе, и къ 12-ти ч. ночи («ровно въ полночь», какъ было на слѣдующій день объявлено въ «Извѣстіяхъ думскихъ журналистовъ») окончательно организовался Исполнительный Комитетъ Государственной Думы, этотъ предвозвѣстникъ будущаго Временнаго Правительства. Въ комитетъ вошли представители всѣхъ фракцій, кромѣ правыхъ и націоналистовъ (балашевцевъ), а именно: Родзянко, Керенскій, Чхеидзе, Милюковъ, Карауловъ, Коноваловъ, Некрасовъ, Шидловскій, Дмитрюковъ, Ржевскій, Шульгинъ, В. Львовъ.

Составъ Исполнительнаго Комитета Гос. Думы былъ немедленно доложенъ Совѣту рабочихъ депутатовъ. Совѣтъ принялъ списокъ безъ возраженій, но продолжалъ дѣлать свое дѣло и тутъ-же вотировалъ текстъ воззванія къ населенію Петрограда; предлагалось всему населенію «немедленно сплотиться вокругъ Совѣта рабочихъ депутатовъ, образовать мѣстные комитеты по районамъ и взять въ свои руки управленіе всѣми мѣстными дѣлами» (2).

Впрочемъ, нѣкоторыя мѣры были приняты уже по соглашенію между Исполнительнымъ Ком. Совѣта и Исполнительнымъ Комит. Гос. Думы. Во первыхъ, надо было овладѣть кассами — для этой цѣли былъ избранъ совмѣстно особый финансовый комитетъ. Во вторыхъ, Исполнительному Комитету Совѣта рабочихъ депутатовъ нужны были деньги: — на обязанность Думскаго Комитета было возложено «припять участіе въ извѣстной долѣ финансированія Совѣта рабочихъ депутатовъ». Въ третьихъ, около трехъ часовъ ночи (все это происходило послѣ полуночи съ 27 на 28 февраля), до свѣдѣнія Думскаго Комитета дошло, что военная секція Совѣта принимаетъ какія-то ни съ чѣмъ несообразныя рѣшенія. Думскіе дѣятели

(2) Тамъ-же, стр. 7.

испугались, и въ 3-4 ч. ночи, явился въ эту секцію Родзянко и предложилъ военной комиссіи Совѣта объединиться съ военной комиссіей Думскаго Комитета. Соглашеніе состоялось, и предсѣдателемъ смѣшанной военной комиссіи былъ назначенъ полковникъ Энгельгардтъ.

День 28-го февраля прошелъ въ засѣданіяхъ, совѣщаніяхъ, въ усиленныхъ переговорахъ между думскимъ комитетомъ и исполнительнымъ комитетомъ Совѣта раб. депутатовъ, а также въ составленіи и изданіи воззваній къ населенію (каждый изъ двухъ комитетовъ издавалъ свои воззванія).

Предстояло разрѣшить два основныхъ вопроса: 1) какъ быть съ Государемъ и 2) какъ организовать власть. По первому вопросу думскіе дѣятели не могли сомнѣваться, что вся процедура нанесенія удара Монарху будетъ возложена всецѣло на нихъ. Главари Совѣта депутатовъ не видѣли для себя надобности входить въ это. Выставляя на своемъ знамени «завершеніе переворота» и «доведеніе до конца революціонныхъ завоеваній народа», они, конечно, не мыслили о какомъ-либо компромиссѣ со старымъ строемъ, уже побѣжденнымъ и фактически прекратившимъ свое существованіе. Они шли дальше: старый строй, а монархическое начало въ частности — плоть отъ плоти буржуазной идеологіи, слѣдовательно, сейчасъ, въ минуту, когда народъ сказалъ, наконецъ, свое слово, на обязанности буржуазіи, поскольку она поняла, что случилось, лежитъ обязанность доказать искренность своего покаянія и, такъ сказать, своими руками, на глазахъ у всѣхъ, убрать съ дороги послѣднія препятствія къ побѣдному торжеству подлинной русской демократіи. На этотъ счетъ не могло быть двухъ мнѣній, и думскіе дѣятели, въ значительномъ большинствѣ своемъ, не только безъ колебаній, но и съ несомнѣннымъ усердіемъ, пошли по намѣченному для нихъ пути.

Организація поѣздки въ Ставку, самая поѣздка и, какъ ея результатъ — манифестъ Государя объ отреченіи отъ Престола за себя и за Наслѣдника-Цесаревича (отъ 2-го марта) — всецѣло дѣло ихъ рукъ.

Но Государь, въ отреченіи своемъ, предуказалъ своимъ правопріемникомъ Великаго Князя Михаила Александровича. Для части думскихъ дѣятелей это былъ извѣстный выходъ изъ положенія. Онъ успокаивалъ ихъ совѣсть и уменьшалъ страхъ за будущее, разраставшійся по мѣрѣ того, какъ усиливался

и ожесточался напоръ слѣва. Но другая часть думцевъ, правда, каждый по своимъ мотивамъ, рѣшила итти до конца. Одни не вѣрили въ возможность удержать толпу въ рамкахъ такого половинчатаго рѣшенія, другіе боялись за себя, третьи, въ личныхъ видахъ, стремились итти до конца, четвертые просто растерялись и уже не понимали, куда идутъ. Когда, напримѣръ, Милюковъ, говоря съ толпой о будущемъ Россіи, заявилъ, что возможна монархія съ Великимъ Княземъ Михаиломъ Александровичемъ на Престолѣ, часть толпы шумно привѣтствовала оратора, а другая часть поставила вопросъ: есть ли это рѣшеніе тѣхъ, кто беретъ на себя власть, или-же это его личное мнѣніе. И онъ увидѣлъ себя вынужденнымъ отвѣтить, что это его личное мнѣніе. А съ другой стороны, часть думцевъ уже спѣшила къ Великому Князю съ убѣжденіями не принимать Престола.

Итакъ, этотъ основной вопросъ былъ всецѣло въ рукахъ у думцевъ и былъ разрѣшенъ ихъ заботой, ихъ трудами, пусть и не всецѣло ихъ волей, но всецѣло ихъ дѣйствіями.

Второй вопросъ — организація власти. Съ 28-го февраля по 2-ое марта шли переговоры о составѣ будущаго правительства. Кого привлечь къ власти и на комъ можно достичь объединенія, если принять во вниманіе всю сложность переживаемой минуты? Было обстоятельство, которое весьма облегчало разрѣшеніе этого важнаго и труднаго вопроса. Еще во второй половинѣ 1915 г., а особенно въ теченіе 1916 г. вожди такъ называемаго «прогрессивнаго блока», т. е. двухъ третей Гос. Думы, отъ лѣвыхъ, кромѣ крайнихъ, до независимыхъ націоналистовъ (послѣ революціи эти послѣдніе назвали себя республиканцами-либералами) и части членовъ Госуд. Совѣта, пропагандировали мысль о «кабинетѣ общественнаго довѣрія». Въ немъ хотѣли видѣть, съ одной стороны, отказъ правительства отъ старыхъ методовъ управленія, передачу власти въ руки лицъ, свободныхъ отъ какихъ-либо старыхъ вліяній, а, съ другой — начало парламентскаго режима, основной шагъ къ установленію въ Россіи принципа отвѣтственнаго передъ Палатами министерства. Радикальная по существу, но умѣренная по формѣ, эта мысль быстро завоевывала общественныя симпатіи, а неудачи на войнѣ и явно надвигавшееся разстройство въ тылу, превращали эту мысль въ боевой кличъ. О «кабинетѣ общественнаго довѣрія» говорили всѣ и вездѣ, и осо-

бенно настойчиво говорили тѣ, кто не отдавалъ себѣ отчета ни въ томъ, что такое этотъ «кабинетъ», ни въ томъ, съ какими обязательными послѣдствіями пришлось бы считаться, если бы мысль о такомъ «кабинетѣ» была приведена въ исполненіе. Кто помнитъ эти дни, тотъ, конечно, подтвердитъ, что въ Петроградѣ наиболѣе горячими сторонниками этой мысли были dii minores министерствъ и дамы великосвѣтскаго общества. Первые мечтали о быстромъ движеніи по службѣ, вторыя протестовали противъ Государыни, столь опредѣленно не считавшейся съ дамами, имѣвшими пріѣздъ къ Двору.

Составъ этого будущаго «кабинета общественнаго довѣрія» былъ установленъ заранѣе: Кн. Львовъ, какъ предсѣдатель; Милюковъ, Гучковъ (уступка октябристамъ), Шингаревъ, Кокошкинъ и т. д. Были, конечно, разные списки, но отличія сводились къ частностямъ. Главнѣйшія линіи были все тѣ-же

Такимъ образомъ, 28-го февраля и 1-го марта, когда вопросъ объ организаціи правительства сталъ не только реальнымъ, но и наиболѣе острымъ вопросомъ дня, думскіе дѣятели могли уже точно знать, изъ чего имъ слѣдуетъ исходить и куда направить свои поиски. Имѣлась на готовѣ шкатулка, и въ ней хранилось лучшее, что по моменту можно было достать, наиболѣе цѣнное, наиболѣе блестящее изо всего, чѣмъ располагала несоціалистическая интеллигенція, столько лѣтъ ведшая борьбу за власть.

Но, конечно, разъ съ первыхъ-же минутъ послѣ переворота, вожди буржуазной интеллигенціи не только не рѣшились на опредѣленную борьбу съ соціалистическими устремленіями, но, почти не раздумывая, а многіе — не скрывая покорности, шли на соглашенія и даже на любыя уступки, — явилось естественнымъ слѣдствіемъ, что и прежніе списки подверглись пересмотру. Два дня шелъ торгъ; были моменты, когда казалось, что соглашеніе уже достигнуто, но являлись новыя осложненія, и приходилось начинать сначала. Былъ моментъ, когда Родзянко, душа этихъ переговоровъ, пришелъ въ такое отчаянье, что предложилъ соціалистамъ взять бремя власти на себя, но тѣ отвѣтили, что пока находятъ это несвоевременнымъ. Наконецъ, къ вечеру 2-го марта соглашеніе состоялось. Напомнимъ составъ этого перваго кабинета: предсѣдателемъ Совѣта Министровъ и министромъ внутреннихъ дѣлъ — кн. Львовъ; военнымъ и морскимъ министромъ — Гуч-

ковъ; иностранныхъ дѣлъ — Милюковъ; торговли и промышленности — Коноваловъ; финансовъ — Терещенко; юстиціи — Керенскій; земледѣлія — Шингаревъ; путей сообщенія — Некрасовъ; оберъ-прокуроромъ Св. Синода — В. Львовъ; народнаго просвѣщенія — Мануйловъ; государственнымъ контролеромъ — Годневъ.

2-го марта былъ составленъ этотъ кабинетъ, на слѣдующій день состоялся отказъ Вел. Князя Михаила Александровича вступить на Престолъ, и, слѣдовательно, обѣ указанныя выше очередныя задачи оказались разрѣшенными. Старый міръ умеръ, на смѣну явился новый міръ.

Когда Совѣту рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ официально доложили объ образованіи новаго правительства, основной смыслъ сдѣланныхъ по этому поводу заявленій свелся къ возгласамъ, на которыхъ, въ сущности, все строилось: «Да здравствуетъ революція! Да здравствуетъ революціонная армія!».

III.

Надо, однако, остановиться на этомъ моментѣ нѣсколько подробнѣй. Не будемъ забывать, что это — моментъ центральный. Скажемъ безъ обиняковъ — рѣшающій.

Когда соглашеніе было достигнуто, Керенскій (2-го марта) вышелъ въ Екатерининскій залъ Таврическаго дворца и произнесъ рѣчь передъ многочисленной толпой солдатъ и гражданъ. Онъ началъ свою рѣчь слѣдующимъ заявленіемъ: «Я, членъ Государственной Думы, А. Ф. Керенскій, министръ юстиціи, объявляю во всеуслышаніе, что новое правительство вступило въ исполненіе своихъ обязанностей по соглашенію съ Совѣтомъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ» (3).

Тотъ-же Керенскій, но уже много позднѣе, черезъ два мѣсяца, далъ по этому вопросу нѣсколько болѣе подробныя объясненія. Въ своемъ заявленіи къ партіи соц.-революціонеровъ, къ Совѣту рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ и къ Исполнительному Комитету Гос. Думы, онъ говорилъ: «Революція застала трудовую демократію неорганизованной; цензовая Россія (т. е. несоціалистическая интеллигенція), одна взяла на себя организацію власти», и тогда онъ, Керенскій, на свой личный рискъ и страхъ, долженъ былъ принять представительство

(3) «Русс. Вѣд.» отъ 8-го марта 1917 г.

интересовъ демократіи въ составѣ Временнаго Правительства. Онъ долженъ былъ (приводимъ подлинныя его слова), «выполнять тяжелую и отвѣтственную миссію соединительнаго звена между этими двумя основными силами, которымъ досталась побѣда надъ старымъ строемъ» (4).

Такимъ образомъ, какова была съ перваго момента послѣ революціи конструкція власти? Съ внѣшней стороны, картина была слѣдующая:

1). Временное Правительство, какъ власть не только исполнительная, но и законодательная, какъ органъ — говоря словами печати того времени, — «обладающій всей полнотой власти, ибо онъ облеченъ всей полнотой народнаго довѣрія».

2). Государственная Дума и ея Исполнительный Комитетъ, какъ органъ доброжелательнаго сотрудничества, добраго, такъ сказать — дружескаго совѣта и поощренія;

3). Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ съ его Исполнительнымъ Комитетомъ, какъ органъ, ведущій прежде всего дѣло организаціи трудовой демократіи и этимъ путемъ, слѣдовательно, осуществляющій задачу контроля общественнаго мнѣнія надъ работой Временнаго Правительства. Если Дума, что называется, только ходить вокругъ да около Правительства, то Исполнительный Комитетъ Совѣта находится въ безпрерывномъ контактѣ съ правительствомъ. Даже спеціальная комиссія была учреждена при Исполнительномъ Комитетѣ, которая такъ и называлась «контактной».

Съ внутренней стороны отношенія представлялись нѣсколько иными, во всякомъ случаѣ, болѣе сложными. О Думѣ говорить не стоитъ. Какъ ни выбивались изъ силъ наиболѣе энергичные и настойчивые представители думскаго начала, понадобилось не болѣе двухъ недѣль, чтобы, въ сущности, ни правительство, ни сама Дума не сомнѣвались, что роль Думы сыграна и что надо умирать. Толкались какіе-то люди, дѣлались какія-то попытки, собирались какія-то совѣщанія, но и высказываемыя мысли, и проявляемыя стремленія явно не укладывались ни въ рамки быстро разворачивавшихся событій, ни въ общій тонъ момента. Агонія продолжалась недолго. Послѣдней вспышкой жизни явилось торжественное засѣданіе (27-го апрѣля) членовъ четырехъ составовъ Гос. Думы. Нѣчто вродѣ

(1) «Изв. Исп. Ком. Раб. и Солд. Деп.», № 52 (1917 г.)

соединеннаго собранія живыхъ и умершихъ, такъ сказать — лирическій порывъ, ибо, конечно, и по конструкціи, и по основному замыслу такая попытка не могла имѣть практическаго значенія. Болѣе умѣренная печать дѣлала много шума вокругъ этого засѣданія, все еще надѣясь подвести подъ идею Думы какія-то подпорки. Но соціалистическая печать отнеслась къ вопросу со свойственной ей безпощадностью. «Изв. Исполн. Комитета Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ», заявили прямо: «Дума умерла навѣки. Въ этомъ урокъ засѣданія 27-го апрѣля» (№ 53 отъ 1917 г.).

Какъ себя чувствовало Временное Правительство? Если судить по заявленіямъ министровъ и по отзывамъ буржуазной печати, Правительство чувствовало подъ собой твердую почву, на будущее смотрѣло бодро, работало на полной свободѣ, и единственное, что было тяжело, это — «ужасное наслѣдіе проплаго», тотъ «хаосъ, который остался послѣ стараго режима». Еще 12-го апрѣля, т.е. всего за три недѣли до краха перваго кабинета Временнаго Правительства, Керенскій заявилъ во всеуслышаніе: «Временное Правительство обладаетъ всей полнотой власти». Развивая эту мысль, онъ пояснялъ: «Старая власть оставила все въ разстроенномъ видѣ, но мы все таки взяли власть, потому что вѣрили, что народъ пойметъ невозможность для новой власти создать сразу все изъ ничего». Онъ счелъ себя вправѣ прибавить при этомъ: «наша вѣра не обманула насъ». Онъ просилъ только не торопить правительство. Онъ сказалъ: «Превратить азіатскую монархію въ самую, быть можетъ, совершенную на свѣтѣ республику и не допустить ошибокъ, дѣлавшихся въ свое время Западной Европой,—эта задача не можетъ быть рѣшена въ нѣсколько дней. Она требуетъ если не годовъ, то нѣсколько мѣсяцевъ. И мы достигнемъ этой цѣли» (5).

Въ этомъ заявленіи все интересно: и эта ссылка на разстройство, оставшееся въ наслѣдство отъ старой власти, и это обѣщаніе создать «самую, быть можетъ, совершенную на свѣтѣ республику», въ нѣсколько мѣсяцевъ, и эта вѣра въ то, что «народъ пойметъ». Но боевымъ мѣстомъ заявленія является, конечно, утвержденіе: «Временное Правительство обладаетъ всей полнотой власти». Чтобы придать утвержденію особую си

(5) Рѣчь Керепскаго въ отвѣтъ на обращеніе делегаціи 7-ой арміи (глава делегаціи — поруч. Степунъ). «Изв. Сов. Раб. и Солд. Деп.» отъ 14 апр. 1917 г. № 40.

лу, Керенскій счелъ необходимымъ тутъ-же добавить: «Не думайте, что критика и контроль общественныхъ круговъ мѣшаютъ намъ работать. Тѣмъ болѣе мы нуждаемся въ контролѣ и критикѣ Совѣта солдатскихъ, рабочихъ, крестьянскихъ и офицерскихъ депутатовъ». Кстати, характерно: по моменту, офиціальная вѣжливость состояла въ томъ, что въ наименованіи Совѣта депутатовъ солдатъ ставили на первомъ мѣстѣ, о рабочихъ упоминали раньше, чѣмъ о крестьянахъ, а объ офицерахъ или вовсе не упоминали, или-же вводили ихъ послѣднимъ членомъ формулы (6).

Керенскій могъ все это говорить и, вѣроятно, даже безъ особенно большихъ колебаній, такъ какъ онъ былъ не только министромъ Временнаго Правительства, но и «соединительнымъ звеномъ между двумя основными силами». Значительная-же часть его товарищей по кабинету и самъ глава кабинета не раздѣляли оптимизма Керенскаго. Въ бесѣдахъ съ представителями печати, само собой, еще даже въ началѣ апрѣля, продолжаютъ «возлагать надежды на свободное самосознаніе народа» и «не сомнѣваются, что уже проведенныя Временнымъ Правительствомъ реформы быстро оздоровятъ атмосферу» Но рядомъ съ этимъ, они, то и дѣло, жалуются на «эксцессы». убѣждаютъ солдатъ «показать себя достойными свободы», напоминаютъ гражданамъ, что «правительство творитъ народную волю и потому вправѣ требовать повиновенія» (7). Они уже понимаютъ, что событія идутъ совсѣмъ не тѣмъ ходомъ, на который они разсчитывали, и что основныя соображенія, изъ которыхъ они исходили въ первые дни революціи, когда они организовывали власть, оказались, въ самомъ существѣ своемъ, не только ошибочными, но и опредѣленно безнадежными.

Какъ видно уже изъ того, что разсказано выше, Временное Правительство приняло власть «по соглашенію» съ Совѣтомъ депутатовъ. Если желать быть точнымъ, смыслъ этого «соглашенія» сводится къ простому дозволенію со стороны Совѣта. Могъ-ли Совѣтъ уже въ эти первыя минуты что-либо дозволить либо не дозволить — вопросъ иной. Въ дѣйствительности, конечно, не могъ. Когда Родзянко, ведшій переговоры, предложилъ соціалистамъ взять власть въ свои руки, они рѣшительно отказались. — «Революція застала трудовую демо

(6) Тамъ-же.
(7) «Новое Время» отъ 5 марта 1917 г.

кратію неорганизованной» — объяснялъ Керенскій въ своемъ заявленіи наканунѣ краха перваго кабинета, т. е. черезъ два мѣсяца послѣ революціи (8). Армія еще не распалась, петроградскій гарнизонъ, въ подавляющемъ большинствѣ своемъ, готовъ былъ сплотиться вокругъ Думы. Но, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, вопросъ совсѣмъ не въ томъ, что было въ дѣйствительности, а въ томъ, каковы были люди этой минуты, и что имъ казалось. Еще недавно, чувствуя себя подъ охраной всей силы власти стараго правительства, двѣ трети этихъ людей, которые 27-го февраля, подъ предсѣдательствомъ Родзянки, засѣдали въ полуциркульномъ залѣ, иногда убѣдительно, иногда только страстно, но почти всегда съ глубокимъ сознаніемъ своего превосходства и полной правоты, бросали будущимъ вождямъ Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ и обвиненія, и упреки и, конечно, не вошли бы съ ними ни въ какія соглашенія. Но теперь, предоставленные самимъ себѣ, испугавшіеся за себя, почувствовавшіе себя въ водоворотѣ, извратившемъ сразу всѣ перспективы, они забыли все, что было вчера, и ничего не поняли въ томъ, что происходило сегодня.

Тѣмъ, очевидно, настойчивѣе и безцеремоннѣе были организаторы Совѣта. Они поняли эту психологію и оцѣнили ее по достоинству. Они немедленно поставили условія, а каждое принимаемое условіе рождало нѣсколько новыхъ. Даже никакой борьбы не было. Были «переговоры», но это не борьба. Состоялось «соглашеніе», но оно имѣло весь смыслъ дозволенія и готовности подчиниться этому дозволенію.

Въ рядѣ обращеній къ странѣ, Временное Правительство усиленно подчеркивало свою «вѣру въ народъ», въ его разумную волю, въ его искреннее стремленіе принять и поддержать новыя формы жизни. Напримѣръ, 5-го марта, за подписью кн. Львова, Гучкова и Некрасова, объявлялось: «Мы свергли старый строй, потому что въ немъ царили произволъ и насиліе. Мы знали, что тамъ, гдѣ къ личности гражданина нѣтъ уваженія и гдѣ на каждомъ шагу попирается чужое право, не можетъ быть порядка...» (9). Въ заявленіи Временнаго Правительства отъ 26-го апрѣля эта мысль высказана еще опредѣленнѣе: «Когда послѣ паденія низвергнутаго могучимъ порывомъ народной воли стараго порядка, Временное Правительство при

(8) «Изв. Сов. Раб. и Солд. Деп.», № 52 (1917 г.)
(9) «Новое Время», 5 марта 1917 г.

няло въ свои руки власть, члены правительства ясно сознавали, какъ неизмѣримо трудна стоящая передъ ними задача (напомнимъ: Керенскій заявилъ, что создать совершенную на свѣтѣ республику — работа, если не нѣсколькихъ лѣтъ, то нѣсколькихъ мѣсяцевъ), и какъ тяжело падающее на нихъ бремя отвѣтственности за судьбы Россіи; тѣмъ не менѣе они не поколебались взять на свои плечи это бремя, въ твердой увѣренности, что единодушная поддержка народа дастъ имъ силы и возможность исполнить свой долгъ до конца» (10).

Въ этихъ и имъ подобныхъ заявленіяхъ заключается отвѣтъ на основной вопросъ, тотъ, который имъ на каждомъ шагу ставила несоціалистическая часть Россіи и который они сами должны были ставить себѣ, такъ какъ они никогда не были, да и не могли быть соціалистами. Вопросъ не о томъ, конечно, почему они вообще приняли власть, а о томъ, на что они разсчитывали, принявъ власть при подобныхъ условіяхъ?

Въ самомъ дѣлѣ, на что разсчитывали? Убѣдить такъ называемую «трудовую демократію» отказаться отъ самой себя? Дѣйствительно «ввести ее», — говоря словами Милюкова, — «въ парламентское русло»? Или просто на просто надѣялись обмануть ее? Когда дѣятели этого момента ссылаются на свою «вѣру въ народъ», то что, въ сущности, они хотятъ сказать: да, конечно, вожди такъ называемой «трудовой демократіи» не упускали ни одного случая показать намъ, что они ведутъ насъ на поводу, и мы, конечно, должны были считаться съ этимъ, но, кромѣ вождей, была народная масса, и мы, съ дозволенія вождей, заручившись властью, могли опереться на массы, чтобы пойти противъ вождей. Какъ, слѣдовательно, ни поворачивать вопросъ, остается безспорнымъ, что съ перваго момента образованія Временнаго Правительства, тамъ, глубоко, въ тайникахъ процесса этого образованія, имѣлась фальшь, злая, разъѣдающая, которая должна была развиться въ быстро дѣйствующую отраву и сдѣлать свое ужасное дѣло. И чѣмъ настойчивѣе члены Правительства повторяли, «что они взяли на себя власть только потому, что «вѣрили въ народъ», тѣмъ, слѣдовательно, яснѣе, что у нихъ не было мужества искренно признаться въ своемъ истинномъ отношеніи къ «трудовой демократіи» и, въ особенности, къ ея вождямъ.

---

(10) «Изв. Сов. Раб. и Солд. Деп.», № 30, отъ 26 апр. 1917 г.

IV

Революція произошла въ разгаръ войны, войны тяжелой, небывалой по размѣрамъ, требовавшей всѣхъ силъ страны. Продолжать войну, или покончить съ ней? Однимъ изъ наиболѣе тяжелыхъ обвиненій по адресу стараго Правительства являлась легенда, будто бы Государь, а особенно Государыня, подъ вліяніемъ темныхъ силъ и «нѣмецкой партіи», склонны. или готовы склониться къ сепаратному миру съ Германіей Теперь, когда и секретные документы пересмотрѣны, и архивы перестали быть тайной, да и столько разныхъ лицъ расшифрованы, лишь тѣ, кому просто невыгодно признаться въ своей ошибкѣ, продолжаютъ настаивать на всѣхъ этихъ легендахъ. Тогда-же говорили объ этомъ, какъ о непреложной истинѣ, и обвиненія бросались полной горстью, съ размаха, тѣмъ настойчивѣе, чѣмъ было очевиднѣй, какъ глубоко эти слухи и толки волнуютъ толпу.

Очевидно, революція должна была выступить съ лозунгомъ: «Война до побѣднаго конца!». Такъ оно и было въ первые дни революціи. Война до конца, вѣрность союзникамъ, святое исполненіе всѣхъ принятыхъ на себя обязательствъ — словомъ, не только не отступать передъ продолженіемъ войны, но наоборотъ, влить въ эту тяжелую борьбу все то новое и могучее, что должно явиться непремѣннымъ слѣдствіемъ подъема народной души, проявленнаго революціей самосознанія, вообще всего изумительнаго, что не сегодня-завтра дастъ Россіи революція.

Такъ говорили думцы, такъ заявляло Временное Правительство, не такъ, но вродѣ этого говорилъ и Совѣтъ депутатовъ. Но сейчасъ-же оказалось, что въ одни и тѣ-же слова можно вкладывать весьма различное содержаніе. Начнемъ съ того, что революціонный переворотъ былъ осуществленъ запасными частями Петроградскаго гарнизона, а завершенъ фронтовыми генералами. Слѣдовательно, во главѣ вопроса о войнѣ, точнѣе — передъ этимъ вопросомъ стоялъ совсѣмъ другой вопросъ, и особенно острый, и особенно неотложный: объ арміи, о томъ, какъ она расцѣнитъ положеніе, чѣмъ захочетъ вознаградить себя, куда примкнетъ, и вообще какова будетъ эта новая армія въ этомъ новомъ государствѣ. Думцы и признанное ими правительство могли обратиться къ арміи только съ ободряющими

призывами, да и то сопровождавшимися напоминаніемъ о долгѣ, о родинѣ, о чести умереть за благо свободной Россіи. «Трудовая демократія» поспѣшила взять быка за рога: она объявила созданный ею Совѣтъ солдатскимъ центромъ и, не давъ никому что называется оглядѣться, бросила въ армію знаменитый «приказъ № 1».

Офиціозный историкъ этого момента признается въ томъ что 27-го февраля, когда «Таврическій дворецъ волею революціи превратился въ главный штабъ революціи», и на этой почвѣ стали опредѣляться дальнѣйшія событія, то «безъ офицеровъ и безъ политическихъ вождей, солдатская масса сразу же поступила въ распоряженіе вождей пролетаріата». Тотъ-же историкъ разсказываетъ: «Однимъ изъ первыхъ постановленій Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ было изданіе приказа № 1, обращеннаго къ солдатамъ Петрограда». Приказъ этотъ, по словамъ историка, является «величайшимъ актомъ революціоннаго творчества». А почему? — тому слѣдуютъ пункты: «онъ сразу-же опредѣлилъ ячейки внутренней организаціи арміи революціонной и демократической, и въ первую очередь далъ формы организаціи революціоннаго гарнизона Петрограда» (11). Говоря проще, онъ послужилъ цѣлямъ вождей «трудовой демократіи», совершенно не считавшихся въ эту минуту съ тѣмъ, какое значеніе можетъ онъ имѣть для вопроса о продолженіи войны.

Приведемъ текстъ этого приказа, какъ онъ напечатанъ въ «Изв. Московск. Сов. раб. деп.» отъ 4-го марта 1917 г.:

«Исполнительный Комитетъ Совѣта рабочихъ депутатовъ предложилъ военному штабу издать слѣдующій приказъ по войскамъ: 1) Во всѣхъ ротахъ, полкахъ, батальонахъ, эскадронахъ, отдѣльныхъ службахъ и разнаго рода военныхъ управленіяхъ, немедленно выбрать комитеты изъ выборныхъ представителей отъ нижнихъ чиновъ; 2) выбрать въ Совѣтъ рабочихъ депутатовъ по одному представителю отъ роты или соотвѣтствующей ей по величинѣ части; 3) во всѣхъ своихъ политическихъ выступленіяхъ, воинскія части подчиняются Совѣту раб. и солд. депутатовъ и своимъ комитетамъ. Приказы военныхъ комиссаровъ Государственной Думы (существовали два дня, до образованія Временнаго Правительства) слѣдуетъ исполнять,

(11) «Изв. Сов. Солд. и Раб. Деп.» № 155 (1917 г.) стр. 7.

за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда они противорѣчатъ приказамъ и постановленіямъ Совѣта раб. и солд. депутатовъ; 4) всякаго рода оружіе, какъ-то, винтовки, пулеметы, бронированные автомобили (оружіе?) и проч., должны находиться въ распоряженіи и подъ контролемъ ротныхъ и батальонныхъ комитетовъ и ни въ какомъ случаѣ не выдаваться офицерамъ, даже по ихъ требованію; 5) въ строю и при отправленіи служебныхъ обязанностей, солдаты должны соблюдать строжайшую дисциплину, но внѣ службы и строя, въ своей политической, общественной, гражданской и частной жизни, ни въ чемъ не могутъ быть умалены въ тѣхъ правахъ, коими пользуются всѣ граждане; въ частности, вставанье во фронтъ и обязательное отданіе чести, внѣ службы, отмѣняется; равнымъ образомъ отмѣняется титулованіе офицеровъ высокопревосходительствами и благородіями и замѣняется обращеніями: г. генералъ и т. д.; 6) грубое обращеніе съ солдатами всякихъ воинскихъ чиновъ, въ частности — обращеніе къ нимъ на «ты», воспрещается. О всякомъ нарушеніи сего, равно какъ и о всѣхъ недоразумѣніяхъ между офицерами и солдатами, послѣдніе обязаны доводить до свѣдѣнія ротныхъ комитетовъ». Приказъ заканчивается такъ: «настоящій приказъ прочесть во всѣхъ ротахъ, батальонахъ, полкахъ, батареяхъ и прочихъ строевыхъ и нестроевыхъ командахъ».

Временное Правительство получило этотъ «величайшій актъ революціоннаго творчества» уже въ готовомъ видѣ, но оно не вступило съ нимъ въ борьбу. Оно признало его, какъ признало вообще все, что было продиктовано Совѣтомъ, и даже само проникло основными мыслями приказа о комитетахъ въ ротахъ, полкахъ и арміяхъ и о «строжайшей дисциплинѣ» въ строю при полной свободѣ солдата внѣ строя. Оно заинтересовалось, главнымъ образомъ, подробностями и, создавъ при военномъ министерствѣ особую комиссію подъ предсѣдательствомъ ген. Поливанова, придало «приказу № 1» юридическую форму. Все это, какъ извѣстно, вылилось въ форму положенія о комитетахъ и о дисциплинарномъ судѣ, вошедшаго въ силу по приказу военнаго и морского министра Гучкова, отъ 16-го апрѣля 1917 г., за № 213. Замѣтимъ при этомъ, что комиссія генерала Поливанова была несвободна въ своихъ трудахъ. Тотъ-же офиціозный историкъ, разсказъ котораго мы приводили выше, сообщаетъ слѣдующую подробность: «Чтобы дать общую норму

организаціи арміи (напомнимъ: приказъ № 1 былъ изданъ по Петроградскому гарнизону), солдатская секція Совѣта раб. и солд. депутатовъ приступила къ выработкѣ положенія о ротныхъ, полковыхъ, дивизіонныхъ и армейскихъ комитетахъ. 29-го марта были окончательно разсмотрѣны эти положенія и переданы въ согласительную комиссію, подъ предсѣдательствомъ ген. Поливанова, гдѣ и были утверждены».

Тѣмъ-же путемъ, т. е. путемъ простого настоянія, прошли и другія начинанія солдатской секціи Совѣта по вопросу объ арміи. Напримѣръ, посылка въ армію, на фронтъ, отвѣтственныхъ комиссаровъ, т.е. уполномоченныхъ политическихъ агентовъ, которые поддерживали въ рядахъ арміи ея революціонное настроеніе и способствовали ея революціонно-демократическому воспитанію. Первые комиссары были посланы Исполнительнымъ Комитетомъ Совѣта, а затѣмъ, по соглашенію съ военнымъ и морскимъ министромъ Гучковымъ, комиссары назначались правительствомъ, но изъ лицъ, рекомендованныхъ Исполнительнымъ Комитетомъ Совѣта. Та-же солдатская секція создала при главнокомандующемъ петроградскаго военнаго округа особое совѣщаніе «для обсужденія подлежащихъ разрѣшенію главнокомандующаго округомъ профессіонально-военныхъ и военно-политическихъ вопросовъ и для установленія живой и тѣсной связи съ широкими солдатскими массами». Объ этомъ совѣщаніи читаемъ: «Оно было образовано по желанію военнаго министра и солдатской секціи Совѣта раб. и солд. депутатовъ» (12).

Единственное, на что военный и морской министръ Гучковъ не согласился, это — на принятіе знаменитой декларации «правъ солдата». Официозный историкъ разсказываетъ: «Солдатская секція стремилась использовать весь опытъ ея членовъ, всѣ имѣющіяся у нея свѣдѣнія для проведенія въ жизнь насущныхъ потребностей революціонной арміи. Первой такой задачей являлось закрѣпленіе въ законѣ правъ солдата, добытыхъ революціоннымъ путемъ Петроградскимъ гарнизономъ. 9-го марта 1917 г. былъ принятъ солдатской секціей Совѣта раб. и солд. депутатовъ величайшій актъ творчества солдатской секціи Совѣта — декларація правъ. И только 11-го мая, послѣ упорныхъ и настойчивыхъ требованій, послѣ ухода Гучкова, Керенскимъ была подписана декларація правъ солдата» (13).

(12—13) Тамъ-же, стр. 8.

Такимъ образомъ, нѣтъ ни малѣйшей возможности сомнѣваться въ томъ, что «трудовая демократія» изъ вопроса о войнѣ создала вопросъ объ организаціи революціонной арміи. Не отказывались отъ войны, не говорили просто и прямо, что, дескать, повоевали и довольно. Наоборотъ, охотно повторяли: «въ цѣляхъ увеличенія боеспособности арміи», «движимые вѣрой, что только революціонная и демократическая армія дастъ Россіи побѣду», но практически все вели къ тому, чтобы сдѣлать изъ арміи послушное орудіе въ рукахъ вождей пролетаріата. Говорили о внѣшнемъ врагѣ, но думали о «врагѣ внутреннемъ». Самая точка зрѣнія на солдата служитъ тому доказательствомъ. Ибо что такое солдатъ? Человѣкъ отбывающій очень тяжелую повинность во имя государственнаго начала, гражданинъ, которому, можетъ быть, очень и очень не хотѣлось бы уйти изъ своего дома, отъ семьи, отъ привычнаго ему дѣла; но онъ долженъ это сдѣлать, какъ долженъ платить подати, налоги, какъ долженъ, во имя того-же государства, подчинять себя ряду ограниченій. «Трудовая демократія» не только предлагала облегчить тяжесть этой повинности и измѣнить характеръ этихъ ограниченій, но усматривала въ состояніи солдата права на особые групповые и даже классовые интересы, выдѣляла его, какъ нѣкоторую часть общества, имѣющую даже преимущества, въ сравненіи съ другими классами, и всячески подчеркивала, что солдатъ — дѣйственная сила революціи. Этимъ, естественно, создавался распадъ арміи, какъ боевой силы, но этимъ укрѣплялся боевой фронтъ «трудовой демократіи», т.е. то, что единственно интересовало ея вождей.

Временное Правительство не раздѣляло, конечно, принциповъ всего этого построенія, но, разъ оно согласилось стать на путь уступокъ, оно неизбѣжно должно было запутаться. Спасая частности, оно теряло цѣлое, не раздѣляя принциповъ, оно ставило свою печать на мѣрахъ, ведшихъ къ реальному осуществленію этихъ принциповъ. Оно позволило использовать предоставленную ему власть, какъ средство обезцвѣтить и затѣмъ распылить эту власть.

Первымъ слѣдствіемъ всего этого явилась расправа солдатъ съ офицерами и вообще со всѣмъ командным составомъ. И не та расправа перваго момента, когда вспышки раздраженія и злобы, слѣдствіе старыхъ обидъ и силой подавляемаго инстинкта, ведутъ къ насиліямъ и убійству, а расправа методи

ческая, хладнокровная, съ разсчетомъ, какъ бы по извѣстному плану. Въ связи съ этимъ, естественно мѣнялись всѣ условія жизни арміи. Мѣсто ученій и занятій по боевой подготовкѣ заняли политическіе митинги, центръ интересовъ перешелъ съ окоповъ и невдалекѣ расположеннаго врага къ комитетамъ, выборамъ, комиссарамъ, депутатамъ, и мысль тревожилась не тѣмъ, надо либо не надо побѣдить нѣмцевъ, а только тѣмъ, что, пожалуй, тамъ, дома, на родинѣ, будутъ раздавать либо просто будутъ захватывать помѣщичью землю, а ты сиди здѣсь, гній въ болотѣ и окажешься въ концѣ обдѣленнымъ.

Сразу началось дезертирство. Рядомъ приказовъ по фронту командный составъ арміи убѣждалъ солдатъ помнить, что война продолжается, что врагъ не дремлетъ, и что въ такія минуты самовольно оставлять ряды — преступленіе. О томъ-же говорили и обращенія Временнаго Правительства. Но день ото дня число дезертировъ пріумножалось. Насколько это явленіе губило армію, видно изъ воззванія военнаго и морского министра Гучкова, отъ 7-го апрѣля: «Вся Россія съ тревогой внимаетъ скорбнымъ вѣстямъ, приходящимъ съ фронта. Въ то время, какъ всѣ силы обновленной Россіи и стоящей на ея стражѣ арміи должны быть обращены на огражденіе завоеваній свободы отъ грозящей ей извнѣ опасности, въ арміи наблюдается глубоко печальное явленіе, въ корнѣ подрывающее ея силу, а именно массовое дезертирство солдатъ» (14).

Одновременно разрослись до фантастическихъ размѣровъ отпуски домой на болѣе или менѣе продолжительную побывку. Уже во второй половинѣ марта желѣзныя дороги во всѣхъ концахъ Россіи были буквально запружены солдатами. Какъ безчинствовала эта солдатская масса, помнятъ, конечно, всѣ, кто въ это время имѣлъ несчастье ѣздить по нашимъ дорогамъ. Въ воззваніи Временнаго Правительства отъ 4-го апрѣля 1917 г. читаемъ: «Занимаются чужія мѣста въ пассажирскихъ вагонахъ, разбиваются въ нихъ окна, самые вагоны переполняются солдатами до того, что въ нихъ прогибаются рессоры и ломаются оси. Къ служащимъ предъявляются, подъ угрозами насилія, требованія, противорѣчащія основнымъ правиламъ безопасности движенія поѣздовъ, и былъ даже случай, когда подъ кровавой угрозой машиниста пассажирскаго поѣзда принужда-

(14) «Русс. Вѣд.» отъ 9 апр. 1917 г.

ли отправиться на размытый перегонъ» (15). А сколько было такихъ случаевъ, когда «кровавая угроза» тутъ-же приводилась въ исполненіе!...

Армія распадалась не по днямъ, а по часамъ. Но чѣмъ опредѣленнѣе распадалась армія, тѣмъ яснѣе обрисовывался типъ солдата, какъ послушнаго орудія въ рукахъ вождей «трудовой демократіи». Какъ военный и морской министръ Гучковъ ни упирался, отказываясь подписать «декларацію правъ солдата», но того, что онъ, идя въ ногу съ Временнымъ Правительствомъ, уже подписалъ, было вполнѣ достаточно, чтобы, вмѣсто арміи и боевого фронта, образовался ужасный, по истинѣ — роковой соціальный гнойникъ, который не могъ не заразить весь народный организмъ.

И, конечно, злой ироніей звучали при такихъ условіяхъ возгласы Временнаго Правительства : « война до конца », « вѣрность взятымъ на себя обязательствамъ ». Злой ироніей звучали и такія, напримѣръ, заявленія (за подписью кн. Львова). какъ: «пусть будетъ стыдно тому, кто изъ малодушія или личнаго интереса измѣняетъ святому долгу защиты родины» (16)

Развѣ солдатъ не имѣлъ права, побѣдоносно потрясая « Приказомъ № 1 » и другими актами за подписью членовъ Временнаго Правительства, обернуться и воскликнуть : « Это намъ-то да будетъ стыдно? Развѣ не вы это подписали?!».

V

Истинная точка зрѣнія « трудовой демократіи » собственно на войну вскрылась нѣсколько позднѣе. Она чувствовалась, конечно, уже черезъ недѣлю послѣ революціи, она высказывалась отдѣльными вождями пролетаріата едва-ли не одновременно съ подготовкой « декларации правъ солдата », но откровенно, ясно, безъ дальнѣйшихъ церемоній она была формулирована и предложена правительству, какъ требованіе, которому надлежало опредѣленно подчиниться, приблизительно къ 16-20 апрѣля.

Приходится начать нѣсколько издалека. 5-го марта министръ иностранныхъ дѣлъ Милюковъ послалъ державамъ ноту, помѣченную 4-го марта, (17) гдѣ, разсказавъ подробно,

(15) « Нов. Вр.» отъ 5 апр. 1917 г.
(16) «Нов. Вр.» отъ 11 апр. 1917 г.
(17) Victoroff-Toropoff « La Prèmiére Année de la Revolution Russe », Berne, 1919, pages 110—111.

какъ и почему палъ старый строй, удостовѣрялъ, что кабинетъ, въ которомъ онъ занялъ постъ министра иностранныхъ дѣлъ, остается вѣрнымъ союзникомъ Антанты и съ честью исполнитъ взятыя на себя обязательства. Онъ выражалъ также увѣренность, что отношенія съ союзниками станутъ и болѣе тѣсными, и болѣе прочными, такъ какъ новый государственный строй Россіи покоится на демократическихъ принципахъ, на уваженіи къ правамъ другихъ народовъ, какъ большихъ, такъ и малыхъ, на уваженіи къ ихъ свободѣ, къ ихъ праву на развитіе, на стремленіи установить доброе сожительство народовъ Милюковъ удостовѣрялъ также. что Россія , подобно другимъ государствамъ Антанты, рѣшила не останавливаться ни передъ какими жертвами, дабы обезпечить человѣчеству всеобщій миръ, который имѣлъ бы въ своей основѣ постоянную международную организацію (лигу націй ?), обезпечивающую уваженіе къ праву и справедливости. Россія, — говорилъ онъ, — будетъ сражаться рука объ руку противъ общаго врага до конца, безъ раздумья и колебаній. Новое правительство приложитъ всѣ силы, чтобы подготовить побѣду, исправить всѣ ошибки прошлаго, которое такъ принизило и ослабило подъемъ народнаго духа. И новое правительство вѣритъ, что оно приблизитъ часъ окончательнаго торжества надъ общимъ врагомъ.

Нота эта произвела заграницей прекрасное впечатлѣніе, и тамъ не сомнѣвались, что дѣло побѣды теперь въ вѣрныхъ и надежныхъ рукахъ. Однако, уже черезъ три недѣли правительство увидѣло себя вынужденнымъ опубликовать слѣдующее обращеніе къ гражданамъ (оно помѣчено 27 марта): «Граждане ! Временное Правительство, обсудивъ военное положеніе русскаго государства, во имя долга передъ страной, рѣшило прямо и открыто сказать народу всю правду. » Въ чемъ-же состоитъ эта « правда » ? Она — въ трехъ частяхъ, которыя ни внѣшне, ни внутренне между собой не связаны. Часть первая : обвиненія по адресу стараго правительства, которое оставило дѣло обороны « въ тяжеломъ, разстроенномъ положеніи » и которое своимъ преступнымъ бездѣйствіемъ и своими неумѣлыми мѣрами внесло разруху въ наши финансы, въ дѣло продовольствія и перевозки, въ дѣло снабженія арміи. » Часть вторая : сознаніе, что новый государственный строй пока что мало помогъ дѣлу, хотя и прилагаетъ всѣ свои силы, « при живомъ и

дѣятельномъ участіи всего народа.» Не только страна остается « подъ ударами сильнаго врага, захватившаго цѣлыя области нашего государства», но врагъ этотъ грозитъ « новымъ рѣшительнымъ напоромъ ». Часть третья : отвѣтъ на взгляды « трудовой демократіи » на цѣли войны. Отвѣтъ этотъ гласитъ слѣдующее: «предоставляя волѣ народа, въ тѣсномъ единеніи съ нашими союзниками, окончательно разрѣшить всѣ вопросы, связанные съ міровой войной и ея окончаніемъ, Временное Правительство считаетъ своимъ правомъ и долгомъ нынѣ-же заявить, что цѣль свободной Россіи — не господство надъ другими народами, не отнятіе отъ нихъ ихъ національнаго достоянія, не насильственный захватъ чужихъ территорій, но утвержденіе прочнаго мира на основѣ самоопредѣленія народовъ. Русскій народъ не добивается усиленія мощи своей за счетъ другихъ народовъ, онъ не ставитъ своей цѣлью ничьего порабощенія и униженія. Во имя высшихъ началъ справедливости имъ сняты оковы, лежавшіе на польскомъ народѣ, но русскій народъ не допуститъ, чтобы родина его вышла изъ великой борьбы униженной и подорванной въ жизненныхъ своихъ силахъ. Эти начала будутъ положены въ основу внѣшней политики Временнаго Правительства, неуклонно проводящаго волю народную и охраняющаго права нашей родины, при полномъ соблюденіи обязательствъ, принятыхъ въ отношеніи нашихъ союзниковъ.» (17).

Какъ легко видѣть, между отдѣльными частями « правды » нѣтъ даже единства настроенія. О первой части говорить не стоитъ — она писалась для порядка, такъ какъ въ эти дни считалось безспорнымъ, что все плохое въ прошломъ, а все прекрасное — въ настоящемъ и будущемъ. Вторая часть была, дѣйствительно, горькой правдой. Дѣло обороны гибло на глазахъ; «приказъ № 1» сдѣлалъ уже свое, армія распадалась, все валилось изъ рукъ. Правительство могло бы многое сказать по этому поводу, но политическія соображенія не позволяли говорить иначе, какъ въ общихъ и расплывчатыхъ фразахъ. Что же касается третьей части, т. е. той, ради которой сочинялась вся эта « правда », то цѣль ея состояла въ попыткѣ скользнуть между Сциллой и Харибдой, между уже опредѣлившимися различіями на пониманіи лозунга «война до конца». Надо было увѣрить союзниковъ, что все обстоитъ благополучно, а вмѣ

(17) «Русскія Вѣд.» отъ 22 апр. 1917 г.

стѣ съ тѣмъ хотѣлось увѣрить « трудовую демократію », что, въ сущности, Временное Правительство съ ней (т.е. со своимъ хозяиномъ) вполнѣ согласно и что, во всякомъ случаѣ, оно не очень далеко ушло отъ ея пониманія цѣлей войны. Этимъ, конечно, и объясняется, почему на помощь были призваны всѣ слова, не заключавшія въ себѣ опредѣленнаго содержанія, слова, говорившія слишкомъ многое, чтобы сказать что-нибудь, дѣйствительно, по существу вопроса.

Сказанное станетъ яснѣе, если обратить вниманіе на слѣдующіе отдѣльные факты, имѣвшіе мѣсто сейчасъ-же послѣ опубликованія « правды ». Такъ, 30 марта въ Москвѣ, солдаты Ашкинази и Тарунъ и подпоручикъ Гуровскій собрали многолюдный митингъ, на которомъ пытались провести резолюцію : 1) война до побѣднаго конца, 2) отсрочка введенія восьмичасового рабочаго дня до конца войны, 3) борьба съ двоевластьемъ, т. е. необходимость во имя блага страны повиноваться только Временному Правительству. Но въ дѣло вмѣшались представители « трудовой демократіи », и послѣ сложной борьбы, о которой не стоитъ разсказывать, была объявлена принятою совсѣмъ иная резолюція. А именно : 1) единственнымъ представителемъ солдатскихъ интересовъ признается совѣтъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ, а Временному Правительству должно повиноваться лишь до тѣхъ поръ, пока оно считается съ Совѣтомъ ; 2) цѣль войны — защищать свой фронтъ до послѣдней капли крови, но вмѣстѣ съ тѣмъ объявить міру, что у русскаго народа нѣтъ завоевательныхъ цѣлей (18).

Этотъ лозунгъ объ отсутствіи у русскаго народа « завоевательныхъ цѣлей » былъ провозглашенъ совѣтскими дѣятелями еще 14 марта, въ ихъ обращеніи къ пролетаріату всего міра. Тамъ говорилось : « пробилъ часъ, когда вопросы о войнѣ и мирѣ долженъ взять въ свои руки самъ народъ.» Война не нужна пролетаріату; война — плодъ имперіализма и капитализма. Русскій пролетаріатъ не отступитъ передъ штыками тѣхъ, кто вздумаетъ пойти противъ него, но у него нѣтъ иныхъ цѣлей. кромѣ всемірнаго торжества рабочей демократіи. Отсюда и тотъ выводъ, который вскорѣ долженъ былъ сдѣлаться боевымъ кличемъ: «миръ безъ аннексій и контрибуцій» (19).

(18) «Русскія Вѣд.» отъ 11 апр. 1917 г.
(19) «Изв. Сов. Раб. и Солд. Деп.» отъ 15-17 марта 1917 г.

Когда въ концѣ марта въ Петроградѣ состоялось всероссійское совѣщаніе представителей Совѣтовъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, Церетелли заявилъ : « свое общее отношеніе къ войнѣ Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ выразилъ въ своемъ извѣстномъ воззваніи къ народамъ всего міра, гдѣ говорилось, что русская демократія не преслѣдуетъ цѣли захвата и насилія, но пока этотъ кличъ не далъ опредѣленныхъ результатовъ, русская демократія считаетъ долгомъ чести отстоять себя отъ внѣшняго завоевателя, какъ она отстояла свою свободу отъ внутреннихъ темныхъ силъ » (20).

Временное Правительство въ своей « правдѣ » именно и старалось подладиться подъ эти заявленія « трудовой демократіи». Изъ словъ оно сооружало такой фасадъ, который какъ бы примирялъ лозунгъ «война до конца», а, слѣдовательно, и обязательства передъ союзниками, съ протестами « трудовой демократіи ». Но если союзники еще продолжали на что-то надѣяться, то « трудовая демократія », конечно, не давалась въ обманъ. Церетелли, дѣятель сравнительно все-же склонный не доводить пролетарскія требованія до послѣднихъ, крайнихъ предѣловъ, не могъ, однако, удержаться, чтобы въ той-же своей рѣчи не заявить : « Надо имѣть въ виду, что Временное Правительство, хотя и вышло изъ нѣдръ революціи, но въ тоже время оно принадлежитъ къ буржуазнымъ классамъ, которые имѣютъ свои классовые интересы.» За такимъ правительствомъ, по мысли Церетелли, надо слѣдить и слѣдить, и вотъ Совѣтъ депутатовъ уже принялъ шаги, чтобы « побудить Временное Правительство заявить объ отказѣ отъ политики аннексій. » Правительство пошло на это, — продолжалъ Церетелли, — и «его отказъ является побѣдой демократіи». (21).

Противорѣчіе между этими двумя точками зрѣнія вскрылось черезъ три недѣли. Агитація на этой почвѣ шла, конечно, все время, но сооруженный изъ словъ фасадъ рухнулъ и раздавилъ тѣхъ, кто его сооружалъ, лишь послѣ ноты Милюкова отъ 18 апрѣля. Такъ какъ военныя обстоятельства дѣлались все круче и круче, а общее поведеніе « трудовой демократіи » все подозрительнѣе и подозрительнѣе, то медлить долѣе было уже просто невозможно, и приходилось сказать союзникамъ нѣчто болѣе реальное, чѣмъ говорилось до сихъ поръ. Заявленію бы

(20) «Нов. Время» отъ 30 марта 1917 г.
(21) Тамъ-же.

ла придана форма письма, которое русскіе послы при союзных государствахъ должны были сообщить, по порученію министра иностранныхъ дѣлъ.

Милюковъ писалъ : « 27 марта сего года Временное Правительство опубликовало сообщеніе къ гражданамъ, въ которомъ содержится изложеніе взглядовъ Правительства свободной Россіи на задачи настоящей войны (вышеуказанная « правда »). Министръ иностранныхъ дѣлъ поручаетъ мнѣ сообщить вамъ означенный документъ и высказать при этомъ слѣдующія заключенія.

« Враги наши за послѣднее время старались внести раздоръ въ международныя отношенія, распространяя вздорныя сообщенія, будто Россія готова заключить сепаратный миръ со срединными монархіями.

«Текстъ прилагаемаго документа лучше всего опровергнетъ подобныя измышленія. Вы усмотрите изъ сего, что высказанныя Временнымъ Правительствомъ общія положенія вполнѣ соотвѣтствуютъ тѣмъ высокимъ идеямъ, которыя постоянно высказывались вплоть до самаго послѣдняго времени многими выдающимися дѣятелями союзныхъ странъ, и которыя нашли себѣ особенно яркое выраженіе со стороны нашего новаго союзника, великой заатлантической республики, въ выступленіяхъ ея президента.

«Правительство стараго режима, конечно, не было въ состояніи усвоить и раздѣлить всѣ эти мысли объ освободительномъ характерѣ войны (интересно спросить: кто-же оказался правъ — старый режимъ, или Вильсонъ и Милюковъ?), о созданіи основъ для мирнаго сожительства народовъ (Версальскій договоръ, Севрскій договоръ, Лига націй, большевизмъ — какъ все это тонко было предусмотрѣно Милюковымъ!), о самопредѣленіи угнетенныхъ національностей (Польша и Литва, Юго-Славія и Италія, а, съ другой стороны — Зырянская республика!) и т. под. Но Россія освобожденная можетъ въ настоящее время заговорить языкомъ, понятнымъ для передовыхъ демократій современнаго человѣчества, и она спѣшитъ присоединить свой голосъ къ голосамъ союзниковъ.

«Проникнутыя этимъ новымъ духомъ свободной демократіи заявленія Временнаго Правительства, разумѣется, не могутъ подать никакого повода думать, что совершившійся переворотъ повлекъ за собой ослабленіе роли Россіи въ союзной

борьбѣ. Совершенно напротивъ. (Очень удачное выраженіе. И съ точки зрѣнія стиля, и по существу!) Всенародное стремленіе довести міровую войну до рѣшительной побѣды, лишь усилилось, благодаря сознанію общей отвѣтственности всѣхъ и каждаго (очевидно, здѣсь имѣлась въ виду пропаганда «трудовой демократіи»). Это стремленіе стало болѣе дѣйственнымъ, будучи сосредоточено на близкой для всѣхъ очередной задачѣ — отразить врага, вторгшагося въ самые предѣлы нашей родины (фраза загадочная, но, повидимому, вставленная съ цѣлью примирить лозунгъ «война до побѣднаго конца» съ лозунгомъ «безъ аннексій и контрибуцій).

«Само собой разумѣется, какъ то и сказано въ сообщаемомъ документѣ, Временное Правительство, ограждая правo нашей родины, будетъ вполнѣ соблюдать обязательства, принятыя въ отношеніи нашихъ союзниковъ. Продолжая питать полную увѣренность въ побѣдоносномъ окончаніи настоящей войны, въ полномъ согласіи съ союзниками, оно совершенно увѣрено въ томъ, что поднятые этой войной вопросы будутъ разрѣшены въ смыслѣ созданія прочной основы для длительнаго мира, и что проникнутыя одинаковыми стремленіями передовыя демократіи найдутъ способъ добиться тѣхъ гарантій и санкцій (сакраментальныя слова, изъ-за которыхъ весь сыръборъ загорѣлся!), которыя необходимы для предупрежденія новыхъ кровавыхъ столкновеній въ будущемъ» (22).

Документъ этотъ вполнѣ заслуживаетъ того, чтобы быть приведеннымъ цѣликомъ. Онъ показываетъ наглядно, въ какой плоскости блуждала русская политическая мысль даннаго момента и какими идеями спекулировали члены Временнаго Правительства. Насколько онъ удовлетворилъ союзниковъ — мы никогда, конечно, не узнаемъ правды, но русскую «трудовую демократію» онъ вывелъ изъ себя.

Это и понятно. Подъ «гарантіями и санкціями» вожди «трудовой демократіи» увидѣли противоположныя всѣмъ ихъ теоретическимъ построеніямъ «аннексіи и контрибуціи», а толпа, т. е. именно тѣ, которые выражали собой подчеркнутое Милюковымъ «всенародное стремленіе довести міровую войну до рѣшительной побѣды», сообразила, что этакъ, пожалуй, еще не скоро начнутъ дѣлить имущество состоятельныхъ классовъ

(22) «Русс. Вѣд.» отъ 20 апр. 1917 г.

и — что еще хуже — пока приступятъ къ дѣлежу, велятъ, чего добраго, подставить лобъ подъ нѣмецкую пулю.

Движеніе, которое уже повсюду успѣло пустить корни, сразу осмѣлѣло и пошло полнымъ ходомъ. Для характеристики этого движенія приведемъ нѣсколько типичныхъ фактовъ. Оказывается, уже давно, чуть-ли ни со второй недѣли послѣ образованія Совѣта депутатовъ, при немъ былъ учрежденъ особый «международный» отдѣлъ, называвшійся «отдѣломъ международныхъ сношеній». Во главѣ его стоялъ тов. Скобелевъ. Задачей отдѣла было освѣдомлять международный пролетаріатъ о «дѣйствительномъ положеніи вещей въ Россіи». Дѣлалось это при помощи телеграммъ, которыя, съ утвержденія тов. Скобелева, разсылались во всѣ концы міра. Если подойти къ этимъ телеграммамъ нѣсколько ближе, то рѣзко бросается въ глаза, что главной цѣлью дѣятельности отдѣла было показать международному пролетаріату всемогущество пролетаріата русскаго. Такъ, напримѣръ, военный и морской министръ Гучковъ заявилъ въ Кіевѣ, что учредительное собраніе можно будетъ созвать только по окончаніи войны. Немедленно-же во всѣ концы міра полетѣла телеграмма «отдѣла»: Гучковъ ошибается, если думаетъ, что таково мнѣніе правительства, такъ какъ правительство обязалось передъ Совѣтомъ депутатовъ созвать учредительное собраніе въ кратчайшій срокъ. Народъ это помнитъ и отъ этого «не отступитъ» (лучшее доказательство: большевизмъ и разгонъ уже созваннаго учредительнаго собранія!)

Другая телеграмма: Милюковъ заявилъ представителю одной англійской газеты, что Россія должна получить господство надъ Босфоромъ и Дарданеллами, и что Россія будетъ «требовать раздѣла Австріи путемъ предоставленія австрійскимъ славянамъ независимости». Сейчасъ полетѣла телеграмма: «Россійская демократія не имѣетъ ничего общаго съ цѣлями, оповѣщенными Милюковымъ». Она «не допуститъ лить кровь ради какихъ бы то ни было и чьихъ бы то ни было завоевательныхъ цѣлей». Ни завоеваніе проливовъ, ни раздѣлъ Австріи «не выставлялись задачей ни съѣздами представителей Совѣтовъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, ни съѣздами представителей дѣйствующей арміи фронтовъ» (23).

А вотъ и третій образчикъ: кто-то, гдѣ-то сослался на товарища Скобелева, будто онъ — сторонникъ «войны до конца».

(23) «Изв. Сов. Раб. и Сол. Деп.» отъ 20 апр. 1917 г.

Телеграмма «отдѣла», отъ имени Скобелева, рѣшительно протестуетъ противъ подобной ссылки (24).

Такимъ образомъ, ясно, что, въ сущности, съ первыхъ-же дней послѣ революціи, а, слѣдовательно, сейчасъ послѣ образованія описываемаго двоевластія, между правительствомъ и допустившей его къ власти «трудовой демократіей» имѣлось коренное разногласіе въ вопросѣ о цѣли войны, точнѣе — вообще въ вопросѣ о войнѣ. По первоначалу и та, и другая сторона говорили какъ будто одни и тѣ-же слова, но смыслъ этихъ словъ былъ разный, и рано или поздно — столкновеніе было не избѣжно.

VI

Какъ-же оно разыгралось и что обозначало? Корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей» (въ № отъ 21-го апрѣля 1917 г.), даетъ объ этомъ столкновеніи довольно подробныя, а по свѣркѣ съ «Изв. Петр. Сов. раб. и солд. депутатовъ» (№№ 45-48 отъ 1917 г.) — и достаточно точныя свѣдѣнія.

Лишь только появилась нота Милюкова, Исполн. Комит. Петрогр. Совѣта раб. и солд. депутатовъ заволновался, и было созвано экстренное собраніе. Въ нотѣ Милюкова усмотрѣли противорѣчіе съ обращеніемъ русской «трудовой демократіи» къ пролетаріату Запада, а, съ другой стороны, увидѣли въ ней «замаскированное стремленіе продолжать войну съ захватными цѣлями до полнаго разгрома Германіи», т. е. служеніе западно европейскому капитализму. Особое недовольство вызвали мѣста ноты, гдѣ говорилось о «рѣшительной побѣдѣ» и о «гарантіяхъ и санкціяхъ». Опредѣлились три теченія: 1) Взять немедленно всю власть въ свои руки (большевики, но ихъ было еще очень немного въ это время); 2) устранить изъ правительства Милюкова и Гучкова, но замѣнить ихъ не соціалистами, а кѣмъ-либо изъ буржуазныхъ дѣятелей; 3) образовать коалиціонное правительство, въ которомъ соціалисты могли бы имѣть достаточно вліятельное положеніе.

Борьба мнѣній продолжалась до поздней ночи 19 апрѣля, но никакого постановленія такъ и не состоялось. На слѣдующій день собрались съ утра. Опять начались споры, но тогда рѣшили, прежде чѣмъ спорить дальше, спросить у правительства, что собственно побудило его вообще выступать съ подобной но-

(24) Тамъ-же.

той. Правительству было предложено устроить совмѣстное засѣданіе съ Исполн. Комитетомъ Совѣта. Правительство согласилось, и такое засѣданіе (въ Маріинскомъ дворцѣ) было устроено.

Переговоры шли довольно долго. Выяснилось, что правительство считаетъ ноту Милюкова обязательной для всего состава кабинета, и что поэтому отставка Милюкова была бы равносильной выходу въ отставку всего кабинета. Съ другой стороны, центральный комитетъ партіи народной свободы, всецѣло, конечно, раздѣлявшій заявленія Милюкова, своего признаннаго вождя, не допускалъ возможнымъ, чтобы въ случаѣ ухода Милюкова, въ кабинетѣ могли остаться другіе члены партіи народной свободы.

Положеніе становилось тѣмъ серьезнѣе, что въ дѣло вмѣшалась толпа, преимущественно солдаты. Запасный батальонъ Финляндскаго полка, руководимый однимъ изъ бывшихъ членовъ Исполнительнаго Комитета Совѣта депутатовъ, явился къ Маріинскому дворцу съ плакатами, на которыхъ были надписи съ требованіями отказаться отъ «захватной политики» и удалить Милюкова. Солдаты заняли входы и выходы изъ дворца и удалились въ казармы лишь послѣ настоянія прибывшихъ на мѣсто членовъ Исполнительнаго Комитета Совѣта депутатовъ. Кромѣ Финляндскаго полка, въ этомъ выступленіи приняли участіе солдаты Московскаго и 180-го запаснаго полковъ.

Временное Правительство упорно стояло на томъ, что въ нотѣ Милюкова не заключается никакого отступленія отъ точекъ зрѣнія «трудовой демократіи». Но эта послѣдняя была иного мнѣнія. Товарищъ Черновъ, все время призывавшій свою аудиторію къ спокойствію, тѣмъ не менѣе счелъ возможнымъ заявить, что «правительство или должно удовлетворить наши требованія, или вернуть власть тому источнику, отъ котораго оно ее получило, т.е. Исполнительному Комитету Совѣта рабочихъ депутатовъ».

Офиціозъ Исполн. Комитета сообщалъ по поводу всѣхъ этихъ происшествій, что настала, наконецъ, минута выяснить истинный характеръ отношеній, но что массы должны оставаться спокойными: «сторонники Совѣта идутъ дальше Совѣта, какъ сторонники Временнаго Правительства идутъ дальше этого послѣдняго». Совѣтъ, такъ сказать, не дремлетъ, онъ дѣлаетъ свое дѣло, «онъ ищетъ выхода изъ положенія, ведя пе-

реговоры съ правительствомъ, и, конечно, выходъ будетъ найденъ». («Изв.» № 46, 1917 г.).

Результатомъ всѣхъ этихъ волненій явилось слѣдующее разъясненіе правительства. «Въ виду возникшихъ сомнѣній по вопросу о толкованіи ноты министра иностранныхъ дѣлъ, сопровождающей передачу союзнымъ правительствамъ декларацiи Временнаго Правительства о задачахъ войны (отъ 27-го марта), Временное Правительство считаетъ нужнымъ разъяснить: нота министра иностранныхъ дѣлъ была предметомъ тщательнаго обсужденія Временнаго Правительства, при чемъ текстъ ея принятъ единогласно. Само собой разумѣется, что нота эта, говоря о рѣшительной побѣдѣ надъ врагами, имѣетъ въ виду достиженіе тѣхъ задачъ, которыя поставлены декларацiей 27-го марта, выраженной въ слѣдующихъ словахъ: «Временное Правительство считаетъ своимъ правомъ и долгомъ нынѣ-же заявить, что цѣль свободной Россіи — не господство надъ другими народами и отнятіе у нихъ національнаго достоянія, не насильственный захватъ чужихъ территорій, но утвержденіе прочнаго мира на основаніи самоопредѣленія народовъ. Русскій народъ не собирается усилять (слѣдуетъ думать, тутъ просто опечатка) внѣшней мощи своей за счетъ другихъ народовъ, онъ не ставитъ своей цѣлью ничье порабощеніе и уничтоженіе. Во имя высшихъ началъ справедливости имъ сняты оковы, лежавшія на польскомъ народѣ, но русскій народъ не допуститъ, чтобы родина его вышла изъ великой борьбы униженной и надорванной въ жизненныхъ своихъ силахъ. Подъ упоминаніемъ въ нотѣ «санкцій и гарантій» прочнаго мира, Временное Правительство подразумѣвало ограниченіе вооруженій, международный трибуналъ и проч. (25).

По существу, это «разъясненіе» являлось, конечно, только еще однимъ компромиссомъ. Но, въ виду всѣхъ сопровождавшихъ обстоятельствъ, оно получило смыслъ уступки въ пользу «трудовой демократіи» и къ тому-же такой уступки, которая, дѣйствительно, обрадала Совѣтъ депутатовъ, по крайней мѣрѣ, въ глазахъ широкихъ массъ населенія, въ единственный источникъ власти. То, что наканунѣ товарищъ Черновъ бросилъ въ толпу, какъ митинговую фразу, какъ пробный шаръ, сразу стало реальной дѣйствительностью и, что важнѣе всего, —

(25) «Русс. Вѣд.» 22 апр. 1917 г.

дѣйствительностью, передъ которой почтительно склонилось само Временное Правительство.

Офиціозъ Исполн. Комитета Совѣта депутатовъ немедленно-же подчеркнулъ это, а затѣмъ рядомъ статей (23-27 апрѣля) постарался закрѣпить созданное положеніе. Говоря, напримѣръ, объ устроенной солдатами манифестаціи противъ Милюкова, которая была прекращена усиліями Чхеидзе и другихъ членовъ Исполн. Комитета Совѣта, «Извѣстія» писали: «манифестація прекратилась по властному слову Совѣта раб. деп., по приказу его, не подкрѣпленному никакими угрозами». А затѣмъ добавлялось: «ни одно правительство въ мірѣ не могло бы издать приказъ о прекращеніи манифестаціи безъ риска вызвать противъ себя возмущеніе свободныхъ гражданъ. На такой шагъ могъ рѣшиться только Совѣтъ раб. и солд. депутатовъ, ибо Совѣтъ — это голосъ самого свободнаго народа» (26). А въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ читаемъ: «Какъ юристы будутъ опредѣлять власть Совѣта раб. и солд. депутатовъ, это дѣло школьныхъ учителей. Отвѣтственные политики должны считаться съ фактомъ существованія Временнаго Правительства и Совѣта раб. и солд. депутатовъ. Каждый шагъ и во внутренней, и во внѣшней политикѣ долженъ быть дѣломъ двухъ органовъ — Временнаго Правительства и Исполнительнаго Комитета Совѣта» (27).

Хотя въ этомъ заявленіи и продолжаютъ говорить какъ бы только о двоевластіи, но и тонъ, и внутренній смыслъ дѣлаемаго построенія не оставлялъ сомнѣній, что въ глазахъ «трудовой демократіи» Совѣтъ депутатовъ есть единственный источникъ власти. Товарищъ Черновъ лишь формулировалъ ту мысль, которая уже давно стала пускать корни, и сторонникамъ Временнаго Правительства оставалось, дѣйствительно, опираться лишь на тѣхъ школьныхъ учителей, надъ которыми трунилъ офиціозъ «трудовой демократіи».

Когда мы говоримъ «давно», само собой разумѣется, мы говоримъ не о десятилѣтіяхъ и даже не о годахъ, а только о мѣсяцахъ, недѣляхъ и даже дняхъ. Въ это особое время всѣ процессы совершались съ головокружительной быстротой. 2-го марта образовалось Временное Правительство, и считалось оно правительствомъ, принявшимъ власть «по соглашенію» съ

(26) «Извѣстія» № 50 отъ 1917 г.
(27) «Русс. Вѣд.» отъ 15 марта 1917 г.

Совѣтомъ депутатовъ. 10-го марта, военный и морской министръ Гучковъ былъ такъ доволенъ и этой конструкціей власти, и об щимъ ходомъ дѣлъ, что счелъ возможнымъ заявить одному изъ бесѣдовавшихъ съ нимъ газетныхъ сотрудниковъ: «Съ Божьей помощью мы со всѣмъ справимся. Все, повидимому, налаживается» (28). А вотъ, напримѣръ, 25 марта происходитъ уже слѣдующая бесѣда между депутаціей отъ «особой арміи» и товарищемъ Чхеидзе. Депутація поставила вопросъ: «Когда образовалось правительство, предлагалъ-ли Исполнительный Комитетъ Государственой Думы г.г. членамъ соціалъ-демократической фракціи «тотъ или иной постъ министра» въ правительствѣ? Товарищъ Чхеидзе отвѣтилъ: «Предлагали и предлагали усиленно, но мы, по нѣкоторымъ соображеніямъ, предпочитали, не входя въ составъ правительства, контролировать его дѣйствія и направлять его по нужному намъ фарватеру». Былъ затѣмъ предложенъ другой вопросъ: «Есть-ли у Исполн. Комитета Совѣта солд. и раб. депутатовъ желаніе въ данный моментъ «взять въ свои руки всю полноту правительственной власти?» Послѣдовалъ отвѣтъ: «Въ данный моментъ такого желанія нѣтъ, но при наличіи нѣкоторыхъ условій возможность появленія такого желанія не исключается» (29). Замѣтьте: никто не говоритъ о возможности, о правѣ, о необходимости. Говорятъ только о «желаніи». Захотятъ—возьмутъ, не захотятъ—не возьмутъ. Какъ не вспомнить при этомъ, что тѣмъ не менѣе, еще 12-го апрѣля, Керенскій не постѣснился сказать представителю другой арміи, что «Временное Правительство обладаетъ всей полнотой власти...» (30).

Такимъ образомъ, вопросъ о цѣляхъ войны сыгралъ лишь роль пробнаго камня. На этомъ вопросѣ произошло столкновеніе двухъ группъ, работавшихъ по «соглашенію». Правительство сдѣлало попытку, робкую, туманную, неспредѣленную, но все-же попытку проявить свою правительственную волю. Немедленно-же выяснилось, что ни о какомъ «соглашеніи» уже давно нѣтъ и рѣчи. «Соглашеніе» понималось, какъ подчиненіе правительства Совѣту, ибо этотъ послѣдній есть источникъ власти. Тѣ, кто, заключая «соглашеніе», думали ввести «трудовую демократію» въ такъ называемое «парламентское

(28) Тамъ-же.
(29) «Нов. Вр.» отъ 26 марта 1917 г.
(30) «Изв.», № 40, 1917 г.

русло», немедленно-же увидѣли, что «трудовая демократія» куда болѣе твердой и непреклонной рукою направляетъ ихъ «по нужному трудовой демократіи фарватеру».

Иными словами: отъ иллюзій несоціалистическихъ группъ, отъ шаткой надежды, что они перехитрятъ соціалистовъ и справятся съ ними и что, говоря словами военнаго и морского министра Гучкова, «все, повидимому, налаживается», — отъ этихъ иллюзій и надеждъ въ одинъ мигъ не осталось ничего. Подобно тому, какъ въ первые дни революціи безъ борьбы они попали на «соглашеніе», они должны были безъ борьбы уйти отъ власти черезъ какихъ-нибудь 40-50 дней послѣ своего дебюта въ качествѣ правительства. Все, что послѣдовало за симъ, вся эта сложная эпопея перетасовокъ, поправокъ, подпорокъ и т. д., явилось лишь агоніей несоціалистическихъ группъ, нанесшихъ самимъ себѣ смертельный ударъ въ тотъ моментъ, когда они приняли власть «по соглашенію» съ «трудовой демократіей». Само собой, это былъ и конецъ боевого фронта, и образованіе прямой и широкой дороги къ Брестъ-Литовскому договору.

VII

«Соглашеніе», легшее въ основу образованія Временнаго Правительства, сводилось къ соглашенію о лицахъ и о программѣ. Какія лица вошли въ составъ кабинета, мы уже говорили. Что-же касается программы, то она была изложена въ воззваніи правительства отъ 3-го марта. Въ ней восемь пунктовъ:

1) Немедленная и общая амнистія всѣмъ преступленіямъ политическимъ и противъ религіи, не исключая террористическихъ актовъ, военныхъ мятежей и аграрныхъ безпорядковъ (отмѣтимъ разъ навсегда: за стиль правительственныхъ актовъ того времени мы не отвѣчаемъ);

2) Свобода слова, печати, союзовъ, собраній, забастовокъ, съ распространеніемъ этихъ свободъ на чиновниковъ и солдатъ, поскольку свободы могутъ быть согласны съ техническими военными условіями;

3) Отмѣна всѣхъ общественныхъ, религіозныхъ и національныхъ ограниченій;

4) Немедленная подготовка къ созыву Учредительнаго Собранія, которое, на основѣ всеобщаго голосованія, установитъ государственный строй и конституцію страны;

5) Замѣна полиціи національной милиціей, съ выборными начальниками, подчиненными органамъ самоуправленія;

6) Мѣстные выборы должны происходить на основѣ всеобщаго избирательнаго права;

7) Войсковыя части, принявшія участіе въ революціонномъ движеніи, не будутъ разоружены и не будутъ выведены изъ Петрограда;

8) При поддержаніи военной дисциплины въ строю, будутъ отмѣнены всѣ ограниченія, установленныя для солдатъ въ пользованіи ими гражданскими правами, наравнѣ съ другими гражданами.

Первые четыре пункта и пунктъ шестой (о мѣстныхъ выборахъ) всегда входили въ программу всѣхъ партій, составлявшихъ оппозицію старому строю; пунктъ пятый—о милиціи — обязательный для всѣхъ соціалистическихъ группъ, принимался группами несоціалистическими какъ необходимое зло; пункты седьмой и восьмой—о солдатахъ—явились результатомъ настоящей слѣва и выражали собой стремленіе «трудового пролетаріата» имѣть въ своемъ распоряженіи военную силу, какъ опору для дальнѣйшаго натиска противъ всего, что пожелало-бы противиться пролетаріату. Слѣдовало или не слѣдовало сейчасъ-же послѣ переворота, раньше, чѣмъ улеглось первое возбужденіе, а къ тому-же въ разгаръ войны, однимъ почеркомъ пера, не входя ни въ какія частности, объявлять всѣ свободы, амнистію, замѣну полиціи милиціей и т. д. — вопросъ, о которомъ каждый можетъ думать по своему. Событія показали, кажется, достаточно наглядно, что не слѣдовало. Но допустимъ, что психологія момента была такова, что нельзя было поступить иначе. Остается все таки безспорнымъ, что послѣдніе два пункта, т. е. объявленіе арміи опорой не столько государства, сколько революціи и притомъ не революціи вообще, а пролетарскихъ теченій революціи, — содержали въ себѣ все, что нужно, чтобы правительство не было правительствомъ. Это прекрасно понимали дѣятели Совѣта, но этого или не понимали, или не хотѣли понять группы, выдѣлившія изъ себя правительство и стремившіяся поддержать его. Принимая власть на такихъ условіяхъ, правительство не только узаконяло классовую борьбу, но опредѣленно отдавало ей въ жертву интересы страны, насущнѣйшіе интересы государственнаго начала

Если правительство не понимало этого, то какіе-же это правители? Если оно понимало, то на что разсчитывало? Обмануть «трудовую демократію»? Дать ей потѣшиться, а потомъ прибрать къ рукамъ?

Какъ видно изъ изложенія «программы», въ перечнѣ условій состоявшагося «соглашенія» нѣтъ ни одного слова о войнѣ, ни объ отношеніи къ ней, ни о пониманіи ея цѣлей. По чему? На первый взглядъ отвѣтъ можетъ быть только одинъ: «программа» говорила лишь объ условіяхъ строительства новой жизни, и войнѣ, очевидно, нѣтъ мѣста среди этихъ условій. Къ тому-же революція проходила подъ флагомъ протеста противъ старой власти, «продавшей Россію нѣмцамъ», предательски стремившейся къ сепаратному миру. О чемъ-же, слѣдовательно, договариваться? Всѣ, какъ одинъ, и безъ предварительнаго сговора, стремились къ продолженію войны до побѣднаго конца.

Но именно такой отвѣтъ и былъ бы единственно неправильнымъ. Не включали въ «программу» вопроса о войнѣ, ибо объ высокія договоривавшіяся стороны одинаково боялись его касаться. Для «трудовой демократіи» еще не наступилъ моментъ раскрыть свою подлинную мысль, для Милюкова и его друзей было просто рискованно слишкомъ настаивать. Первые еще только нащупывали почву, вторые уже чувствовали, что почва подъ ихъ ногами не такъ тверда, какъ они бы этого хотѣли.

Только 6-го марта, т. е. уже на четвертый день послѣ образованія правительства, было сдѣлано заявленіе о войнѣ. Обѣщая арміи, что теперь будутъ заботиться о ней гораздо больше, чѣмъ то дѣлалось при старомъ режимѣ, правительство напоминало и о «войнѣ до побѣднаго конца», и о своей безусловной вѣрности союзникамъ, о твердой рѣшимости соблюдать всѣ взятыя на себя обязательства (31). Комментируя эти заявленія новаго кабинета, его глава, кн. Львовъ, сказалъ представителямъ печати: «Наше отношеніе къ вопросу о войнѣ достаточно извѣстно. Мы уже признали въ опубликованномъ нами манифестѣ (ясно, что Временное Правительство почитало себя въ полномъ смыслѣ властью верховной), нашъ долгъ соблюдать договоръ, единящій Россію съ союзниками и довести войну до побѣднаго конца.» Кн. Львовъ увѣрялъ далѣе, что

(31) Манифестъ Вр. Прак. отъ 6 марта 1917 г.

для него и его сотрудниковъ, когда они принимали власть, не было сомнѣнія, что русскій народъ не можетъ склониться передъ врагомъ, попирающимъ русскую землю. «И мы не обманулись — заявилъ этотъ представитель верховной власти — лозунгъ «Война до побѣднаго конца» объединяетъ всѣхъ, покрывая собой всѣ разногласія» (32).

Тогда, какъ уже разсказано выше, «трудовая демократія» отвѣтила призывомъ къ «пролетаріямъ всѣхъ странъ». Это извѣстная прокламація отъ 14 марта 1917 г. Въ ней говорится и о томъ, что міровому пролетаріату пора перестать быть орудіемъ въ рукахъ королей, капиталистовъ и банкировъ, что вопросы войны и мира должны рѣшаться народами, и о томъ, что надо низложить Вильгельма, но ни слова нѣтъ о «побѣдномъ концѣ». Говорится, конечно, что не слѣдуетъ отступать передъ штыками врага, указывается, что милитаризмъ долженъ быть сломленъ силой, но, по существу, весь этотъ призывъ имѣетъ смыслъ сознательнаго и опредѣленнаго протеста противъ «войны до побѣднаго конца», какъ понимало этотъ лозунгъ Временное Правительство (33).

Еще нѣсколько дней, и явился лозунгъ: «безъ аннексій и контрибуцій», а когда Совѣтъ рѣшился объявить себя «источникомъ власти» и дать на вопросѣ о войнѣ рѣшительный бой Временному Правительству, немедленно-же было произнесено и послѣднее слово: «чрезъ Интернаціоналъ къ миру» (34).

Иначе говоря, князь Львовъ и его товарищи, подписывавшіе манифесты, на правахъ верховной власти, ошибались въ двухъ направленіяхъ: и въ томъ, что они—верховная власть, и въ томъ, что, принимая власть, «они не обманулись», когда повѣрили, будто лозунгъ «война до побѣднаго конца» покрываетъ собой всѣ разногласія.

Но идемъ дальше. «Соглашеніе» состоялось, власть была принята, началась работа по осуществленію «программы». Какъ шла эта работа, намъ съ увлеченіемъ разсказываетъ передовая статья «Русс. Вѣд.» отъ 15 марта. Теперь, когда мы уже видимъ всѣ послѣдствія и смотримъ на тогдашнія дѣла совсѣмъ съ иныхъ точекъ зрѣнія, просто трогательно читать эти

(32) «Русс. Вѣд.», 8 марта 1917 г.
(33) Victoroff-Toropoff, op. c. стр.. 124—125.
(34) «Изв.», № 88.

строки, до того глубока проникающая ихъ наивная вѣра въ осѣнившее бѣдную Россію неизреченное чудо. За десять дней, —писала газета,—сдѣлано слѣдующее: дана всеобщая амнистія, утверждена конституція Вел. Кн. Финляндскаго, отмѣнена смертная казнь, смѣнены всѣ губернаторы и вице-губернаторы, полиція замѣнена милиціей, улучшено положеніе солдата, упразднено Главное Управленіе по дѣламъ печати. «Количественный итогъ,—говорила газета,—болѣе, чѣмъ краснорѣчивъ. Что-же касается итога качественнаго, то врядъ-ли кто-нибудь рѣшится отрицать, что всѣ мѣры касаются капитальнѣйшихъ вопросовъ нашей жизни, а нѣкоторыя изъ нихъ составляютъ цѣлыя событія».

Само собой, не въ порядкѣ критики, которая была бы совершенно безцѣльна, а лишь въ порядкѣ простой провѣрки, присмотримся къ этому «качественному итогу» нѣсколько ближе. Каковы были, въ дѣйствительности, говоря словами автора статьи, «капитальнѣйшіе вопросы» жизни въ этотъ моментъ? Продовольствіе арміи и населенія, возможное усиленіе транспорта, военное снабженіе фронта (не забудемъ, что правительство говорило о «войнѣ до побѣднаго конца» и вѣрило, что такъ-же думаетъ и страна); затѣмъ—организація мѣстной власти, такъ какъ революція должна была внести въ строй управленія и неувѣренность, и колебанія; затѣмъ—немедленное водвореніе порядка и, въ связи съ этимъ, организація труда. Беремъ, конечно, только главныя линіи. Что-же, взамѣнъ этого, дѣлаетъ правительство? Даетъ амнистію, т. е. возвращаетъ партіямъ ихъ работниковъ; обособляетъ Финляндію, т. е. исполняетъ обязательства, давно лежавшія на оппозиціонныхъ и революціонныхъ партіяхъ; отмѣняетъ смертную казнь — мѣра, противъ которой черезъ короткій срокъ пришлось бороться самому-же революціонному правительству; «улучшаетъ положеніе солдата», т. е. дѣлаетъ изъ солдата слугу революціи, а не государства и прежде всего, конечно, приводитъ боевой фронтъ въ состояніе полнаго разоренія; упраздняетъ Главное Управленіе по дѣламъ печати, т. е. позволяетъ журналистамъ совершить актъ мести. Тутъ дѣйствовала та-же психологія, которая побуждаетъ толпу жечь судебные и полицейскіе архивы и радоваться, когда горятъ паспорта, списки о судимости, купчія крѣпости и т. д.

Итогъ, слѣдовательно, былъ, дѣйствительно, «болѣе чѣмъ

краснорѣчивъ», но что давалъ онъ собственно странѣ, народу въ его общемъ и цѣломъ, чѣмъ содѣйствовалъ упроченію въ народѣ сознанія, что теперь, наконецъ, все пойдетъ, какъ слѣдуетъ, и жизнь приметъ куда болѣе разумное и правильное теченіе?

Собственно для страны и по вопросу, въ самомъ дѣлѣ, «капитальнѣйшему» было сдѣлано только одно: однимъ махомъ убрали всю мѣстную власть. Это произошло 5-го марта, на третій день послѣ образованія новаго правительства: губернаторы и вице-губернаторы были смѣщены всѣ до одного и всѣ сразу, управленіе губерніями было возложено на предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ, съ присвоеніемъ имъ званія губернскихъ комиссаровъ, но что оригинальнѣе всего—съ одной стороны, «со всѣми правами предоставляемыми дѣйствующими узаконеніями губернатору», а съ другой—«съ сохраненіемъ руководительства работами губернскихъ земскихъ управъ» Иначе говоря: губернаторъ—органъ правительственнаго надзора за дѣятельностью земства сгановился въ то-же время и активнымъ руководителемъ этой дѣятельности. Однимъ концомъ это оригинальное построеніе ударяло по земству, другимъ—по правительственной власти. И никто изъ собранія всѣхъ лучшихъ и разумныхъ силъ, какія выработала оппозиціонная интеллигенція за послѣднія десятилѣтія, этого, повидимому, даже не замѣтилъ.

Вице-губернаторы были вообще отмѣнены, а уѣзды были отданы въ управленіе предсѣдателямъ уѣздныхъ управъ. Званіе было придумано—уѣздные комиссары; о совмѣщеніи обязанностей уѣзднаго комиссара съ «руководительствомъ», работами уѣзднаго земства—сказать не забыли. Забыли только одно: опредѣлить права и обязанности уѣзднаго комиссара. Права исправника? Нѣтъ. Права уѣзднаго губернатора? Но такихъ должностей дѣйствовавшіе законы не знали. Такъ и остался вопросъ безъ разрѣшенія.

Одновременно полиція отмѣнялась, и вмѣсто нея учреждалась милиція. Министръ внутреннихъ дѣлъ, кн. Львовъ, говорилъ объ этомъ въ своей циркулярной телеграммѣ кратко, но убѣдительно: «Полиція подлежитъ переформированію въ милицію, къ чему необходимо приступить мѣстнымъ самоуправленіямъ» (35).

(35) «Русс. Вѣд.», 6 марта 1917 г.

Авторъ приведенной выше статьи былъ глубоко правъ, когда писалъ, что нѣкоторыя изъ принятыхъ правительствомъ мѣръ «составляли цѣлыя событія». Еще бы, напримѣръ, не «цѣлое событіе» отмѣна въ пять минутъ всего мѣстнаго административнаго строя, и при томъ, въ сущности, безъ замѣны его какимъ-либо другимъ! Какъ была сильна инерція этого отмѣненнаго строя, если все таки нѣсколько недѣль и даже мѣсяцевъ какія-то колеса еще двигались и что-то еще какъ будтобы держалось!

Впрочемъ, намъ не за чѣмъ входить въ дальнѣйшія подробности. Прошло съ этого времени только четыре года, и вотъ что мы читаемъ теперь въ газетѣ Милюкова, издающейся въ Парижѣ, гдѣ во главѣ разныхъ общественныхъ начинаній стоитъ авторъ этого разгрома русской администраціи, кн. Львовъ: «надо думать, что теперешніе побѣдители большевиковъ не повторятъ ошибки сдѣланной въ началѣ мартовской революціи министерствомъ внутреннихъ дѣлъ—они не отмѣнятъ сразу всѣхъ властей, прежде чѣмъ не будутъ созданы новые органы администраціи» (36).

Ошибка?—спросимъ мы у автора приведенныхъ строкъ Если это только ошибка, то что-же тогда называется преступленіемъ?

VIII.

25-го апрѣля, когда палъ первый кабинетъ кн. Львова и когда было рѣшено образовать «коалиціонное правительство», съ привлеченіемъ къ дѣлу товарищей Чернова, Скобелева, Церетелли и Пѣшехонова, Временное Правительство подробно объяснило странѣ, что оно успѣло сдѣлать за первые два мѣсяца своего пребыванія у власти.

«Правительство, — читаемъ въ этомъ объясненіи, — наряду съ напряженной дѣятельностью, посвященной текущимъ неотложнымъ нуждамъ государственной жизни: оборонѣ страны отъ внѣшняго врага, ослабленію продовольственнаго кризиса, улучшенію транспорта, изысканію необходимыхъ для государства финансовыхъ средствъ, уже осуществило рядъ реформъ, перестраивающихъ государственную жизнь Россіи на началахъ свободы и права». Затѣмъ идетъ уже извѣстный намъ перечень, т. е. все то, что, какъ мы видѣли, было сдѣлано за

(36) «Послѣд. Новости» отъ 11 марта 1921 г.

первые 10 дней. Начинается онъ указаніемъ на амнистію и кончается заявленіемъ, что «начата коренная реорганизація мѣстнаго управленія и самоуправленія на самыхъ широкихъ демократическихъ началахъ».

Само собой, много говорится и о трудахъ, понесенныхъ правительствомъ въ его заботахъ объ арміи, точнѣе—о «правовомъ ея положеніи». Въ этомъ отношеніи,—читаемъ въ заявленіи правительства, «осуществляются демократическія реформы, далеко опережающія все, что сдѣлано въ этомъ направленіи въ наиболѣе свободныхъ странахъ міра». И дальше: «прилагая всѣ старанія для возстановленія внутренней организаціи арміи, не могшей не испытать потрясеній при переходѣ къ новому государственному порядку, правительство въ то-же время неуклонно проводитъ въ жизнь признаніе за чинами арміи всей полноты гражданскихъ и политическихъ правъ и неустанно работаетъ надъ преобразованіемъ воинскаго управленія и воинской дисциплины на началахъ соотвѣтствующихъ духу свободнаго демократическаго строя».

Сколько понадобилось словъ, чтобы объяснить, въ сущности, очень простую вещь: Не считаясь съ правительствомъ, «трудовая демократія» пустила въ армію свой «приказъ № 1», и, волей-неволей, пришлось выпутываться изъ создавшагося положенія, то напоминая о дисциплинѣ, то дѣлая новыя и новыя уступки.

Но правительство сдѣлало еще и многое другое: отмѣнило всѣ сословныя и національныя ограниченія, возстановило «автономію Финляндіи», признало за Полыней «права на объединеніе и государственную независимость». А для русскаго народа, для основныхъ массъ населенія? Въ этомъ отношеніи объясненіе указываетъ двѣ своихъ заслуги: 1) «озабочиваясь обезпеченіемъ продовольствія арміи и страны, правительство объявило хлѣбъ урожая прошлыхъ годовъ и текущаго года государственной собственностью и установило государственный порядокъ распредѣленія хлѣбныхъ запасовъ»; 2) «для подготовки къ Учредительному Собранію проекта справедливаго и согласнаго съ интересами народа рѣшенія великаго земельнаго вопроса, образованъ главный земельный комитетъ, съ участіемъ въ немъ представителей главнѣйшихъ политическихъ организацій и партій, и мѣстные земельные комитеты» (37).

(37) «Извѣстія» № 50 отъ 1917 г.

Объ этихъ земельныхъ комитетахъ, которые должны были рѣшить «великій земельный вопросъ», правительство упоминало, очевидно, только для счета, такъ какъ комитеты были учреждены всего за день до сочиненія цитуемой декларації, а именно 23 апрѣля. Что-же касается вопроса о продовольствіи, то вотъ что читаемъ объ этомъ въ «Извѣстіяхъ» отъ 23 апрѣля: «Принимая во вниманіе, что существующіе продовольственные органы, очевидно, безсильны справиться съ предстоящей задачей, необходимо, чтобы Совѣты рабоч. и солд. депутатовъ вмѣшались въ это дѣло и организовали мобилизацію запасовъ на мѣстахъ». Иными словами: правительство было вполнѣ искренно, когда оно говорило, что его «озабочивало продовольствіе арміи и населенія», но фактически его заботы приводили только къ ухудшенію дѣла. Прибавимъ, что, когда, «вмѣшались въ дѣло» Совѣты и послали на мѣста своихъ эмиссаровъ, продовольственный аппаратъ развалился окончательно.

Впрочемъ, и само правительство было къ этому времени, т. е. черезъ семь недѣль послѣ своего образованія, очень недовольно ходомъ вещей. Оно провело столько крупныхъ реформъ, оно проявило такую «напряженную дѣятельность», оно такъ «озабочивалось», но оно все-таки никакъ не могло скрыть отъ страны «тѣхъ затрудненій и препятствій, которыя оно встрѣчаетъ въ своей дѣятельности». Мало того: правительство не умалчивало, что «въ настоящее время эти затрудненія растутъ и вызываютъ тревожное опасеніе за будущее».

Что-же такое случилось? Быть можетъ, нужны были совсѣмъ не эти, а какія-то другія реформы? Быть можетъ, просто никто не зналъ, какъ вообще слѣдуетъ вести дѣло управленія? Правительство отвѣчало на эти вопросы слѣдующимъ образомъ: «Призванное къ жизни великимъ народнымъ движеніемъ, Временное Правительство признаетъ себя исполнителемъ и охранителемъ народной воли. Въ основу государственнаго управленія оно полагаетъ не насиліе и принужденіе, а добровольное повиновеніе свободныхъ гражданъ созданной ими самими власти. Оно ищетъ опоры не въ физической, а въ моральной силѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ Временное Привительство стоитъ у власти, оно ни разу не отступило отъ этихъ началъ. Ни одной капли народной крови не пролито по его винѣ, ни для одного теченія общественной мысли оно не создало насильственной преграды».

Кстати, спросимъ: а сотни людей, которыхъ хватали и бросали въ тюрьмы только за то, что, будучи на государственной службѣ, они исполняли долгъ, согласно закону и присягѣ? А хотя бы эта-же «продовольственная мѣра», состоявшая въ томъ, что и хлѣбъ урожая прошлыхъ лѣтъ и урожай текущаго года были объявлены государственной собственностью? Но, допустимъ, что такъ и слѣдовало поступать, все-же остается неяснымъ, хвалитъ-ли себя правительство за начала, положенныя имъ «въ основу государственнаго управленія», или-же, наоборотъ, порицаетъ? Какъ бы ни было единодушно «великое народное движеніе», управлять шестой частью міра, со 170 милліонами населенія, разноплеменнаго, въ огромномъ, подавляющемъ большинствѣ своемъ малокультурнаго, при помощи одной «моральной силы» — развѣ сколько-нибудь сознающее свою отвѣтственность правительство способно на такую утопію? Мы не говоримъ уже о насиліи, но хотя-бы только о принужденіи и, конечно, хотя-бы только въ случаяхъ, гдѣ задѣты существенные интересы государства?

Вполнѣ очевидно, что вслѣдъ за этимъ признаніемъ слѣдуетъ установленіе соотвѣтствующихъ результатовъ. Правительство заявляло: «Къ сожалѣнію и къ великой опасности для свободы, ростъ новыхъ соціальныхъ связей, скрѣпляющихъ страну, отстаетъ отъ процесса распада, вызваннаго крушеніемъ стараго государственнаго строя (Невольно хочется спросить: неужели для народа писались эти мудреныя фразы, точно выхваченныя изъ плохо написанной передовой статьи политиканствующей газеты?). Въ этихъ условіяхъ при отказахъ отъ старыхъ насильственныхъ пріемовъ управленія и отъ внѣшнихъ искусственныхъ средствъ, употреблявшихся для поднятія престижа власти, трудности задачи, выпавшей на долю Временнаго Правительства грозятъ сдѣлаться неодолимыми. Стихійное стремленіе осуществлять желанія и домогательства отдѣльныхъ группъ и слоевъ населенія явочнымъ и захватнымъ путемъ, по мѣрѣ перехода къ менѣе сознательнымъ и менѣе организованнымъ слоямъ населенія, грозятъ разрушить внутреннюю гражданскую спайку и дисциплину и создаютъ благопріятную почву, съ одной стороны, для насильственныхъ актовъ, сѣющихъ среди пострадавшихъ озлобленіе и вражду къ новому строю, съ другой стороны — для развитія частныхъ интересовъ и стремленій въ ущербъ общимъ, и къ уклоненію

отъ исполненія гражданскаго долга».

Нарисовавъ столь мрачную картину результатовъ своей усиленной дѣятельности за истекшія семь недѣль, правительство заявляло, что въ дальнѣйшемъ оно не видитъ ничего, кромѣ распада внутри страны и пораженія на фронтѣ. Какія-же мѣры предлагало правительство, чтобы возможно скорѣе остановить распадъ «внутренней гражданской спайки и дисциплины»? Двѣ мѣры: во первыхъ, призывало гражданъ Россіи сплотиться вокругъ власти и поддержать ее «своимъ свободнымъ повиновеніемъ»; во вторыхъ, согласилось отказаться отъ услугъ Милюкова и Гучкова, а взамѣнъ ихъ предложило пополнить кабинетъ «представителями тѣхъ активныхъ творческихъ силъ страны, которыя доселѣ не принимали прямого и непосредственнаго участія (слѣдуетъ понимать: принимали участіе косвенное и закулисное) въ управленіи государствомъ». Говоря проще — приглашали въ составъ кабинета Скобелева, Церетелли и Пѣшехонова, мѣсто Гучкова отдали Керенскому, мѣсто Милюкова—Терещенко, мѣсто Терещенко—Шингареву, мѣсто Керенскаго—Переверзеву, а мѣсто Шингарева, т. е. министерство земледѣлія, которому надлежало подготовить рѣшеніе «великаго земельнаго вопроса», вручили въ надежныя руки товарища Виктора Чернова. Не забудемъ, кстати, что этотъ послѣдній, только за нѣсколько дней передъ этимъ заявилъ, что источникомъ власти правительства является Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ.

Приведенный документъ интересенъ еще въ одномъ отношеніи. Передъ нами — жалоба. Правительство, очень высоко ставящее свои труды и заслуги, убѣждается, что результаты не соотвѣтствуютъ усиліямъ, что положеніе съ каждымъ днемъ ухудшается, и что катастрофа не за горами. Но на кого оно жалуется и кому? Вопросы, на которые правительство, вѣроятно, и само затруднилось-бы отвѣтить.

Судя по указанію на то, что «ростъ новыхъ соціальныхъ связей, скрѣпляющихъ страну, отстаетъ отъ процесса распада», можно думать, что передъ нами жалоба Совѣту депутатовъ на неорганизованныя массы. Въ этомъ убѣждаетъ отчасти и прямая ссылка на «менѣе организованные слои населенія», которые стремятся осуществлять свои желанія и домогательства явочнымъ и захватнымъ путемъ. Но тогда это жалоба почти на всю Россію. «Сознательныхъ и организованныхъ»,

если не считать интеллигенціи, было очень немного, тысяча на сто тысячъ, и то едва-ли. Съ другой-же стороны, какъ бы правительство ни напвничало, оно не могло не понимать, что толпа проявляетъ «стихійное стремленіе осуществлять желанія и домогательства» только потому, что именно эти «организованные и сознательные элементы» показали ей дорогу и на всѣ лады внушали ей, что она теперь полный хозяинъ, что права ея неоспоримы, а сила безпредѣльна.

Такимъ образомъ, жалуясь народу на народъ, правительство, въ сущности, жаловалось Совѣту на Совѣтъ, вождямъ «трудовой демократіи» на «трудовую демократію». Правительство лишь не смѣло сказать правду, потому что оно уже было полнымъ рабомъ Совѣта и, въ сущности, уже перестало существовать, какъ правительство.

Не смѣя жаловаться на Совѣтъ, но, въ дѣйствительности, жалуясь именно на него, правительство несло свой прощальный вздохъ тому-же Совѣту. Это была явная капитуляція. Тѣ надежды, настроенія и переживанія, которыя въ первые дни революціи вдохновляли членовъ Госуд. Думы, засѣдавшихъ подъ предсѣдательствомъ Родзянко, въ полуциркульномъ залѣ, умерли, и во весь ростъ встали передъ страной люди комнаты № 12. А «соединительное звено» между ними, ставшій уже военнымъ и морскимъ министромъ Керенскій, если бы только захотѣлъ, въ любую минуту могъ сдѣлаться и предсѣдателемъ совѣта министровъ, и верховнымъ главнокомандующимъ, словомъ, опредѣлиться, какъ центральная фигура въ этомъ процессѣ всеобщаго развала и безнадежнаго крушенія русской государственности.

IX.

Собственно говоря, на этомъ можно было бы и кончить. Для анализа больше нѣтъ матеріала. Все, что слѣдовало за описанной капитуляціей, явилось лишь слѣдствіемъ и можетъ интересовать только партійныхъ политиковъ. Кто чѣмъ былъ, кто что сказалъ, кто кого куда тянулъ — не все-ли намъ равно, намъ, обыкновеннымъ русскимъ людямъ, видѣвшимъ, какъ гибнетъ наша родина, но безсильнымъ чѣмъ-либо помочь, ибо звѣрь изъ бездны былъ уже вызванъ, и роковой кругъ событій уже свершался?!

Но картина будетъ далеко не полна, если не указать нѣкоторыхъ частностей. Какъ ни какъ, Временное Правительство перваго состава, т. е. то, которое представляло собой цвѣтъ подлинной русской интеллигенціи, существовало семь недѣль. Оно начало свою работу при условіяхъ, — по крайней мѣрѣ, по внѣшности, съ точки зрѣнія фасада, — исключительно благопріятныхъ: всѣ неудачи оно могло относить на счетъ «гнилого наслѣдія», оставшагося послѣ свергнутаго режима, всѣ удачи могло ставить себѣ въ особую заслугу. Оно пользовалось довѣріемъ и симпатіями, къ его услугамъ были всѣ средства и возможности. Едва-ли въ исторіи народовъ можно указать примѣръ болѣе благопріятной конъюнктуры для правительственной работы.

Правда, у него за стѣной былъ Совѣтъ депутатовъ, имѣлось «соглашеніе», на основѣ котораго строилось будущее страны, но вѣдь эти люди, взявшіе на себя власть, знали, что дѣлали и, очевидно, на что-то разсчитывали, когда, несмотря на Совѣтъ и на «соглашеніе» приняли власть. Никто не вправѣ думать объ этихъ людяхъ на столько дурно, чтобы утверждать, что они взялись управлять страной, заранѣе зная, что изъ этого ничего не выйдетъ и что, согласившись взять эту власть изъ рукъ Совѣта, они рѣшились на что-то явно безнадежное.

Наоборотъ. Они безспорно вѣрили въ себя, несомнѣнно думали, что Совѣтъ — Совѣтомъ, а они все-же свое сдѣлаютъ: можетъ быть, окажутся сильнѣе Совѣта, можетъ быть, просто на просто обманутъ его. Если, слѣдовательно, они не только ничего не сдѣлали, но погубили и себя, и страну, то не потому, что передъ ними не было путей, а только потому, что при полной возможности выбирать пути, они не знали, какъ взяться за дѣло, и съ первыхъ-же шаговъ показали свою полную неподготовленность къ дѣлу управленія. Все, казалось, было имъ на пользу, они сами были себѣ во вредъ.

Мы, напримѣръ, уже видѣли, какова была работа военнаго и морского министра Гучкова. Въ то время, какъ писались эти строки, въ четвертую годовщину мартовскихъ дней 1917 г., одинъ изъ участниковъ событій, г. Б. Э., выступилъ со слѣдующей тирадой въ защиту Гучкова: «Впослѣдствіи появились обвиненія Гучкова въ изданіи этого приказа (т.е. приказа № 1). Многіе утверждали, что видѣли его подпись подъ нимъ. Это попросту фантазія. Приказъ вышелъ за подписью

«Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ», и, не говоря уже о томъ, что Гучковъ по всѣмъ своимъ убѣжденіямъ не могъ подписать ничего подобнаго, онъ не могъ этого сдѣлать и фактически, такъ какъ во время изданія приказа отсутствовалъ въ Петроградѣ» (38).

Защита едва-ли удачная. Гучковъ могъ «отсутствовать въ Петроградѣ»; никто не сомнѣвается далѣе, что «по всѣмъ своимъ убѣжденіямъ» Гучковъ не раздѣлялъ принциповъ, на которыхъ строился «приказъ № 1», но онъ принялъ этотъ приказъ, онъ не только способствовалъ его практическому осуществленію, но черезъ нѣсколько дней послѣ его появленія, какъ выше было указано, имѣлъ мужество заявить, что все, слава Богу, хорошо, все налаживается и т.д. Этого мало: онъ былъ членомъ того кабинета, который, выхваляя свои заслуги передъ страной, заявилъ: «въ отношеніи устройства арміи и ея правового положенія осуществляются демократическія реформы, далеко опережающія все, что сдѣлано въ этомъ направленіи въ наиболѣе демократическихъ странахъ міра». Слѣдовательно, несмотря на свое «отсутствіе въ Петроградѣ» и несмотря «на всѣ свои убѣжденія», онъ органически связалъ себя съ «приказомъ № 1», а потому — и со всѣми результатами этого приказа.

Кстати, вспоминается: не Гучковъ-ли, будучи военнымъ и морскимъ министромъ, подписалъ приказъ о награжденіи орденомъ св. Георгія Побѣдоносца солдата Кирпичникова, перваго поднявшаго красный флагъ въ Волынскомъ полку и убившаго въ спину своего офицера?

Кн. Львовъ, бесѣдуя 12-го марта 1917 г. съ журналистами, высказалъ слѣдующую, безусловно правильную мысль: «Мы сами знаемъ, что управленіе въ условіяхъ революціоннаго времени не можетъ походить вполнѣ на управленіе при обычномъ теченіи жизни» (39). Но какой выводъ долженъ былъ быть сдѣланъ изъ этой правильной мысли? Неужели тотъ, что для усиленія боеспособности арміи правительство обязано было принять къ исполненію «приказъ № 1», а параллельно съ этимъ, однимъ почеркомъ пера смѣстить всѣхъ губернаторовъ и сразу упразднить всю мѣстную администрацію? Революція — дѣло рукъ поднявшейся противъ старой власти городской

(38) «Общ. Дѣло», № 246, 1921 г.
(39) «Рус. Вѣд.» 14 марта 1917 г.

толпы, но правительство, даже если-бы оно получило власть изъ рукъ этой толпы (чего, въ дѣйствительности, не было), не имѣло права, хотя-бы во имя этой самой толпы, такъ безразсудно ринуться по пути наименьшаго сопротивленія. Въ той-же бесѣдѣ кн. Львовъ сказалъ: «Временное Правительство несетъ опредѣленныя обязательства передъ народомъ, оно отвѣчаетъ передъ нимъ за управленіе государствомъ въ трудный переходный періодъ, а чтобы эта отвѣтственность была реальной, нужны соотвѣтствующія ея возможности рѣшенія и дѣйствія». Не забудемъ, что это говорилось уже послѣ того, какъ «приказъ № 1» былъ брошенъ въ армію, а мѣстная администрація уничтожена. Если, слѣдовательно, это говорилъ не Мефистофель, издѣвавшійся надъ страной и народомъ, то глава правительства, рѣшительно не отдававшій себѣ отчета ни въ томъ, что онъ дѣлаетъ, ни въ томъ, что говоритъ.

А другіе министры, тотъ цвѣтъ, тотъ отборъ русской воинствующей интеллигенціи, которая столько лѣтъ вела борьбу за власть? Какъ мыслилъ и работалъ министръ иностранныхъ дѣлъ Милюковъ — мы видѣли изъ сочиненныхъ имъ «нотъ». Въ нихъ содержалось все, что нужно, чтобы напугать однихъ, вызвать ярость другихъ, не добиться никакихъ реальныхъ результатовъ и остаться непреложнымъ доказательствомъ того, насколько неосторожно подходить къ міровымъ событіямъ съ масштабомъ газетнаго сбозрѣвателя средней руки. Все строилось на несчастной мысли о томъ, что старое правительство не могло понять и осмыслить «освободительный характеръ» войны и вообще тѣ новыя идеи, которыя опредѣляли собой эту войну. Милюковъ и его друзья не видѣли, или не хотѣли видѣть, какого рода были тѣ дѣйствительные мотивы, которые лежали въ основѣ войны и навязывали старымъ, опытнымъ государственнымъ людямъ Запада такія задачи и стремленія, которыя были имъ совершенно чужды. Съ другой-же стороны, пытались сговориться съ мечтателями и утопистами, частью — искренно, частью — по простому недомыслію не считавшимися съ реальной жизнью и гордо пребывавшими далеко за предѣлами реальныхъ возможностей.

Вспоминается опять заявленіе кн. Львова: «управленіе въ условіяхъ революціоннаго времени не можетъ походить вполнѣ на управленіе при обычномъ теченіи жизни». Но развѣ

можно считать на что-либо похожимъ такое управленіе, которое вообще ничего не видитъ, вообще ничего не понимаетъ, витаетъ въ безвоздушномъ пространствѣ и готово на любые опыты, лишь-бы казаться стоящимъ на высотѣ революціонныхъ эффектовъ?

Если въ такомъ печальномъ положеніи оказались наиболѣе жгучіе вопросы: армія, продолженіе войны, организація власти, управленіе, то что-же говорить обо всемъ остальномъ. Напримѣръ, финансы. Министромъ былъ Терещенко. Само собой, онъ началъ съ необыкновенно пышныхъ заявленій: все должно быть преобразовано — и система налоговъ, и способы взиманія, и принципы расходованія, и организація финансоваго управленія. Само собой, было созвано огромное совѣщаніе, нѣчто вродѣ финансоваго парламента, куда призвали представителей банковъ, торговли, промышленности, науки, Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ и т.д. Но, по существу, всѣ надежды сосредоточились на «Займѣ свободы», который долженъ былъ не только дать государству средства, но и служитъ доказательствомъ народнаго энтузіазма по случаю завоеваній революціи (40). Какъ и всѣ другія мѣры Временнаго Правительства, объявленіе «Займа свободы» заключало въ себѣ значительную долю полемики противъ пав шаго режима. Желали сказать: «у нихъ» ничего не выходило, ибо вся Россія была противъ нихъ, «у насъ» все выйдетъ, ибо Россія за насъ.

Для распространенія «Займа свободы» прибѣгали къ такимъ мѣрамъ, которыя практически возможны только въ революціонное время: ходили, напримѣръ, по домамъ, въ сопровожденіи вооруженныхъ солдатъ, и требовали, чтобы покупали заемъ «по мѣрѣ своего состоянія». И все-же заемъ не далъ тѣхъ результатовъ, какихъ ждали, такъ что меньше, чѣмъ черезъ мѣсяцъ послѣ объявленія подписки, въ воздухѣ висѣла угроза конфискаціи части капиталовъ, ибо—писалъ офиціозъ — «капиталисты игнорируютъ нужды революціи и уклоняются отъ подписки на заемъ» (41). И уже къ концу второго мѣсяца революціи пришлось прибѣгнуть къ расширенію эмиссіоннаго права на два милліарда рублей.

---

(40) «Нов. Вр.», 30 марта 1917 г.
(41) «Изв.» № 59 отъ 1917 г.

Въ области организаціи промышленности и труда про изошло то-же самое. Широкія программы, многолюдныя совѣщанія, гдѣ капиталисты, ученые, представители «трудовой демократіи» и всякаго рода партійные работники, другъ передъ другомъ, блистали революціонной удалью, а практически все сводилось къ вѣрѣ, что и капиталистъ, и рабочій, во имя торжества революціи, поймутъ свои взаимныя выгоды и добросовѣстно откажутся, для общаго блага, отъ личныхъ и вообще — частныхъ интересовъ.

Министромъ былъ Коноваловъ. Онъ не скупился на обѣщанія, говорилъ вездѣ, гдѣ были охотники слушать, до изнеможенія предписывалъ, увѣщевалъ, метался во всѣ стороны и, если не отцвѣлъ такъ быстро, какъ Гучковъ и Милюковъ, то только потому, что готовъ былъ на любыя уступки По существу-же, его министерство потеряло подъ ногами всякую реальную почву уже къ началу апрѣля. Никто съ министерствомъ не считался, а рабочіе видѣли въ работѣ возглавляемаго Коноваловымъ вѣдомства лишь опредѣленную помѣху для своихъ классовыхъ устремленій. Еще, напримѣръ, въ первыхъ числахъ апрѣля, то и дѣло, на фабрикахъ и заводахъ проводились резолюціи: Временное Правительство — тормазъ революціоннаго дѣла; министерство торговли и промышленности держитъ руку капиталистовъ и работаетъ противъ насущныхъ интересовъ рабочаго пролетаріата; необходимо передать власть въ руки Совѣта. (42).

Ни одна мѣра не удавалась, всякій дѣлаемый шагъ только ухудшалъ положеніе. Правительство говорило о вѣрѣ въ народъ, народъ заявлялъ, что онъ вѣритъ правительству, въ дѣйствительности-же никто никому не вѣрилъ, всѣ ждали чуда, и каждый, сколько могъ, расшатывалъ первоосновы государственной и общественной жизни. Правительство измѣряло свою дѣятельность количествомъ революціонныхъ жестовъ, которые оно, повидимому, искренно считало «величайшими реформами», населеніе между тѣмъ ждало реальныхъ благъ и ждало ихъ сейчасъ-же, немедленно, и уже разгрывалось воображеніе, и уже тянулись руки. Дѣлая свои жесты, правительство стояло лицомъ къ вождямъ «трудовой демократіи» отъ которыхъ ждало одобренія, а эти вожди смотрѣли на правительство лишь какъ на временное зло, необходимое для ихъ

(42) «Изв.», №№ 33, 41, 43 итд. отъ 1917 г.

плановъ и, вмѣсто одобренія, стегали его въ три кнута. Изъ-за революціонныхъ жестовъ правительство отказывалось отъ власти, населеніе, быстро учуявшее, что власти нѣтъ, естественно дало полную волю тому, что кн. Львовъ и его друзья пытались опредѣлить, какъ «стихійное стремленіе осуществлять желанія и домогательства отдѣльныхъ группъ явочнымъ и захватнымъ путемъ».

И на всемъ лежала печать глубокой, безнадежной лжи. Говорили о томъ, что всѣ равны, всѣ свсбодны, всѣ братья, а солдата наталкивали на офицера, рабочаго — не только на промышленника, но и на инженера, неимущаго — на имущаго, крестьянина — на помѣщика. Начали съ амнистіи по всѣмъ политическимъ преступленіямъ, въ томъ числѣ и по террористическимъ актамъ, а тутъ-же бросали въ тюрьмы всѣхъ, кого считали своимъ политическимъ противникомъ. Керенскій. на слѣдующій-же день послѣ своего назначенія министромъ юстиціи, издалъ приказъ, по которому прокурорамъ палатъ воспрещалось возбуждать дѣла о политическихъ преступленіяхъ, а тутъ-же попытался создать рядъ процессовъ о дѣятельности бывшихъ министровъ и другихъ чиновъ прежняго правительства. Для вида утверждали, что рѣчь идетъ только о преступленіяхъ «уголовныхъ», но кто могъ сомнѣваться, что цѣль была одна — политическая. Да такъ оно и вышло: восемь мѣсяцевъ работали всѣ революціонные Шерлоки Холмсы и не могли поставить на судъ ни одного дѣла. Мало того: сами слѣдователи должны были признать, что чины стараго правительства оказались много выше, добросовѣстнѣе и достойнѣе, чѣмъ этого хотѣла-бы революція.

Такъ было во всемъ. Отмѣняли сословныя различія и тутъ-же создавали преимущества и привилегіи по «тюремному цензу», по «революціонному прошлому». Негодовали противъ царившей ранѣе «протекціи» и повсюду сажали своихъ родныхъ и друзей. Негодовали противъ «котеріи» и «темныхъ силъ», но не было вѣдомства, гдѣ сейчасъ-же не образовалась бы своя «котерія», гдѣ не имѣлись бы свои дамскія вліянія, свои нимфы Эгеріи, свои закулисныя пружины.

Отмѣнили смертную казнь, а рядомъ бездѣйствовали и, такъ сказать, считали естественными расправы съ офицерами, генералами, инженерами, бывшими чиновниками, епископами, помѣщиками и т. д. Отпустили на волю осужденныхъ за-

коннымъ судомъ убійцъ, мошенниковъ, растлителей, святотатцевъ и, въ то-же время, провоцировали слухи о заговорахъ и распоряжались съ мнимыми заговорщиками, какъ въ старыя времена не распоряжались съ дѣйствительными преступниками.

Естественно, это должно было привести къ общественному распаду. Общественная ткань, значительно ослабѣвшая подъ вліяніемъ войны, неудачъ, неустройства, а затѣмъ — столь рѣзкаго переворота, не выдержала и быстро стала ползти по всѣмъ швамъ. Все общее потеряло всякую цѣнность, и вылѣзло впередъ все частное, групповое, вылѣзло крикливымъ, требовательнымъ, не желавшимъ ни съ чѣмъ считаться.

Россіи былъ нанесенъ смертельный ударъ. Управлять значитъ понимать, предвидѣть, направлять, а вмѣсто этого странѣ былъ предложенъ рядъ революціонныхъ эффектовъ. Какъ всякіе эффекты, они могли имѣть успѣхъ въ теченіе первыхъ нѣсколькихъ минутъ. Эти минуты быстро прошли, мыльные пузыри лопнули, и обнаружилась жестокая, безобразная правда. Кн. Львовъ и его друзья, испугавшись сами того, что надѣлали, патетически восклицали: «Граждане Россіи! Судьба родины въ вашихъ рукахъ! Безъ васъ правительство безсильно!». Но что могли сдѣлать подобные выкрики, разъ тѣ первые два мѣсяца, которые должны были рѣшить все будущее, были столь легкомысленно, столь неразумно растрачены на служеніе революціи, а не странѣ, не народу. Не поняли, какъ, впрочемъ, не понимали никогда, Россіи, не съумѣли правильно оцѣнить моментъ, не съумѣли оцѣнить даже свое собственное положеніе, столь исключительно благопріятное, и видѣли только одно: вождей «трудовой демократіи», своихъ старыхъ политическихъ враговъ, которыхъ во что бы то ни стало хотѣли увѣрить въ своей дружбѣ, во всякомъ случаѣ, въ своей полной готовности итти съ ними рука въ руку.

И естественно — погубили и себя, и страну...

***

ПЕТРЪ ЖИЛЬЯРЪ

Въ концѣ минувшаго 1920 г. появились въ печати, въ распространенномъ иллюстрированномъ журналѣ L'Illustration, статьи П. Жильяра о нашей Царской Семьѣ. П. Жильяръ былъ воспитателемъ, вѣрнѣе, гувернеромъ покойнаго Царевича Алексѣя Николаевича. Онъ долгіе годы жилъ въ семьѣ Государя въ Царскомъ Селѣ, въ Крыму, бывалъ въ Ставкѣ — Могилевѣ и не оставилъ своего царственнаго воспитанника въ изгнаніи и заключеніи. Швейцарскій гражданинъ, П. Жильяръ пережилъ съ русской Царской семьей и свѣтлые дни жизни Царскаго Села, и глубоко-трагическія времена въ Тобольскѣ и Екатеринбургѣ. Правдивый, талантливый, смѣлый разсказъ Жильяра о Государевомъ семействѣ произвелъ въ Европѣ и Америкѣ громадное впечатлѣніе. Номера «L'Illustration» раскупались нарасхватъ. Міръ увидалъ насколько истинныя картины жизни Императора Николая II и Его супруги Александры Ѳеодоровны были далеки отъ тѣхъ недостойныхъ легендъ, которыя распускались врагами Царскаго Дома въ Россіи и заграницей.

Къ глубочайшему удивленію русская заграничная пресса упорно замолчала появленіе историческихъ статей г. Жильяра.

«Русскій Очагъ въ Парижѣ» помѣщая съ разрѣшенія автора въ своемъ новомъ органѣ «Русская Лѣтопись» переводъ разсказа П. Жильяра о Царской семьѣ, счелъ своимъ долгомъ заявить письмомъ директору « Illustration » свою глубочайшую благодарность за появленіе статей Жильяра на страницахъ почтеннаго журнала.

Наше письмо и отвѣтъ на него мы помѣщаемъ здѣсь.

Monsieur le Directeur,

Dans les derniers numéros de votre estimé journal, dont l'influence, grâce au grand nombre de ses lecteurs, est si considérable, a paru une série d'articles signés par Monsieur Pierre Gilliard, précepteur du Grand-Duc Alexis Nicolaïevitch.

La situation que M. Gilliard occupait auprès de l'Héritier du Trône, lui permit, pendant de longues années, de vivre dans l'intimité de la Famiile Impériale.

L'accent profond de vérité et de noblesse qui perce à chaque page du récit de M. Gilliard ne saurait point ne pas gagner la confiance entière du lecteur. La précision de ses témoignages et le sérieux de sa documentation ont définitivement eu raison des légendes indignes que la malveillance de certaines gens s'était appliquée à répandre sur le compte de la Famille Impériale.

Nous ne doutons pas que la sincérité de l'auteur, témoin oculaire des souffrances imméritées de l'Empereur Nicolas, ne contribue à tracer un portrait véridique du Tzar-martyr qui fut toujours l'allié fidèle et désintéressé de la France et qui périt, victime de cette fidélité même, avec toute sa famille.

De nombreux Russes qui se trouvent actuellement à Paris, s'estiment moralement obligés à exprimer leur respect et leur profonde gratitude à Monsieur Pierre Gilliard au sujet de la contribution précieuse qu'il a apportée à l'histoire de la Famille Impériale.

Nous tenons aussi, Monsieur le Directeur, à vous remercier d'avoir bien voulu ouvrir les colonnes de votre journal aux articles de Monsieur Gilliard.

Veuillez agréer, Monsieur, l'assurance de nos sentiments les plus distingués.

18 *janvier* 1921. — *Paris.*

На подлинномъ, около 200 подписей.

Le 31 *janvier* 1921.

Monsieur,

Nous sommes, mes collaborateurs et moi, extrêmement touchés par la délicate pensée que vous avez eue, ainsi que l'élite des Russes qui se trouvent actuellement à Paris, de nous témoigner votre sympathie à l'occasion des articles que vient de publier dans nos pages M. Gilliard.

Nous avons été heureux et très fiers de l'honneur qui nous était réservé d'infirmer les déplorables légendes que l'on avait créées sur la Famille Impériale et de rendre justice à un Allié qui nous fut toujours fidèle.

Nous ne jugeons pas à propos de publier un facsimilé de ces témoignages, car l'impartialité pourrait nous obliger à reproduire certaines controverses dont on nous demanderait l'insertion et auxquelles nous aurions répugnance à ouvrir nos colonnes. Nous désirons laisser à ce récit historique toute sa sérénité et sa spontanéité qui lui font cet accent de vérité par quoi fut émue si profondément l'universalité de nos lecteurs.

Veuillez agréer, Monsieur, l'expression de mes sentiments les plus distingués.

(*Signé*) : R. Baschet.

Monsieur A. KROUPENSKY,
Vice-président du « Foyer Russe ».

(L'Illustration)

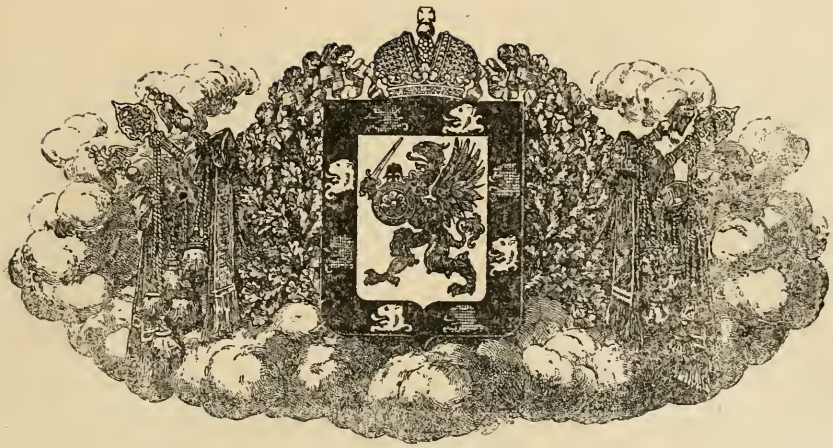
ТОБОЛЬСКЪ. — На крышѣ оранжереи, гдѣ Царская Семья любила сидѣть и грѣться на солнцѣ. Слѣва на право: Великія Княжны Ольга и Анастасія, Государь Императоръ, Царевичъ и Великая Княжна Татьяна. Великая Княжна Марія стоитъ.

(L'Illustration).

Лица, до послѣднихъ дней оставшіяся при Царской Семьѣ.
Всѣ, за исключеніемъ г-на П. Жильяра, были убиты.
Первый рядъ: г-жа Шнейдеръ, граф. Гендрикова, кн. Долгоруковъ.
Второй рядъ: генералъ Татищевъ и г-нъ П. Жильяръ.

L'Illustration.

Докторъ Боткинъ, временно отлучался изъ Тобольска, когда была снята верхняя фотографія.



Гербъ Романовыхъ

Царская Семья

Воспоминанія воспитателя Царевича Алексѣя Николаевича, г. П. Жильяра.

(Переводъ изъ журнала „l'Illustration")

I.

КАКЪ СОВЕРШИЛОСЬ ЕКАТЕРИНБУРГСКОЕ ЗЛОДѢЯНІЕ.

Пришло время освѣтить во всѣхъ подробностяхъ и во всемъ его ужасѣ отвратительное екатеринбургское преступленіе. Нужно предать широкой гласности факты, необходимые для того, чтобы составить себѣ правильное понятіе о событіяхъ, имѣвшихъ эпилогомъ ужасную ночь съ 16-го на 17-ое іюля 1918 г.

Молчаніе, котораго отъ насъ гребовало слѣдствіе (1), было широко использовано участниками преступленія и подпольной литературой, чтобы совершенно запутать общественное мнѣніе. Пора, чтобы люди, знающіе правду, ее открыли. Это ихъ долгъ, какъ бы тяжелъ онъ ни былъ.

Оставляя въ сторонѣ сложный вопросъ объ отвѣтственности за это преступленіе, я хочу лишь описать тѣ событія,

(1) Немедленно по занятіи Екатеринбурга противобольшевистскими войсками, мѣстными властями было начато судебное слѣдствіе. Оно продолжалось по распоряженію правительства адмирала Колчака.

Copyright by l'Illustration, 1921.

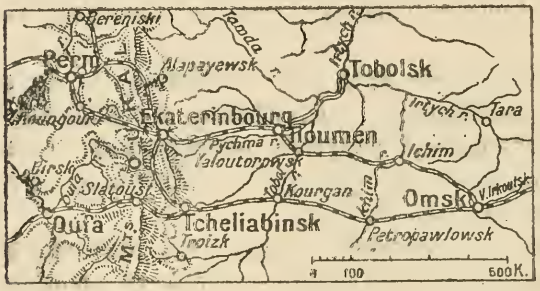
свидѣтелемъ которыхъ я былъ и въ которыхъ я участвовалъ, и установить обстоятельства преступленія, какъ они были открыты слѣдствіемъ. Я счастливъ гостепріимству, предложенному мнѣ «Illustration», такъ какъ, благодаря ему, въ слѣдующихъ главахъ я постараюсь воскресить все, что мнѣ суждено было узнать за столько лѣтъ близости моей къ личной жизни Царской Семьи.

Послѣдній Путь.

Послѣ революціи марта 1917-го года, Царская Семья провела пять мѣсяцевъ въ Царскомъ Селѣ. Въ августѣ того-же года, Государь и Императрица съ дѣтьми: Цесаревичемъ 13-ти лѣтъ, его четырьмя сестрами: Ольгой (22 л.), Татьяной (20 л.), Маріей (18 л.) и Анастасіей (16 л.), были перевезены съ нѣсколькими лицами Ихъ свиты и съ довольно большимъ штатомъ прислуги — въ Тобольскъ.

Когда, въ апрѣлѣ 1918-го г., былъ присланъ изъ Москвы въ Тобольскъ комиссаръ Яковлевъ, для того чтобы опять перевезти Государя со всей семьей въ другое мѣсто, Цесаревичъ былъ серьезно боленъ и состояніе Его здоровья не давало Ему возможности перенести тяжелую дорогу. Поэтому было рѣшено, что Онъ останется въ Тобольскѣ съ тремя сестрами и, что Ихъ перевезутъ позднѣе.

26/13-го апрѣля, Государь, Императрица и третья дочь Ихъ, Великая Княжна Марія, въ сопровожденіи гофмаршала князя Долгорукова, доктора Боткина и трехъ слугъ: Терентія Чемадурова (камердинеръ Государя), Анны Демидовой (горничная Императрицы) и Ивана Сѣднева (лакей Вел. Княженъ), были увезены комиссаромъ Яковлевымъ. Они доѣхали въ тарантасахъ до маленькаго городка Тюмени, ближайшей отъ Тобольска станціи жел. дороги и 30/17-го апрѣля прибыли въ Екатеринбургъ. За исключе-



(L'Illustration)

Уральскій районъ
съ Тобольскомъ и Екатеринбургомъ.

ніемъ князя Долгорукова, который былъ отправленъ прямо въ тюрьму, всѣ были, въ тотъ-же день, заключены въ домъ нѣкоего Ипатьева, богатаго екатеринбургскаго купца.

Черезъ три недѣли, Наслѣдникъ Цесаревичъ и Его три сестры: Ольга, Татьяна и Анастасія, въ свою очередь покинули Тобольскъ, подъ конвоемъ комиссаровъ Хохрякова и Родіонова. Эта вторая группа, къ которой принадлежалъ и я, заключала почти всѣхъ лицъ остававшихся въ Тобольскѣ послѣ отъѣзда Государя. Я перечислю имена тѣхъ, о которыхъ будетъ идти рѣчь въ моемъ разсказѣ: генералъ-адьютантъ Татищевъ, баронесса Буксгевденъ и графиня Гендрикова — фрейлины Императрицы, гофъ-лектриса Шнейдеръ, хирургъ Великаго Князя Алексѣя Николаевича — докторъ Деревенко. г. Гиббсъ — мой коллега, учитель англійскаго языка и другіе.

22/9 мая, мы прибыли въ Тюмень, и тотчасъ, подъ сильнымъ конвоемъ, были направлены въ спеціальный поѣздъ, который долженъ былъ доставить насъ въ Екатеринбургъ. Когда я хотѣлъ сѣсть въ поѣздъ съ моимъ ученикомъ, меня грубо отдѣлили отъ него и втолкнули въ вагонъ 4-го класса, окруженный, какъ и другіе вагоны, часовыми.

Ночью мы прибыли въ Екатеринбургъ и поѣздъ былъ остановленъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ вокзала.

Утромъ, къ 9-ти часамъ, нѣсколько извозчиковъ подъѣхали къ нашему поѣзду и я увидалъ четырехъ субъектовъ, направившихся къ вагону дѣтей. Прошло нѣсколько минутъ. Вдругъ передъ моимъ окномъ прошелъ дядька Цесаревича, матросъ Нагорный, неся мальчика на рукахъ; за нимъ шли Великія Княжны, нагруженныя чемоданами и разными вещами. Я хотѣлъ выйти къ нимъ, но грубо былъ оттолкнутъ обратно въ вагонъ часовымъ. Я бросился опять къ окну: Татьяна Николаевна шла послѣдняя, неся свою собачку и съ трудомъ таща тяжелый коричневый чемоданъ. Шелъ дождь и я видѣлъ, какъ при каждомъ шагѣ грузли въ грязи Ея ноги. Нагорный хотѣлъ прійти Ей на помощь, но былъ силой отброшенъ назадъ однимъ изъ комиссаровъ... Черезъ нѣсколько мгновеній извозчики отъѣхали, увозя дѣтей въ направленіи къ городу. Какъ мало думалъ я тогда, что больше никогда не увижу тѣхъ, при которыхъ я прожилъ столько лѣтъ! Я былъ увѣренъ, что прійдутъ за нами и мы скоро всѣ увидимся. Но проходили часы за часами. Нашъ поѣздъ былъ подведенъ къ

вокзалу, я видѣлъ, какъ прошли генералъ Татищевъ, графиня Гендрикова, г-жа Шнейдеръ, которыхъ куда-то уводили. Позднѣе пришла очередь Волкова (камердинера Императрицы), повара Харитонова, лакея Трупа и маленькаго Сѣднева, поваренка 14-ти лѣтъ.

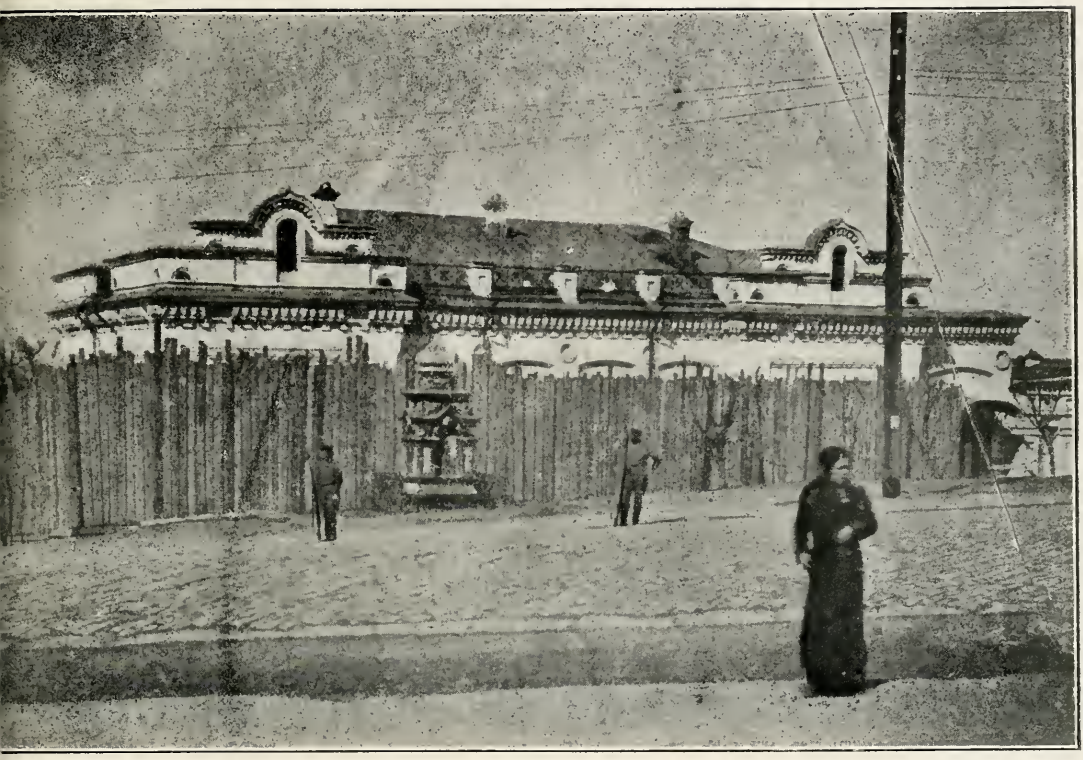
Кромѣ Волкова, которому удалось позже бѣжать и маленькаго Сѣднева, котораго пощадили, никто изъ лицъ уведенныхъ въ этотъ день не вышелъ живымъ изъ рукъ большевиковъ. Мы все ждали. Но что-же случилось ? Почему не приходить и наша очередь? Мы уже строили всякія гипотезы, когда къ пяти часамъ, вошелъ въ нашъ вагонъ комиссаръ Родіоновъ, привезшій насъ изъ Тобольска, и объявилъ намъ, что мы больше «не нужны», и что мы «свободны». Свободны! Какъ, насъ разлучаютъ съ ними? Значитъ все кончено. Глубокое разочарованіе смѣнило возбужденіе, поддерживавшее насъ до сихъ поръ. Что дѣлать? Что предпринять? Мы были совершенно подавлены.

Я до сихъ поръ не могу понять, чѣмъ руководствовались большевистскіе коммиссары, въ этомъ выборѣ, спасшемъ намъ жизнь. Зачѣмъ, напримѣръ, они посадили въ тюрьму гр. Гендрикову и оставили на свободѣ бар. Буксгевденъ, такую-же фрейлину Императрицы? Почему ихъ, а не насъ? Были-ли перепутаны имена наши или должности? Это какая-то тайна.

На слѣдующій день и всѣ послѣдующіе, мы побывали съ моимъ коллегой, г. Гиббсомъ, у англійскаго и шведскаго консуловъ. Французскій консулъ отсутствовалъ. Надо было, во что бы то ни стало, попытаться помочь заключеннымъ. Оба консула насъ успокоили, говоря, что необходимые шаги предприняты и, что не вѣрятъ въ близкую опасность (1).

Я часто проходилъ передъ домомъ Ипатьева, верхи оконъ котораго виднѣлись изъ-за досчатаго забора, окружавшаго домъ. Я не потерялъ еще надежды туда проникнуть, такъ какъ докторъ Деревенко, получившій разрѣшеніе посѣщать больного Цесаревича, слышалъ, какъ докторъ Боткинъ, отъ имени Государя, просилъ комиссара Авдіева, начальника конвоя, раз-

(1) Я считаю долгомъ отмѣтить безстрашное поведеніе великобританскаго консула г. Престона, не побоявшагося вступить въ открытую борьбу съ большевистскими властями, рискуя своей личной безопасностью.



(L'Illustration).

Домъ Ипатьева, гдѣ была заключена и убита Русская Императорская Семья. Фотографія снята со стороны Вознесенскаго проспекта, послѣ постройки забора.

(L'Illustration).

Домъ Ипатьева со стороны Вознесенскмго переулка. Въ комнатахъ нижняго этажа, гдѣ виднѣется полукруглое окно между двумя деревьями, совершилось убійство. Надъ нимъ окно комнаты Великихъ Княженъ. Четыре парныхъ угловыхъ окна въ первомъ этажѣ — комната Императора, Императрицы и Царевича.

(L'Illustration).

Комната Императора, Императрицы и Царевича въ домѣ Ипатьева.

(L'Illustration).

Комната Великихъ Княженъ.

рѣшить мнѣ присоединиться къ нимъ. Авдіевъ отвѣтилъ, что запроситъ Москву. Пока мои компаньоны и я, кромѣ доктора Деревенко, который поселился въ городѣ, жили въ вагонѣ 4-го класса, въ которомъ мы сюда пріѣхали. Намъ пришлось жить въ немъ болѣе мѣсяца.

26/13 мая мы получили приказаніе немедленно покинуть Пермскую губернію, въ которой находится городъ Екатеринбургъ, и вернуться въ Тобольскъ. Насъ снабдили однимъ документомъ на всѣхъ, чтобы заставить насъ быть всѣхъ вмѣстѣ и этимъ облегчить надзоръ за нами.

Поѣзда уже не ходили. Противобольшевистское движеніе русскихъ добровольцевъ и чеховъ распространялось быстро и желѣзно-дорожная линія была предоставлена только военнымъ эшелонамъ, отправляемымъ поспѣшно на Тюмень. Это явилось для насъ новой отсрочкой.

Проходя однажды, съ докторомъ Деревенко и г. Гиббсомъ, передъ ипатьевскимъ домомъ, мы замѣтили стоявшихъ передъ нимъ двухъ извозчиковъ, окруженныхъ толпой красноармейцевъ. Мы очень взволновались, увидавъ на первомъ извозчикѣ Сѣднева, сидящаго между двумя красноармейцами. Нагорный подходилъ ко второму. Опираясь на край пролетки, онъ вступилъ на подножку, поднялъ голову и увидѣлъ насъ троихъ, неподвижно стоявшихъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него. Онъ въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ пристально на насъ посмотрѣлъ и, не сдѣлавъ ни одного движенія, которое бы могло насъ выдать, сѣлъ въ свою очередь. Экипажи двинулись, какъ мы увидали, въ направленіи тюрьмы. Эти честные люди вскорѣ послѣ этого были разстрѣляны. Все преступленіе ихъ заключалось въ томъ, что они не могли сдержать своего негодованія, при видѣ того, какъ большевистскіе комиссары забрали золотую цѣпочку, на которой была подвѣшена икона у кровати больного Алексѣя Николаевича.

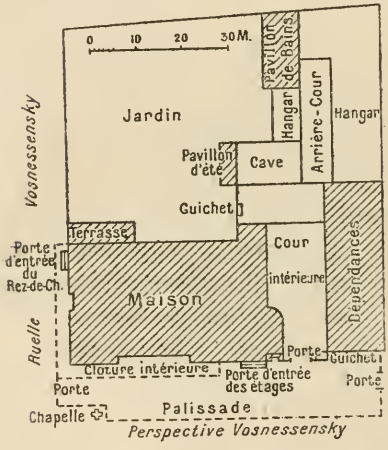
Прошло еще нѣсколько дней. Я узналъ отъ доктора Деревенко, что просьба обо мнѣ, сдѣланная черезъ доктора Боткина, была отклонена.

3-го іюня/21 мая, нашъ вагонъ былъ прицѣпленъ къ бѣженскому поѣзду и мы были направлены въ Тюмень, куда прибыли 15/2-го, послѣ многихъ перипетій. Нѣсколько часовъ позже я былъ арестованъ въ штабѣ большевиковъ, куда я пришелъ за визой, обязательной, какъ для моихъ компаньоновъ, такъ и для

меня. Только благодаря счастливымъ обстоятельствамъ мы и на этотъ разъ чудомъ избѣгли той участи, которая насъ ожидала.

Розыски.

20/7-го іюля, бѣлые—такъ назывались антибольшевистскія войска—взяли Тюмень и освободили насъ отъ каторжниковъ, жертвами которыхъ мы чуть было не сдѣлались. Нѣсколько дней спустя, газеты отпечатали прокламаціи, расклееныя на улицахъ Екатеринбурга, объявляющія о томъ, что смертный приговоръ, вынесенный бывшему Царю, Николаю Романову, приведенъ въ исполненіе въ ночь съ 16-го на 17-ое іюля (н. ст.) и, что Императрица съ дѣтьми увезены и находятся въ вѣрномъ мѣстѣ. Наконецъ, 25/12-го іюля, Екатеринбургъ палъ въ свою очередь, и, какъ только были возстановлены пути сообщенія, чего пришлось ждать долго, такъ какъ путь былъ сильно поврежденъ, мы, Гиббсъ и я, бросились разыскивать Императорскую Семью и нашихъ сослуживцевъ, оставшихся въ Екатеринбургѣ.



Планъ Ипатьевской усадьбы.

На слѣдующій день послѣ моего пріѣзда, я въ первый разъ проникъ въ ипатьевскій домъ Я обошелъ комнаты, служившія Имъ тюрьмой. Въ нихъ былъ невѣроятный безпорядокъ, и видно было, что постарались уничтожить всѣ слѣды тѣхъ, которые здѣсь жили. Изъ печей были выгребены груды пепла; въ нихъ была масса полуобгорѣвшихъ предметовъ, какъ-то: зубныхъ щетокъ, шпилекъ, пуговицъ и т. д. Среди всего этого я нашелъ ручку головной щетки Императрицы Александры Ѳеодоровны. На почернѣвшей слоновой кости были замѣтны иниціалы А. Ѳ. Если была правда, что заключенные были увезены, то ихъ забрали въ чемъ они были, даже безъ самыхъ необходимыхъ предметовъ туалета и одежды.

Я замѣтилъ потомъ на стѣнѣ, въ амбразурѣ одного окна комнаты Ихъ Величествъ, любимый знакъ Императрицы, «суу-

вастику» (1), который Она заставляла ставить всюду на счастье. Она нарисовала его карандашемъ и прибавила подъ нимъ число —17/30 апрѣля—день заключенія Ихъ въ домъ Ипатьева. Тотъ же знакъ, но безъ числа, находился на обояхъ, на высотѣ кровати занятой, вѣроятно, Ею или Алексѣемъ Николаевичемъ; но какъ я не искалъ, мнѣ не удалось найти хотя бы малѣйшее указаніе, могущее навести на Ихъ слѣды. Я потомъ спустился въ нижній этажъ, большая часть котораго находится въ подвалѣ. Съ величайшимъ волненіемъ проникъ я въ комнату, которая, какъ можно было предполагать (тогда у меня еще было сомнѣніе), была мѣстомъ Ихъ смерти. Впечатлѣніе производимое ею было неописуемо потрясающее. Дневной свѣтъ туда проникалъ только черезъ одно окно, пробитое на высотѣ человѣческаго роста и закрытое рѣшеткой. Стѣны носили многочисленные слѣды пуль и ударовъ штыкомъ.

Сразу становилось понятнымъ, что тутъ было совершено ужасное преступленіе и, что нѣсколько человѣкъ нашли здѣсь смерть. Но кто и сколько? Въ моемъ отчаяніи я начиналъ вѣрить, что Государь погибъ и, если такъ, то я не допускалъ возможности, чтобы Императрица Его пережила.

Я видѣлъ Ее въ Тобольскѣ, когда комиссаръ Яковлевъ прибылъ, чтобы увести Государя. Какъ Она бросилась туда, гдѣ опасность Ей казалась наибольшей. Я видѣлъ, какъ Она, послѣ мучительной борьбы между чувствами жены и матери, рѣшилась, съ смертной душевной болью, оставить своего больного сына, чтобы послѣдовать за мужемъ, жизнь котораго Ей казалась въ опасности. Да, это было возможно и Они оба могли погибнуть жертвами этихъ звѣрей. Но дѣти? Перебиты тоже? Я не могъ этому вѣрить. Все мое существо возмущалось при этой мысли, а между тѣмъ все доказывало, что жертвъ было много! Значитъ?...

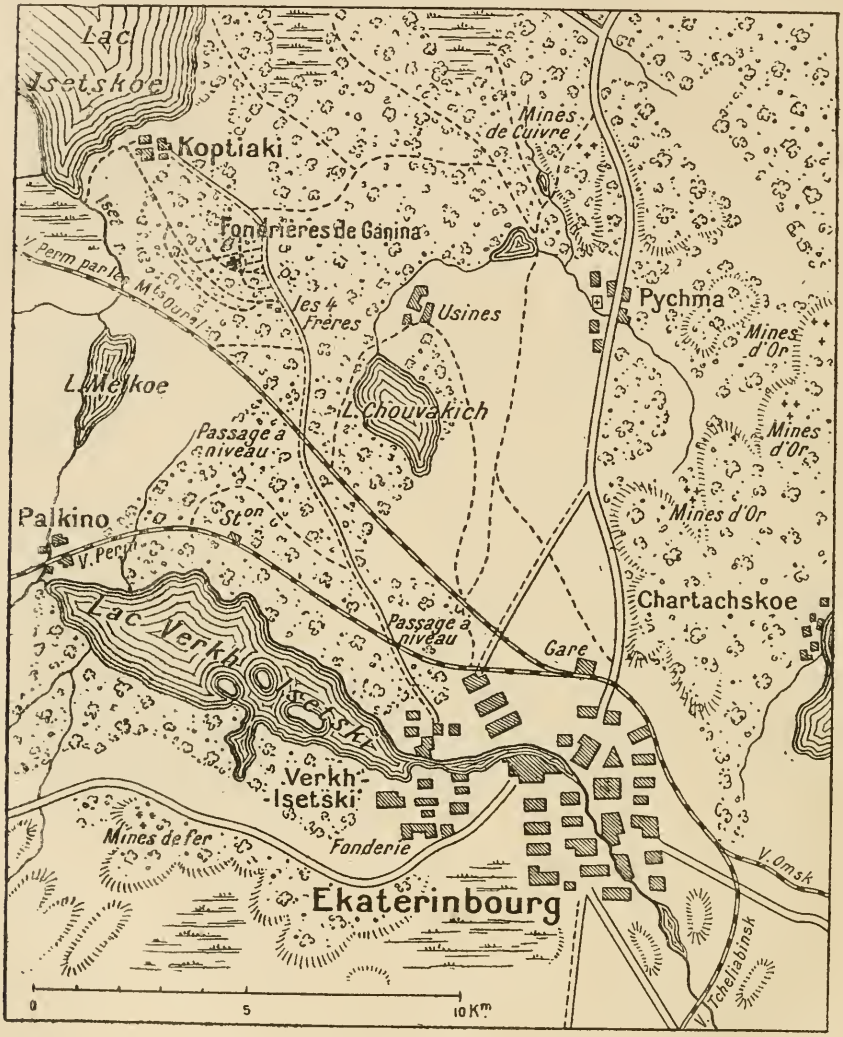
Слѣдующіе дни я продолжалъ свои розыски въ окрестностяхъ, въ монастырѣ, всюду гдѣ я надѣялся найти хоть какія-нибудь указанія. Я видѣлъ священника о. Сторожева, который послѣдній служилъ въ ипатьевскомъ домѣ. Это было въ воскресенье, за два дня до ужасной ночи. Онъ тоже, увы, имѣлъ мало надежды.

---

(1) «Суувастика» — индійскій религіозный символъ, въ видѣ равноконечнаго креста съ загнутыми налѣво концами; если концы загнуты направо, по кажущемуся движенію солнца, то онъ носитъ названіе «свастика».

Официальное Слѣдствіе.

Слѣдствіе подвигалось очень медленно. Оно началось въ крайне трудныхъ условіяхъ, такъ какъ между 17-ымъ и 25-ымъ іюля, большевистскіе комиссары имѣли время уничтожить



(L'Illustration)

Окрестности Екатеринбурга: крестъ указываетъ мѣсто сожженія.

почти всѣ слѣды своего преступленія. Тотчасъ по взятіи Екатеринбурга, военныя власти поставили стражу вокругъ

ипатьевскаго дома и было начато судебное слѣдствіе, но нити были такъ ловко запутаны, что было очень трудно въ нихъ разобраться. Самыя важныя показанія дали нѣсколько крестьянъ села Коптяки, расположеннаго въ двадцати верстахъ къ сѣверо-востоку отъ Екатеринбурга. Они явились и заявили, что, въ ночь съ 16-го на 17-ое іюля, большевики заняли поляну въ лѣсу близъ ихъ деревни, и тамъ оставались нѣсколько дней. Они принесли предметы найденные около заброшеннаго шахтеннаго колодца, близъ котораго виденъ былъ слѣдъ большого костра. На указанную поляну отправились офицеры и нашли еще другіе предметы такъ же, какъ и первые, опознанные, какъ принадлежавшіе Царской Семьѣ.

Слѣдствіе было поручено Ивану Александровичу Сергѣеву, члену екатеринбургскаго суда, и шло нормальнымъ путемъ, но затрудненія были очень велики. Сергѣевъ все болѣе и болѣе склонялся къ допущенію предположенія смерти всѣхъ членовъ Царской Семьи. Между тѣмъ, тѣлъ не могли найти и нѣкоторыя показанія поддерживали предположеніе объ эвакуаціи Императрицы и дѣтей. Эти показанія, какъ было установлено потомъ, исходили отъ большевистскихъ агентовъ, оставленныхъ нарочно въ Екатеринбургѣ, чтобы запутать розыски. Ихъ цѣль была отчасти достигнута, такъ какъ Сергѣевъ потерялъ драгоцѣнное время и долго не замѣчалъ, что идетъ по ложному слѣду.

Въ январѣ 1919-го года, адмиралъ Колчакъ, сознавая всю историческую важность этого слѣдствія и желая съ нимъ ознакомиться, поручилъ генералу Дидерихсу привезти ему матеріалы слѣдствія и всѣ вещи, принадлежавшія Царской Семьѣ. 5-го февраля/23-го января, онъ обратился къ Николаю Алексѣевичу Соколову, слѣдователю по особо важнымъ дѣламъ, съ предложеніемъ ознакомиться съ матеріалами слѣдствія. Два дня спустя, министръ юстиціи, Старанкевичъ, поручилъ ему продолжать слѣдствіе. Въ Омскѣ, куда я былъ вызванъ, въ концѣ февраля генераломъ Жанэнъ, начальникомъ французской военнной миссіи, я познакомился съ Соколовымъ. Мы работали вмѣстѣ нѣсколько дней, потомъ онъ уѣхалъ въ Екатеринбургъ продолжать слѣдствіе, начатое Сергѣевымъ. Въ апрѣлѣ, генералъ Дидерихсъ, вернувшись изъ Владивостока, куда онъ былъ посланъ со спеціальной миссіей адмираломъ Колчакомъ, и сопровождаемый г. Р. Виль-

томъ, редакторомъ «Таймса», присоединился къ Соколову и помогалъ ему въ его работѣ. Съ этого момента слѣдствіе начало дѣлать быстрые успѣхи. Сотни свидѣтелей были допрошены и, какъ только сошелъ снѣгъ, были предприняты обширныя работы на полянѣ, гдѣ крестьяне села Коптяки нашли вещи, принадлежавшія Царской Семьѣ. Совершенно отдавшись предпринятой работѣ, давая доказательства неутомимаго терпѣнія и преданности дѣлу, Соколовъ въ нѣсколько мѣсяцевъ успѣлъ возстановить, съ замѣчательной методичностью, всѣ обстоятельства этого преступленія.

Послѣдніе дни Романовыхъ.

Какъ я уже говорилъ выше, въ половинѣ апрѣля 1918-го года, Янкель Свердловъ, предсѣдатель Ц. И. К. въ Москвѣ. уступая давленію Германіи (1), отправилъ комиссара Яковлева въ Тобольскъ, для перевода Царской Семьи. Яковлевъ получилъ инструкціи отвезти всѣхъ въ Москву или въ Петроградъ Онъ встрѣтилъ въ исполненіи этого приказа сопротивленіе, побороть которое онъ, какъ установлено слѣдствіемъ, всѣми силами стремился. Сопротивленіе это было организовано областнымъ уральскимъ правительствомъ, резиденція котораго была въ Екатеринбургѣ. Это оно приготовило, помимо Яковлева, западню, давшую возможность захватить Государя при Его проѣздѣ. Но становится все болѣе и болѣе очевиднымъ, что этотъ проектъ былъ секретно одобренъ Москвой. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что Свердловъ игралъ двойную игру. Дѣлая видъ, что подчиняется настояніямъ графа Мирбаха, представителя Германіи, онъ условился съ комиссарами Екатеринбурга не выпустить Царя. Какъ бы то ни было, водвореніе Императора въ Екатеринбургъ было импровизированнымъ. Въ два дня купецъ Ипатьевъ былъ выселенъ изъ своего дома и было приступленно къ постройкѣ крѣпкаго досочнаго забора, доходившаго до высоты оконъ второго этажа. Туда были отвезены, 30/17 апрѣля, Государь, Императрица, Великая Княжна Марія Николаевна, докторъ Боткинъ и трое слугъ.

(1) Я позже вернусь къ цѣли, поставленной Германіей, возстановить монархію съ Государемъ или Наслѣдникомъ во главѣ, подъ условіемъ признанія ими Брестъ-Литовскаго мира и союза съ Германіей. Этотъ планъ не удался благодаря твердому отказу Императора Николая II, погибшаго, вѣроятно, за вѣрность своимъ союзникамъ.

Сначала стража была сформирована изъ солдатъ случайно набранныхъ и часто смѣняемыхъ. Позже эта охрана была поручена исключительно рабочимъ Сысертскаго завода и фабрики братьевъ Злоказовыхъ. Во главѣ этой стражи былъ комиссаръ Авдіевъ — комендантъ «дома особаго назначенія»; такъ называли домъ Ипатьева.

Условія жизни были гораздо тяжелѣе, чѣмъ въ Тобольскѣ. Авдіевъ былъ безпробудный пьяница, который предавался своимъ грубымъ инстинктамъ и выдумывалъ со своими подчиненными ежедневно все новыя униженія для тѣхъ, кого онъ сторожилъ. Приходилось терпѣть лишенія, подчиняться всѣмъ придиркамъ, переносить всѣ требованія и капризы этихъ грубыхъ и низкихъ людей.

Сейчасъ-же послѣ пріѣзда въ Екатеринбургъ, 23/10-го мая, Цесаревичъ и Его три сестры были отведены въ домъ Ипатьева, гдѣ ихъ ждали родители. Эта встрѣча была большой радостью, несмотря на грустное настоящее и тревогу за будущее. Всѣ были такъ счастливы опять свидѣться, послѣ всѣхъ опасеній, вызванныхъ разлукой! Нѣсколько часовъ спустя, привезли Харитонова, стараго Трупа и маленькаго Леонида Сѣднева. Что касается другихъ, то генералъ Татищевъ, графиня Гендрикова, г-жа Шнейдеръ и Волковъ были отправлены прямо въ тюрьму.

24/11-го, Чемадуровъ заболѣлъ и былъ отправленъ въ лазаретъ тюрьмы; о немъ забыли и онъ чудомъ спасся отъ смерти. Нѣсколько дней спустя увезли Нагорнаго, матроса Цесаревича, и Ивана Сѣднева. Послѣ короткаго пребыванія въ тюрьмѣ, они были разстрѣляны въ началѣ іюня, въ окрестностяхъ Екатеринбурга. Небольшое количество лицъ, оставшихся около заключенныхъ, быстро таяло. Къ счастью при нихъ оставался докторъ Боткинъ (1), преданность котораго была выше всѣхъ похвалъ, и нѣсколько слугъ, вѣрность которыхъ была безгранична.

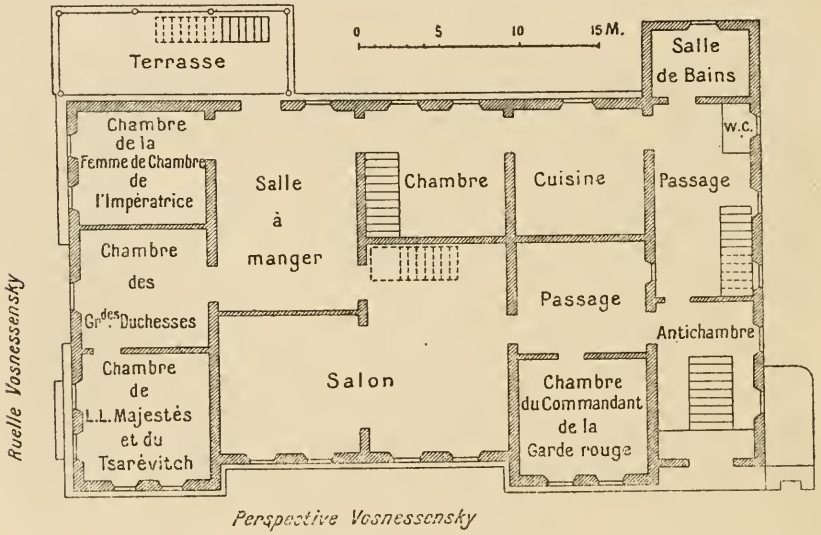
Государь, Императрица и Цесаревичъ занимали угловую комнату, выходящую на площадь и Вознесенскую улицу; четыре Вел. Княжны — сосѣднюю комнату, дверь которой была снята. Первыя ночи, не имѣя кровати, Онѣ спали на полу.

(1) Въ эти дни испытаній, присутствіе д-ра Боткина было большимъ утѣшеніемъ для узниковъ. Онъ окружалъ ихъ заботами, служилъ посредникомъ между ними и комиссарами и старался защитить ихъ отъ грубости стражи. Онъ уже давно принесъ свою жизнь въ жертву тѣмъ, кому онъ посвятилъ уже столько лѣтъ.

Докторъ Боткинъ спалъ въ гостиной. Горничная Императрицы — въ комнатѣ на углу Вознесенской и сада. Остальные помѣщались въ кухнѣ и сосѣдней комнатѣ.

Состояніе здоровья Цесаревича ухудшилось благодаря утомленію дорогой. Онъ большую часть дня лежалъ въ кровати и, когда выходили на прогулку, Государь выносилъ Его въ садъ на рукахъ. Семья Государя обѣдала вмѣстѣ съ прислугой и комиссарами, которые жили въ томъ-же этажѣ и всѣмъ имъ приходилось жить въ постоянной близости съ этими грубыми людьми, большей частью пьяными.

Религія замѣчательно поддерживала настроеніе заключенныхъ. Они сохранили эту чудодѣйственную вѣру, которая уже въ Тобольскѣ приводила въ умиленіе всѣхъ окружавшихъ



(L'Illustration)

Планъ перваго этажа Ипатьевскаго дома. — Въ ночь убійства, разбуженная Царская Семья прошла черезъ столовую, кухню и спустилась направо по лѣстницѣ, гдѣ на планѣ слово « passage ».

Ихъ и давала Имъ столько силъ и душевное спокойствіе во всѣхъ страданіяхъ. Императрица и Великія Княжны часто пѣли религіозныя пѣснопѣнія, что смущало и волновало, помимо ихъ воли, грубыхъ сторожей Ихъ. Это были мученики, уже почти ушедшіе отъ міра!

Домъ былъ окруженъ вторымъ досчатымъ заборомъ, что дѣлало изъ него настоящую крѣпость-тюрьму. И внутри и сна-

ружи были часовые. Комната коменданта, первая при входѣ, была занята комиссаремъ Авдіевымъ, его помощникомъ Мошкинымъ и нѣсколькими рабочими. Остальная стража жила въ подвалѣ, но люди часто поднимались на верхній этажъ и заходили, когда хотѣли, въ комнаты рдѣ жила Царская Семья. Но, мало по малу, эти красноармейцы «очеловѣчивались» отъ общенія съ заключенными. Они были удивлены Ихъ простотой, привлечены Ихъ кротостью ,поражены Ихъ возвышеннымъ достоинствомъ и скоро оказались подъ вліяніемъ тѣхъ, кого они считали въ своей власти. Самъ пьяница Авдіевъ былъ обезоруженъ этимъ душевнымъ величіемъ и почувствовалъ свою низость. Чувство жестокости у этихъ людей, смѣнилось глубокою жалостью.

Убійство.

Совѣтскія власти въ Екатеринбургѣ состояли изъ: а) Областного Уральскаго Совѣта, изъ 30 членовъ подъ пр дсѣдательствомъ комиссара Бѣлобородова. б) Президіума, рода исполнительнаго комитета, состоявшаго изъ членовъ: Бѣлобородова, Голощокина, Сыромолотова, Сафарова, Войкова и др. в) Чрезвычайки—народное названіе «чрезвычайной комиссіи по борьбѣ съ контръ-революціей и спекуляціей», центральное управленіе которой было въ Москвѣ, а отдѣлы по всей Россіи. Это огромная организація, которая сотавляетъ базу всего совѣтскаго режима. Каждый отдѣлъ получаетъ приказанія прямо изъ Москвы и исполняетъ ихъ самостоятельно, собственными силами. Каждая мало-мальски важная чрезвычайка располагаетъ отрядомъ, состоящимъ изъ подонковъ, большей частью военноплѣнныхъ австро-германцевъ, латышей, китайцевъ и др., которые въ сущности ничто другое, какъ хорошо оплачиваемые палачи. Въ Екатеринбургѣ чрезвычайка была всемогуща; вліятельнѣйшими членами ея были комиссары Юровскій, Голощокинъ и др.

Авдіевъ былъ подъ непосредственнымъ контролемъ другихъ комиссаровъ, членовъ И. К. и чрезвычайки. Они тотчасъ замѣтили перемѣну, происшедшую въ чувствахъ къ заключеннымъ у Ихъ стражи и рѣшили принять радикальныя мѣры. Въ Москвѣ тоже обезпокоились, что доказываетъ слѣдующая телеграмма, посланная изъ Екатеринбурга Бѣлобородовымъ, Свердлову и Голощокину, которые тогда находились въ Мос-

квѣ: «Сыромолотовъ выѣхалъ въ Москву, для того чтобы организовать «дѣло» по указаніямъ центра. Опасенія напрасны. Нечего безпокоится. Авдіевъ смѣщенъ. Мошкинъ арестованъ. Авдіевъ замѣненъ Юровскимъ. Внутренняя стража замѣняется другой».

Эта телеграмма отъ 4-го іюля/21-го іюня. Дѣйствительно, въ этотъ день Авдіевъ и его помощникъ Мошкинъ были арестованы и замѣнены комиссаромъ Юровскимъ, евреемъ, и его помощникомъ Никулинымъ. Стража, составленная, какъ сказано было выше, исключительно изъ русскихъ, была переведена въ сосѣдній домъ Попова.

Юровскій привелъ съ собой 10 человѣкъ, почти все военноплѣнныхъ австро-германцевъ, «выбранныхъ» между палачами чрезвычайки. Съ этого дня всѣ внутренніе посты были заняты ими. Внѣшніе же посты продолжали обслуживаться русской стражей.

Домъ «особаго назначенія» сталъ отдѣленіемъ чрезвычайки, и жизнь заключенныхъ стала лишь нескончаемымъ рядомъ мученій.

Въ это время смерть Царской Семьи была уже предрѣшена въ Москвѣ — цитированная выше телеграмма это доказываетъ. Сыромолотовъ уѣхалъ въ Москву, чтобы организовать «дѣло» по указаніямъ центра.

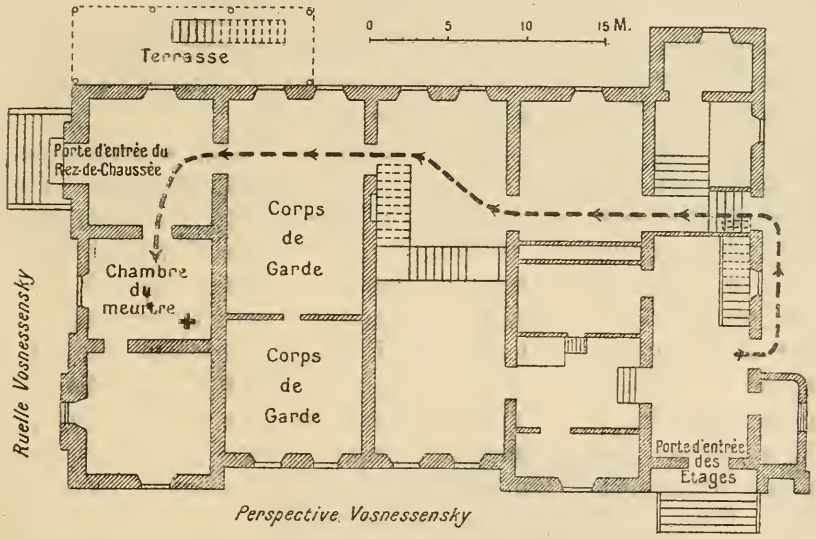
Онъ вернется съ Голощокинымъ и привезетъ инструкціи и приказанія Свердлова. Пока Юровскій распоряжается здѣсь. Онъ нѣсколько дней подъ рядъ выѣзжаетъ верхомъ, объѣзжаетъ окрестности, разыскивая подходящую для его плановъ мѣстность, гдѣ бы можно было скрыть трупы жертвъ. Этотъ человѣкъ, цинизмъ котораго превосходитъ все, что можно себѣ представить, послѣ этого посѣщаетъ лежащаго въ кровати больного Цесаревича. Проходитъ еще нѣсколько дней. Голощокинъ и Сыромолотовъ вернулись. Все готово.

Въ воскресеніе 14/1-го іюля, Юровскій вызываетъ священника, отца Сторожева, и разрѣшаетъ службу. Заключенные приговорены уже къ смерти, и имъ не отказываютъ въ послѣднемъ церковномъ напутствіи.

На слѣдующій день онъ приказываетъ перевести маленькаго Сѣднева въ домъ Попова, гдѣ находится русская стража. 16/3-го, къ семи часамъ вечера, онъ приказываетъ Павлу Мед-

вѣдеву, которому вполнѣ довѣрялъ, — Медвѣдевъ стоялъ во главѣ русскихъ рабочихъ — принести всѣ 12 револьверовъ системы Наганъ, которыми была вооружена русская стража и, когда это приказаніе исполнено, онъ сообщаетъ ему, что вся Царская Семья будетъ убита этой ночью и, что онъ поручаетъ Медвѣдеву сообщить объ этомъ позже русскимъ красноармейцамъ. Медвѣдевъ сообщилъ имъ это къ 10-ти часамъ вечера.

Немного послѣ полуночи, Юровскій проникаетъ въ комнаты, занятыя членами Царской Семьи и, разбудивъ ихъ и всѣхъ живущихъ съ Ними, приказываетъ приготовиться слѣдовать за



Планъ нижняго этажа. — Пунктиромъ отмѣченъ путь слѣдованія Царской Семьи: Она была проведена изъ перваго этажа на внутренній дворъ и по лѣстницѣ прошла по комнатамъ нижняго этажа. Крестикомъ указана комната, гдѣ произошло убійство Царской Семьи.

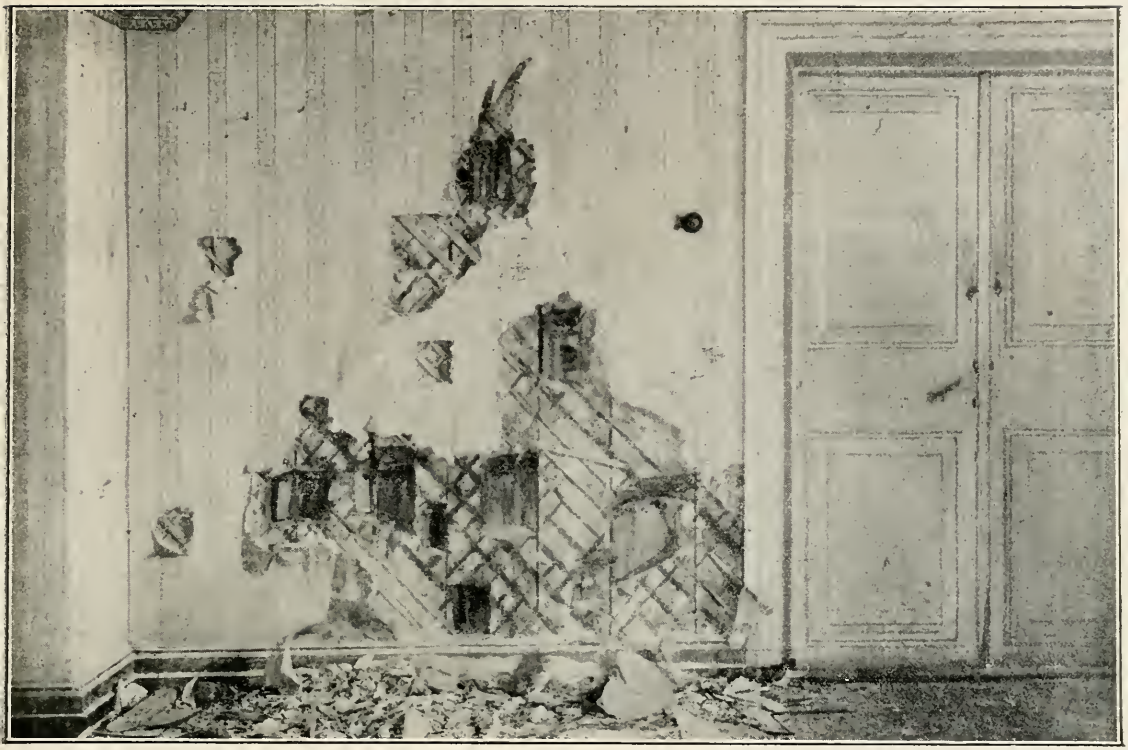
нимъ. Онъ объясняетъ Имъ, что въ городѣ безпорядки и, что, покамѣстъ, Они будутъ въ большей безопасности въ нижнемъ этажѣ дома. Скоро всѣ были готовы. Взяты только необходимыя вещи и подушки. Всѣ спускаются по внутренней лѣстницѣ, которая ведетъ во дворъ, откуда всѣ входятъ въ подвальный этажъ; Юровскій идетъ впереди съ Никулинымъ, за ними Государь, неся Наслѣдника на рукахъ, Императрица, Великія Княжны, докторъ Боткинъ, Анна Демидова, Харитоновъ и

Трупъ. Заключенные останавливаются въ комнатѣ, указанной имъ Юровскимъ. Они увѣрены, что послано за экипажами или автомобилями, которые должны увезти ихъ и, такъ какъ ожиданіе можетъ быть долгимъ, они требуютъ стульевъ. Приносятъ три стула. Цесаревичъ, который не можетъ стоять изъ-за больной ноги, садится посреди комнаты, Государь садится на лѣво отъ Него, а докторъ Боткинъ стоитъ направо, немного позади, Императрица садится около стѣны, направо отъ двери, въ которую они вошли, недалеко отъ окна. На Ея стулъ положили подушку, такъ же какъ и на стулъ Алексѣя Николаевича. За Ней стоитъ одна изъ Великихъ Княженъ — вѣроятно Татьяна. Въ углу, съ той-же стороны — Анна Демидова, съ двумя подушками въ рукахъ. Остальныя Великія Княжны прислонились къ стѣнѣ, въ глубинѣ комнаты и справа отъ Нихъ, въ углу — Харитоновъ и старикъ Трупъ.

Они ждутъ еще нѣсколько минутъ, — вдругъ врывается въ комнату Юровскій съ семью австро-германцами и двумя своими пріятелями, Ермаковымъ и Вагановымъ, извѣстными палачами чрезвычайки. Медвѣдевъ — тутъ-же. Юровскій подходитъ къ Государю и говоритъ Ему: «Ваши захотѣли Васъ спасти, но имъ это не удалось и мы должны Васъ разстрѣлять...» и тотчасъ въ упоръ стрѣляетъ въ Государя, который падаетъ замертво. Это сигналъ къ общему разстрѣлу. Каждый убійца выбралъ свою жертву. Юровскій взялъ на себя убить Государя и Цесаревича. Смерть почти мгновенна для большинства несчастныхъ мучениковъ. Однако, Алексѣй Николаевичъ слабо стонетъ. Юровскій Его приканчиваетъ выстрѣломъ въ упоръ, Анастасія Николаевна только ранена и при приближеніи убійцъ начинаетъ кричать. Она падаетъ подъ ударами штыковъ. Анна Демидова тоже избѣгаетъ смерти въ первыя мгновенія, благодаря прикрывающимъ ее подушкамъ. Она бросается изъ стороны въ сторону, пока, въ свою очередь, не падаетъ подъ ударами убійцъ.

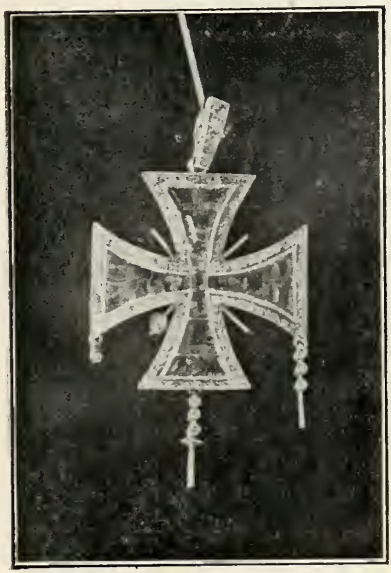
Показанія свидѣтелей позволили слѣдствію возстановить во всѣхъ подробностяхъ сцены этого ужаснаго избіенія. Эти свидѣтели: Павелъ Медвѣдевъ (1), одинъ изъ убійцъ; Анатолій

(1) Медвѣдевъ былъ взятъ въ плѣнъ при занятіи противобольшевистскими войсками Перми (февраль 1919 г.) Онъ умеръ мѣсяцъ спустя въ Екатеринбургѣ отъ сыпного тифа. Онъ утверждалъ, что присутствовалъ лишь при части драмы и самъ не стрѣлялъ. Другіе свидѣтели показываютъ обратное. Это, впрочемъ, классическая уловка всѣхъ убійцъ.



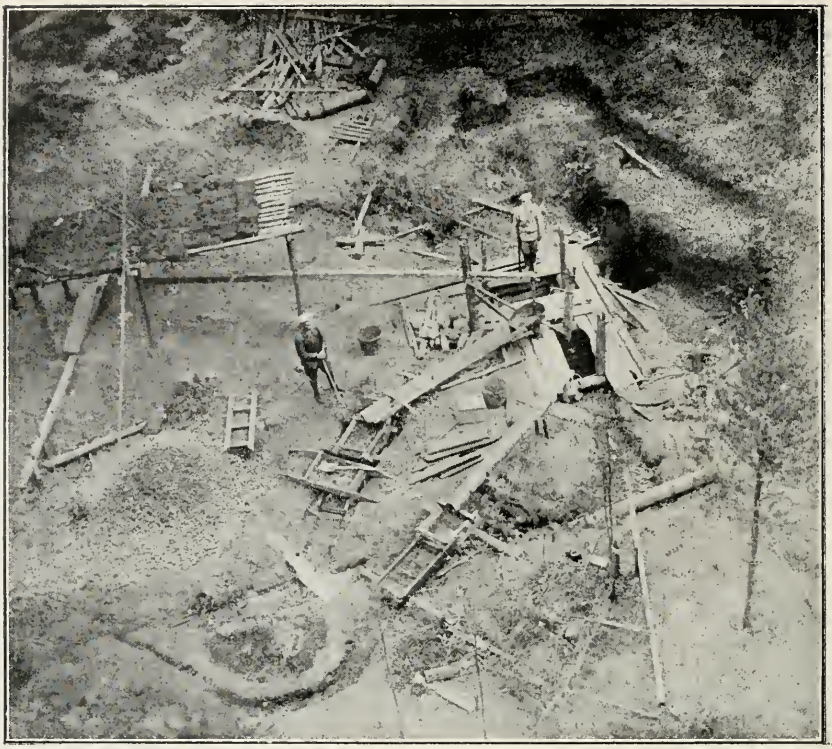
(L'Illustration).

Комната нижняго этажа въ домѣ Ипатьева, гдѣ произошло убійство Царской Семьи.



(L'Illustration .

Изумрудный крестъ Императрицы,
найденный на Ганинской полянѣ.



«L'Illustration»

Около Екатеринбурга. Раскопки на Ганиной полянѣ.

Великая Княгиня Елисавета Ѳеодоровна, сестра Императрицы Александры Ѳеодоровны, убіенная около Алапаевска день спустя послѣ убійства Царской Семьи.

Якимовъ, который, несомнѣнно, былъ зрителемъ этой драмы, хотя онъ это и отрицаетъ, и Филиппъ Проскуряковъ, который разсказываетъ о преступленіи со словъ другихъ очевидцевъ. Всѣ трое состояли въ стражѣ ипатьевскаго дома.

Когда все кончилось, комиссары сняли съ жертвъ ихъ драгоцѣнности и тѣла ихъ были перенесены при помощи простынь и оглобель саней, въ автомобиль-грузовикъ, стоявшій передъ дверью, во дворѣ, между двумя досчатыми заборами.

Сожженіе тѣлъ.

Надо спѣшить до разсвѣта и проѣхать черезъ еще спящій городъ, направляясь къ лѣсу. Комиссаръ Вагановъ ѣдетъ впереди верхомъ, такъ какъ надо избѣгнуть всякихъ встрѣчъ. Когда они уже приближаются къ полянѣ, навстрѣчу имъ попадается крестьянская телѣга. Это женщина изъ деревни Контяки, выѣхавшая съ сыномъ и невѣсткой ночью въ городъ, продавать рыбу. Ей приказываютъ немедленно повернуть обратно. Для большей увѣренности, Вагановъ скачетъ около телѣги, угрожая смертью, если тѣ оглянутся, но крестьянка все-таки успѣваетъ замѣтить большую темную массу, двигающуюся за верховымъ. Вернувшись въ деревню, она разсказываетъ, что видѣла. Заинтересованные крестьяне отправляются на развѣдки, но по дорогѣ наталкиваются на цѣпь часовыхъ, разставленныхъ въ лѣсу.

Послѣ долгихъ затрудненій изъ за плохой дороги, грузовикъ добирается до поляны. Трупы сложены на землю и отчасти раздѣты. Вотъ тогда-то комиссары находятъ большое количество драгоцѣнностей, зашитыхъ Великими Княжнами въ свои платья. Они ихъ тотчасъ забираютъ, но въ спѣшкѣ нѣкоторыя драгоцѣнности выронены и затоптаны въ землю. Потомъ тѣла разрублены на куски и брошены на большой костеръ, который поливаютъ бензиномъ. Неподдающіяся огню части уничтожаются сѣрной кислотой. Три дня и три ночи убійцы работаютъ надъ уничтоженіемъ слѣдовъ своего преступленія, подъ руководствомъ Юровскаго и его друзей, Ермакова и Ваганова. 175 килограммовъ сѣрной кислоты и болѣе 300 литровъ бензина были доставлены на эту поляну.

Наконецъ, 20/7-го іюля, все кончено. Пепелъ отъ костра брошенъ въ колодецъ шахты или разбросанъ по полянѣ, чтобы ничто не могло открыть того, что здѣсь произошло.

Почему эти люди съ такой тщательностью уничтожаютъ всѣ слѣды своего дѣла? Къ чему — если они считаютъ, что совершаютъ актъ правосудія — прятаться какъ преступники и отъ кого прячутся они? Павелъ Медвѣдевъ открываетъ намъ это въ своемъ показаніи. Послѣ преступленія, Юровскій подошелъ къ нему и сказалъ: «Сохрани внѣшніе посты, чтобы народъ не взбунтовался», и всѣ послѣдующіе дни, вокругъ пустого дома, стояли часовые, какъ будто ничего не произошло, какъ будто въ стѣнахъ этихъ, все еще были заключенные. Кто тотъ, кого нужно этимъ обмануть, кто ничего не долженъ объ этомъ узнать? Это, русскій народъ!

Еще другой фактъ это доказываетъ: предосторожности, принятыя 4-го іюля (21-го іюня) — арестъ Авдіева и удаленіе русской стражи.

Комиссары больше не довѣряли рабочимъ Сысертскаго завода и фабрики братьевъ Злоказовыхъ, а между тѣмъ, эти люди сами примкнули къ ихъ дѣлу и добровольцами пришли стеречь «Николая Кроваваго». Комиссары знали, что только каторжники или иностранные наемники — палачи, согласятся исполнить это гнусное дѣло.

Палачами были: еврей Юровскій, русскіе каторжники Медвѣдевъ, Никулинъ, Ермаковъ и Вагановъ и семь австро-германцевъ.

Да, это отъ русскаго народа, прячутся люди, претендующіе быть его представителями — это его они боятся, ожидая мести.

Наконецъ, 20/7-го іюля, они рѣшились заговорить и объявить народу, въ расклеенныхъ прокламаціяхъ, о смерти Государя. Пять дней спустя, пермскія газеты опубликовали слѣдующее сообщеніе:

ПОСТАНОВЛЕНІЕ

Президіума областного Уральскаго Совѣта рабочихъ, крестьянскихъ и красноармейскихъ депутатовъ:

Въ виду того, что банды чехословаковъ угрожаютъ столицѣ Краснаго Урала — Екатеринбургу и, что коронованный палачъ можетъ избѣгнуть народнаго суда (открытъ бѣлогвардейскій заговоръ, съ цѣлью похищенія всей семьи Романовыхъ), Президіумъ областнаго Комитета, во исполненіе народной воли, постановилъ: бывшаго Царя Николая Романова, виновнаго передъ народомъ въ безчисленныхъ кровавыхъ преступленіяхъ разстрѣлять.

«Постановленіе президіума областного Совѣта приведено въ исполненіе въ ночь съ 16-го на 17-ое іюля.

«Семья Романова переведена изъ Екатеринбурга въ болѣе безопасное мѣсто.

Президіумъ областного Уральскаго Совѣта рабочихъ, крестьянскихъ и красноармейскихъ депутатовъ».

ПОСТАНОВЛЕНІЕ

Президіума В. Ц. И. К. отъ 18-го іюля с. г.

«В. Ц. И. К. Совѣтовъ рабочихъ, крестьянскихъ, красноармейскихъ и казачьихъ депутатовъ, въ лицѣ своего предсѣдателя, одобряетъ дѣйствія Уральскаго Комитета».

Предсѣдатель Ц. И. К.: *Я. Свердловъ».*

Въ этомъ документѣ указывается на приговоръ будто-бы вынесенный екатеринбургскимъ президіумомъ Императору Николаю II. Это ложь. Преступленіе — *мы это знаемъ* — было рѣшено въ Москвѣ Свердловымъ, и его инструкціи были привезены Юровскому Голощокинымъ и Сыромолотовымъ.

Свердловъ былъ головой, Юровскій—рукою,—оба евреи.

Государь не былъ ни осужденъ, ни даже судимъ, и кто могъ Его судить? Онъ былъ просто убитъ. Что-же тогда сказать объ Императрицѣ? о дѣтяхъ? о докторѣ Боткинѣ? о трехъ слугахъ, погибшихъ вмѣстѣ съ ними? Какое дѣло до этого убійцамъ! Они увѣрены въ своей безнаказанности. Пули убили, огонь уничтожилъ слѣды, а что пощадилъ огонь, то прикрыла

земля. О! они спокойны, никто изъ нихъ не проговорится, всѣ связаны своимъ гнуснымъ дѣломъ и, казалось бы, правъ былъ комиссаръ Войковъ, воскликнувши: «Свѣтъ никогда не узнаетъ, что мы съ ними сдѣлали». Но они ошиблись.

Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ нащупыванія, слѣдствіе предпринимаетъ подробные, тщательные розыски въ лѣсу. Каждый вершокъ земли вскопанъ и осмотрѣнъ, и скоро и колодецъ шахты, и земля поляны, и окрестная трава, открываютъ свой секретъ. Сотни предметовъ и обломковъ, большей частью втоптанныхъ въ землю — открыты, опознаны и зарегистрованы слѣдствіемъ. Такъ найдены, между прочимъ:

Пряжка пояса Государя, кусокъ фуражки, маленькая рамочка отъ фотографіи Императрицы (фотографія исчезла), которую Государь всегда имѣлъ съ собой, и т.д., любимыя серьги Императрицы (одна сломана), куски Ея платья, стекло Ея очковъ особенной формы, и т. д.; пряжка пояса Наслѣдника, пуговицы и куски матеріи Его пальто и т.д.; масса мелкихъ вещей, принадлежавшихъ Великимъ Княжнамъ. Куски Ихъ ожерелья, Ихъ обувь, пуговицы, кнопки, крючки и т.д. Шесть металлическихъ корсетныхъ планшетокъ—*шесть*—эта цифра говоритъ сама за себя, если вспомнить число жертвъ: Императрица, четыре Великія Княжны и Демидова, горничная Императрицы. Искусственная челюсть д-ра Боткина, куски его пэнснэ, пуговицы его платья...

Наконецъ, кости и сожженные остатки костей, отчасти уничтоженные кислотой, съ ясными слѣдами или остраго орудія, или пилы. Револьверныя пули, остававшіяся, вѣроятно, въ тѣлахъ и довольно большое количество расплавленнаго свинца. Ужасное перечисленіе этихъ реликвій, не оставляющее никакой надежды, открываетъ всю правду, со всѣмъ ея звѣрствомъ и ужасомъ.

Комиссаръ Войковъ ошибался: свѣтъ узнаетъ теперь, что они съ ними сдѣлали!

Но преступники-убійцы начинаютъ безпокоиться. Оставленные ими въ Екатеринбургѣ, для запутыванія слѣдствія, агенты сообщаютъ имъ о ходѣ розысковъ. Они, шагъ за шагомъ, слѣдятъ за успѣхами разслѣдованія. И когда становится очевиднымъ, что вся правда будетъ открыта и весь свѣтъ узнаетъ о происшедшемъ, ихъ беретъ страхъ и они стараются свалить вину на другихъ. Вотъ тогда-то они обвинили соціалистовъ-ре-

волюціонеровъ въ этомъ преступленіи, приписавъ имъ желаніе этимъ скомпрометировать партію большевиковъ.

Въ сентябрѣ 1919 года, двадцать восемъ лицъ, ложно обвиненныхъ въ участіи въ этомъ убійствѣ, арестованы большевиками и судимы въ Перми. Пять изъ нихъ приговорены къ смерти и казнены.

Эта отвратительная комедія, показываетъ весь цинизмъ этихъ людей, не останавливающихся передъ казнью невинныхъ, чтобы отвести отъ себя отвѣтственность за одно изъ самыхъ тяжкихъ преступленій въ Исторіи.

Перевозъ Реликвій.

Въ мартѣ 1920 года, я нашелъ въ Харбинѣ генерала Дидерихса и Н. А. Соколова, куда они прибыли, какъ и я, послѣ разгрома правительства адмирала Колчака. Ихъ безпокойство было велико, такъ какъ положеніе въ Манчжуріи становилось часъ отъ часу хуже и можно было ожидать захвата Восточно-Китайской желѣзной дороги. Большевистскіе шпіоны уже рыскали на вокзалѣ и вокругъ него. Что дѣлать съ матеріалами слѣдствія? Куда препроводить ихъ въ надежное мѣсто? Генералъ Дидерихсъ и Н. А. Соколовъ обратились къ англійскому Верховному Комиссару, уѣзжавшему въ Пекинъ, прося его взяться доставить въ Европу реликвіи Императорской Семьи и всѣ матеріалы слѣдственнаго производства, но тотъ запросилъ свое правительство и когда долгожданный отвѣтъ прибылъ, онъ оказался...*отрицательнымъ!* Тогда я лично обратился къ генералу Жанэнъ и ознакомилъ его съ положеніемъ.

«Я вполнѣ готовъ прійти вамъ на помощь, — сказалъ онъ мнѣ,—и беру это на свою отвѣтственность, такъ какъ нѣтъ времени запросить мое правительство. Никто не сможетъ сказать, что французскій генералъ отказался принять реликвіи того, кто былъ вѣрнымъ союзникомъ Франціи. Пусть генералъ Дидерихсъ напишетъ эту просьбу, высказывая полное свое убѣжденіе въ моемъ согласіи; какое-бы то ни было сомнѣніе въ этомъ, будетъ для меня обидой.»

Письмо было написано и генералъ Дидерихсъ условился съ генераломъ Жанэнъ, какими способами передать этотъ драгоцѣнный матеріалъ лицу, которое онъ ему указалъ въ Европѣ.

Два дня спустя, генералъ Дидерихсъ, его два адьютанта, Н. А. Соколовъ и я, взвалили на плечи тяжелые чемоданы, приготовленные заранѣе и направились къ поѣзду генерала Жанэнъ, находившемуся невдалекѣ отъ вокзала. Растянувшись по пути другъ отъ друга, мы подходили къ линіи желѣзной дороги. Вдругъ задніе изъ насъ увидали вынырнувшихъ изъ мрака нѣсколькихъ субъектовъ, которые бросились къ намъ, крича: «Куда вы идете, что вы несете?» Такъ какъ мы ускорили свои шаги, они хотѣли насъ задержать, чтобы осмотрѣть наши чемоданы. Къ счастью, разстояніе до поѣзда было небольшое, мы бросились бѣжать и скоро достигли вагона, часовые котораго спѣшили къ намъ на помощь.

Наконецъ, всѣ матеріалы слѣдствія были въ безопасности, была пора, какъ мы видимъ, за нами слѣдили. Часъ спустя, мы по одиночкѣ выбрались изъ поѣзда и незамѣтно пробрались между вагонами.

На другой день, генералъ Дидерихсъ принесъ генералу Жанэнъ сундучекъ съ реликвіями Царской Семьи.

Все это происходило 19/6 марта 1920 года.

Трагедія въ Алапаевскѣ.

Мнѣ остается только еще упомянуть о трагедіи въ Алапаевскѣ, тѣсно связанной съ екатеринбургской, въ которой нашли смерть еще нѣсколько членовъ Императорской Фамиліи.

Великая Княгиня Елисавета Ѳеодоровна, сестра Императрицы, Великій Князь Сергѣй Михайловичъ, Князья Іоаннъ, Константинъ и Игорь, сыновья Великаго Князя Константина Константиновича и Князь Палѣй, сынъ Великаго Князя Павла Александровича, были арестованы весной 1918-го года и отвезены въ маленькій городокъ Алапаевскъ, расположенный въ 150-ти верстахъ къ сѣверу отъ Екатеринбурга. Монахиня Варвара Яковлева, постоянно находившаяся при Великой Княгинѣ и С. Ремезъ, секретарь Великаго Князя Сергѣя Михайловича, были заключены вмѣстѣ съ ними. Ихъ тюрьмой служило зданіе школы.

Въ ночь съ 17/4-го па 18/5-ое іюля, черезъ 24 часа послѣ екатеринбургскаго преступленія, за ними явились и подъ предлогомъ перевода въ другой городъ, ихъ отвезли за 12 верстъ

отъ Алапаевска и тамъ, въ лѣсу, всѣхъ умертвили. Ихъ тѣла были брошены въ старый шахтенный колодецъ, гдѣ ихъ и нашли въ октябрѣ 1918-го года, засыпанныхъ землей, обрушившейся отъ взрывовъ ручныхъ гранатъ, которыми убійцы добивали свои жертвы.

При вскрытіи, слѣды огнестрѣльныхъ ранъ были обнаружены только на тѣлѣ Великаго Князя Сергѣя Михайловича и слѣдствіе не могло точно установить, какимъ образомъ были убиты остальные. Вѣроятнѣе всего они были добиты прикладами.

Это преступленіе, невѣроятно звѣрское, было совершено комиссаромъ Сафаровымъ, членомъ екатеринбургскаго комитета, который, впрочемъ, исполнялъ только приказанія изъ Москвы.

Нѣкоторыя другія жертвы.

Въ заключеніе этой первой главы, я хочу еще сказать нѣсколько словъ о тѣхъ моихъ товарищахъ по заключенію, которые погибли жертвами своего долга и привязанности къ Царской Семьѣ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ взятія Екатеринбурга, во время приведенія города въ порядокъ и погребенія убитыхъ, вблизи тюрьмы были найдены два трупа. На одномъ изъ нихъ нашли расписку въ полученіи 80.000 рублей на имя гражданина Долгорукова, и по описаніямъ свидѣтелей, это, по всей вѣроятности, было тѣло князя В. А. Долгорукова. Другой, повидимому, былъ генералъ Татищевъ.

И тотъ и другой погибли, какъ и предполагали, за своего Государя. Генералъ Татищевъ, какъ-то говорилъ еще въ Тобольскѣ: «Я знаю, что не выйду изъ этого живымъ, и прошу только одного, чтобы меня не разлучали съ Государемъ и дали бы лишь возможность умереть вмѣстѣ съ Нимъ.» Ему не было суждено и этого послѣдняго утѣшенія.

Графиня Гендрикова и г-жа Шнейдеръ были увезены изъ Екатеринбурга черезъ нѣсколько дней послѣ убійства Государя и отправлены въ Пермъ. Тамъ ихъ разстрѣляли въ ночь съ 3-го на 4-ое сентября (21-го на 22-ое августа) 1918 года. Ихъ тѣла были найдены и опознаны въ маѣ 1919-го года. Онѣ тоже, давно уже, принесли себя въ жертву для тѣхъ кого любили.

Что касается матроса Нагорнаго, дядьки Цесаревича и ла-

кея Ивана Сѣднева, то они были убиты въ окрестностяхъ Екатеринбурга, въ началѣ іюня 1918-го года. Ихъ тѣла были найдены, два мѣсяца спустя, на мѣстѣ убійства.

Всѣ — отъ генерала до матроса — не задумались принести свою жизнь въ жертву и стойко пойти на смерть. И этотъ матросъ, простой крестьянинъ Украйны, могъ сказать одно слово и быть спасеннымъ. Ему надо было только отречься отъ своего Государя! И этого слова онъ не сказалъ!

Кто-же были тѣ, которые создали вокругъ себя такъ много привязанности и самоотверженія, столько геройства и душевнаго величія? Какія были ихъ свойства? Каково ихъ душевное очарованіе, смогшее побѣдить даже грубыхъ и враждебныхъ сторожей Ихъ?

Кто были Они?

Вотъ это я и постараюсь разсказать въ слѣдующихъ главахъ и воскресить Ихъ такими, какими я Ихъ зналъ и любилъ

II.

ЦАРСКАЯ СЕМЬЯ НАКАНУНѢ РЕВОЛЮЦІИ.

Екатеринбургское преступленіе является заключительнымъ актомъ долгаго мученичества и развязкой самой ужасной трагедіи когда либо видѣнной міромъ. Никакое человѣческое страданіе не можетъ съ нимъ сравниться, никогда жертвы болѣе благородныя и покорныя не преслѣдовались такъ жестоко судьбой. Я хотѣлъ бы въ этомъ краткомъ очеркѣ показать характеръ и глубокія причины случившагося и отмѣтить главнѣйшія событія этой мученической жизни до революціи 1917 года.

Болѣзнь Наслѣдника.

Царское Село—красивый городокъ въ 20 верстахъ отъ Петрограда. Онъ расположенъ на возвышенности, вершина которой занята Большимъ Дворцомъ, любимымъ мѣстопребываніемъ Императрицы Екатерины II. Недалеко оттуда среди парка, частью скрытый зеленью, возвышается болѣе скромный Александровскій Дворецъ. Императоръ Николай II избралъ его своей резиденціей послѣ тяжелыхъ событій 1905 года. Государь и Императрица занимали нижній этажъ одного крыла,

дѣти помѣщались этажемъ выше, въ главномъ корпусѣ были пріемныя залы, а противоположное крыло было занято лицами свиты. Въ этой скромной рамкѣ, столь соотвѣтствовавшей Ихъ вкусамъ, жила Царская Семья.

Я впервые увидѣлъ Наслѣдника Цесаревича, когда Ему было полтора года. Я уже пять мѣсяцевъ давалъ уроки французскаго языка Вел. Кн. Ольгѣ и Татьянѣ Николаевнамъ и пришелъ въ этотъ день, по обыкновенію, въ Александровскій Дворецъ. Мы кончали урокъ съ Вел. Кн. Ольгой Николаевной, когда Императрица вошла въ комнату съ Наслѣдникомъ на рукахъ. Она шла къ намъ съ явнымъ намѣреніемъ показать мнѣ Его. Она вся сіяла безпредѣльной радостью матери, завѣтная мечта которой наконецъ осуществилась. Она была счастлива и гордилась красотой своего ребенка. Цесаревичъ былъ дѣйствительно прелестный мальчикъ съ чудными бѣлокурыми локонами и большими сѣро-синими глазами, оттѣненными длинными рѣсницами. У Него былъ свѣжій цвѣтъ лица здороваго ребенка и когда Онъ улыбался, двѣ ямочки показывались на Его щечкахъ. Онъ смотрѣлъ на меня серьезно и застѣнчиво и, когда я подошелъ, съ трудомъ рѣшился протянуть мнѣ свою пухленькую ручку. Во время этого первого свиданья я замѣтилъ какъ неоднократно Императрица прижимала сына къ груди, точно охраняя Его или боясь за Его жизнь. Этотъ жестъ и сопровождавшій его взглядъ обнаруживали острое внутреннее страданіе и глубоко поразили меня въ это время. Только гораздо позже я понялъ все значеніе этого взгляда.

Впослѣдствіи мнѣ все чаще приходилось видѣть Алексѣя Николаевича, который убѣгая отъ своего матроса появлялся въ классной сестеръ, откуда Его, впрочемъ, скоро уводили. Иногда эти посѣщенія неожиданно прекращались и въ теченіе довольно продолжительного времени Его не было видно. Каждое подобное исчезновеніе вызывало у всѣхъ обитателей дворца подавленное настроеніе, выражавшееся у моихъ учениць еле скрываемой грустью. Когда я Ихъ разспрашивалъ — Онѣ отвѣчали уклончиво, говоря только, что Алексѣю Николаевичу нездоровится.

Вскорѣ я узналъ, что Онъ страдаетъ болѣзнью, о которой говорятъ неохотно и точный характеръ которой никто мнѣ не могъ опредѣлить. Только осенью 1913 г., когда я былъ назначенъ воспитателемъ Алексѣя Николаевича, я узналъ отъ д-ра

Деревенко, который при Немъ состоялъ, въ чемъ заключается эта болѣзнь. Онъ мнѣ сказалъ, что Наслѣдникъ Цесаревичъ страдалъ *имофиліей*. Болѣзнь эта въ нѣкоторыхъ семьяхъ передается изъ рода въ родъ, черезъ женщинъ, дѣтямъ мужскаго пола. Заболѣваютъ ею только мальчики. Онъ мнѣ пояснилъ, что малѣйшее раненіе могло повлечь за собою смерть ребенка, такъ какъ кровь имофолитика не имѣетъ свойства сгущаться какъ у нормальнаго организма. Кромѣ того, стѣнки артерій и венъ такого больного до того хрупки, что всякій ушибъ или даже чрезмѣрное усиліе можетъ вызвать разрывъ сосудовъ и повлечь за собою кровоизліяніе со смертельнымъ исходомъ.

Вотъ въ чемъ состояла страшная болѣзнь Алексѣя Николаевича — постоянная угроза его жизни. Простое паденіе, кровотеченіе изъ носу, малѣйшій порѣзъ — все что для нормальнаго ребенка не имѣло значенія, могло быть для него смертельно. Приходилось поэтому оберегать Его отъ всякихъ случайностей, особенно въ теченіе первыхъ лѣтъ Его жизни. По настоянію врачей, къ Нему были приставлены два бывшихъ матроса Гвардейскаго Экипажа — боцманъ Деревенко и его помощникъ Нагорный, которымъ вмѣнено было въ обязанность постоянное наблюденіе за Нимъ.

Тѣмъ не менѣе, несмотря на всѣ принятыя мѣры, не было возможности избѣжать несчастья.

Нѣсколько недѣль послѣ моего вступленія въ должность, Алексѣй Николаевичъ заболѣлъ. Случайное паденіе вызвало кровоизліяніе подъ лѣвымъ колѣномъ и опухоль быстро распространилась на всю нижнюю часть ноги. Натянутость кожи и нервовъ, подъ вліяніемъ внутренняго кровоизліянія, вызывала мучительную боль. Императрица не отходила отъ сына съ начала кризиса, своей лаской и любовью старалась облегчить Его страданія. Государь тоже пользовался каждой свободной минутой, чтобы заходить къ сыну; Онъ старался Его развлечь и утѣшить, но страданіе все усиливалось. Отъ времени до времени пріотворялась дверь и одна изъ Великихъ Княженъ подходила на цыпочкахъ къ брату, цѣловала Его, точно принося съ собою лучъ свѣта и здоровья. Ребенокъ на минуту открывалъ большіе глаза, уже сильно подведенные страданіемъ — и снова ихъ закрывалъ. Однажды утромъ я засталъ Императрицу у кровати сына. Ночь была безпокойная; д-ръ Деревенко былъ очень встревоженъ тѣмъ, что не

/L'Illustration/

Та, Которая была прежде всего матерью. Государыня Императрица у изголовія больного Царевича.

(L'Illustration).

Императрица Александра Ѳеодоровна въ 1915 г.

(L'Illustration)

Великія Княжны въ 1914 г.

удалось остановить кровоизліянія и что температура все подни малась. Воспаленіе росло и боли усиливались. Ребенокъ стоналъ, голова лежала на рукѣ матери и безкровное личико было почти неузнаваемо. Онъ иногда переставалъ стонать и произносилъ слово « мама », точно стараясь выразить этимъ свое страданіе и тоску. Мать цѣловала Его волосы, лобъ, глаза, стараясь лаской своей облегчить Его страданіе и вернуть частицу тѣхъ жизненныхъ силъ, которыя постепенно Его оставляли. Какой пыткой было для матери безпомощно присутствовать при мученіяхъ своего ребенка, зная что Онъ страдаетъ изъза Нея, что Она сама передала Ему эту страшную болѣзнь передъ которой наука безсильна. Только тогда я понялъ всю скрытую трагедію этой жизни и мнѣ стали ясны этапы Ея крестнаго пути.

Появленіе Распутина.

Если я такъ долго останавливался въ предыдущихъ строкахъ на моихъ воспоминаніяхъ о подробностяхъ болѣзни Алексѣя Николаевича — то это въ виду огромнаго ея значенія. Она вызвала появленіе Распутина, который долженъ былъ сыграть такую роковую роль въ событіяхъ, ознаменовавшихъ конецъ царствованія Императора Николая II.

Какое счастье было 9 лѣтъ назадъ для Царской Семьи рожденіе этого, столь желаннаго сына и долгожданнаго Наслѣдника Россійскаго Престола! Казалось, что всѣ горести забыты и что новая эра открывалась для Нихъ. Но, увы, это былъ лишь мигъ отдохновенія передъ новыми худшими несчастіями. Сначала январскія событія со стрѣльбой на дворцовой площади,—воспоминаніе это какъ кошмаръ преслѣдовало Ихъ всю жизнь. Затѣмъ печальный исходъ японской войны. Единственное Ихъ утѣшеніе былъ возлюбленный сынъ, но, увы, у ребенка скоро обнаружились признаки имофиліи. Съ этой минуты жизнь матери стала сплошнымъ страданіемъ, тѣмъ болѣе, что болѣзнь эта была Ей хорошо знакома — дядя, братъ и два Ея племянника отъ нея умерли. Съ ранняго дѣтства Она слышала разсказы о ней какъ объ ужасной и таинственной болѣзни, противъ которой люди безсильны. И вотъ Ея единственный сынъ, котораго Она любила больше всего на свѣтѣ, оказывается по-

раженнымъ этой болѣзнью. Смерть съ этого дня будетъ Его стеречь неотступно и, рано или поздно, Его унесетъ, какъ стольких другихъ дѣтей Ея семьи. Но нужно бороться, нужно спасти Его во что бы то ни стало. Нельзя допустить, что наука безсильна; средство Его спасти, можетъ быть, существуетъ и надлежитъ его найти. Доктора, хирурги, профессора призываются, но ихъ старанія и средства безполезны. Когда мать поняла, что люди не могли Ей помочь — Она возложила всѣ свои надежды на Господа Бога. Онъ одинъ могъ совершить чудо, но надо было заслужить Его вмѣшательство. Будучи отъ природы набожной, Она теперь со страстью отдалась религіи. Придворная жизнь приняла серьезный, почти суровый характеръ. Стали избѣгать празднества и ограничивать по возможности пріемы. Царская Семья стала даже сторониться своихъ приближенныхъ и какъ бы ушла въ себя.

Между тѣмъ, въ промежуткахъ между кризисами, ребенокъ оживалъ, здоровѣлъ, забывалъ страданія и весело принимался снова за игры. Нельзя было думать въ эти моменты, что Онъ носитъ въ себѣ зародышъ этой безпощадной болѣзни, могущей ежеминутно унести Его въ вѣчность. Каждый разъ, что Императрица видѣла Его румяныя щеки, слышала Его веселый смѣхъ, игры — надежда наполняла Ея сердце и Она говорила себѣ: «Господь услышалъ молитвы и сжалился надъ моими страданіями». Но внезапно болѣзнь снова появлялась и почти доводила ребенка до смертнаго одра. Мѣсяцы проходили, ожидаемое чудо не совершалось, приступы учащались, жестокіе и безпощадные. Горячія молитвы не помогли, послѣдняя надежда исчезла, отчаяніе наполнило душу Императрицы и Ей казалось, что весь міръ отъ Нея отвернулся.

Въ эту минуту къ Ней привели простого сибирскаго мужика, Распутина, который Ей сказалъ: «Вѣрь въ силу моей молитвы, вѣрь въ успѣхъ моего заступничества и Твой сынъ будетъ жить.» Мать ухватилась за этотъ лучъ надежды, какъ утопающій за соломинку — Она ему повѣрила всей душой. Она, впрочемъ, давно вѣрила, что помощь Россіи и династіи придетъ отъ народа и вообразила, что этотъ скромный мужикъ посланъ отъ Бога для Ихъ спасенія. Вѣра, самовнушеніе и стеченіе обстоятельствъ, убѣдили Ее, что судьба Ея ребенка зависитъ отъ этого человѣка. Распутинъ понялъ состояніе души несчастной матери, измученной борьбой и страданіемъ; онъ по

нялъ гдѣ его выгоды и съ дьявольской ловкостью связалъ судьбу ребенка со своей собственной жизнью.

Нельзя удивляться духовному вліянію Распутина на Императрицу, если знать какую роль въ православной церкви играютъ люди именуемые «странниками» и «старцами».

«Странники» ходятъ изъ монастыря въ монастырь, изъ церкви въ церковь, ища правды и живя подаяніями. «Старецъ», это монахъ живущій обыкновенно въ монастырѣ, въ одиночествѣ; къ нему обращаются за совѣтомъ въ минуты сомнѣній или страданій. Часто «старецъ», бывшій «странникъ», который, окончивъ странствовать, селится гдѣ нибудь, чтобы кончить дни въ молитвѣ и размышленіи.

Вотъ какъ Достоевскій опредѣляетъ въ «Братьяхъ Карамазовыхъ» значеніе старца:

«Старецъ — это берущій вашу душу, вашу волю въ свою душу и свою волю. Избравъ старца, вы отъ своей воли отрѣшаетесь и отдаете ее въ полное послушаніе, съ полнымъ самоотрѣшеніемъ. Этотъ искусъ, эту страшную школу жизни обрекающій себя принимаетъ добровольно, въ надеждѣ послѣ долгаго искуса побѣдить себя, овладѣть собой до того чтобы могъ, наконецъ, достичь, чрезъ послушаніе всей жизни, уже совершенной свободы, то есть свободы отъ самого себя, избѣгнуть участи тѣхъ, которые всю жизнь прожили, а себя въ себѣ не нашли.»

Господь даетъ «старцу» необходимыя указанія для вашего блага и указываетъ ему путь, по которому онъ долженъ вести васъ къ спасенію. На землѣ «старецъ» является хранителемъ идеала и правды. Онъ хранитель святыхъ преданій, которыя должны передаваться отъ старца къ старцу, до наступленія справедливости и свѣта.

Нѣкоторые изъ этихъ старцевъ подымались до необычайной нравственной высоты и причислены къ лику святыхъ православной церкви. Вліяніе этихъ людей, живущихъ какъ бы внѣ духовенства, еще очень велико въ наши дни въ Россіи. Въ провинціи и деревняхъ оно сильнѣе, чѣмъ вліяніе священниковъ и монаховъ.

Принятіе православія Императрицей, было актомъ чистой вѣры. Православная религія вполнѣ соотвѣтствовала Ея мистическимъ наклонностямъ и Ея воображеніе было очаровано ста-

ринными и наивными обычаями. Она ее приняла со всей горячностью неофита. Распутинъ имѣлъ, очевидно, въ Ея глазахъ обаяніе и святость старца.

Для спасенія династіи.

Несмотря на то, что болѣзнь Цесаревича такъ глубоко озабочивала Царскую Семью и, что расположеніе къ Распутину росло съ быстротою, непонятною лишь незнающимъ ея причины, мирная жизнь въ Царскомъ Селѣ продолжалась, по крайней мѣрѣ наружно.

Трудно себѣ представить болѣе полнаго единенія, чѣмъ то, которое было между Императоромъ Николаемъ II и Его Семьей. Разумѣется, всѣ чувства группировались вокругъ Наслѣдника. Сестры Его обожали и родители видѣли въ Немъ цѣль Ихъ жизни. Когда Онъ былъ здоровъ, дворецъ какъ-бы перерождался. Это былъ какъ-бы лучъ солнца освѣщающій все и всѣхъ.

Алексѣй Николаевичъ былъ ребенокъ умный и живой, сердечный и отзывчивый. Онъ наслаждался жизнью (когда имѣлъ на это возможность), какъ живой, веселый мальчикъ. Очень простой, Онъ совершенно не гордился тѣмъ, что былъ Наслѣдникомъ Престола и меньше всего объ этомъ думалъ. Его лучшее удовольствіе было играть съ сыновьями своего матроса Деревенко, которые были немного моложе его. Онъ обожалъ отца и старался во всемъ Ему подражать. При своихъ выдающихся способностяхъ, Онъ могъ бы развиваться совершенно нормально, если бы болѣзнь Его не задерживала. Каждый ея припадокъ требовалъ недѣль, а иногда и мѣсяцевъ покоя: когда кровотеченіе было сильно, малокровіе развивалось и Онъ иногда подолгу не могъ заниматься серьезно. Приходилось пользоваться промежутками болѣзни, что дѣлало задачу Его образованія очень трудной, несмотря на природныя способности.

Его сестры дышали свѣжестью и здоровьемъ. Онѣ были добры и необычайно естественны. Старшая, В. К. Ольга Николаевна была умна и разсудительна; но вообще Онѣ были недостаточно образованы. Это происходило отъ того, что Ихъ мать, вначалѣ очень слѣдившая за Ихъ образованіемъ, должна была вслѣдствіе своего слабаго здоровья, это прекратить. Болѣзнь

Алексѣя Николаевича понемногу подорвала Ея силы. Во время припадковъ, Она была поразительна энергіей и бодростью, но какъ только опасность проходила, силы Ее оставляли и Она недѣлями не покидала кушетки. Жена и мать прежде всего, Императрица обожала мужа и дѣтей и была счастлива только съ ними. Образованная и обладавшая художественнымъ вкусомъ, Она любила чтеніе и искусство. Порывистая и вмѣстѣ сдержанная, Она любила предаваться размышленіямъ и жила глубокой внутренней жизнью, отъ которой пробуждалась только когда появлялась опасность, борясь тогда съ препятствіями со всей страстностью своей натуры. Отъ природы одаренной высокими качествами и направляемой всегда благородными стремленіями, у Нея въ жизни была лишь одна цѣль: счастье своихъ. Но страданіе Ее сломило. Она въ послѣдніе годы жизни стала тѣнью и часто впадала въ мистическіе экстазы, которые мѣшали Ей отдавать себѣ ясный отчетъ въ событіяхъ и людяхъ. Не изъ личныхъ чувствъ, какъ думали многіе, и не отъ жажды власти, принимала Она все большее участіе въ государственныхъ дѣлахъ, въ послѣдніе годы царствованія Императора Николая II. Если Она это дѣлала, то только потому, что считала долгомъ прійти на помощь супругу, котораго видѣла подъ тяжестью все болѣе растущей отвѣтственности. Изнуренная, Она знала лишь одно желаніе: покой, но Она пожертвовала личнымъ спокойствіемъ для того, что считала своимъ долгомъ. Она внесла въ эту новую борьбу тѣ-же самоотверженность и мужество, но, къ сожалѣнію, и то же ослѣпленіе, которое Она проявила въ борьбѣ за жизнь сына. Убѣжденная — какъ я выше сказалъ — что династія найдетъ опору лишь въ народѣ и, что Распутинъ избранникъ Божій (дѣйствіе его молитвы во время болѣзни сына доказало Ей это), Она вѣрила , что скромный сибирскій мужикъ долженъ своимъ ясновидѣніемъ помочь тому, кто держитъ въ рукахъ судьбы Россіи. Ея вліяніе на Государя было большое и часто вредное. Она ставила политику на почву чувствъ и личности и руководилась слишкомъ часто личными симпатіями и антипатіями, какъ своими, какъ и окружающихъ Ее.

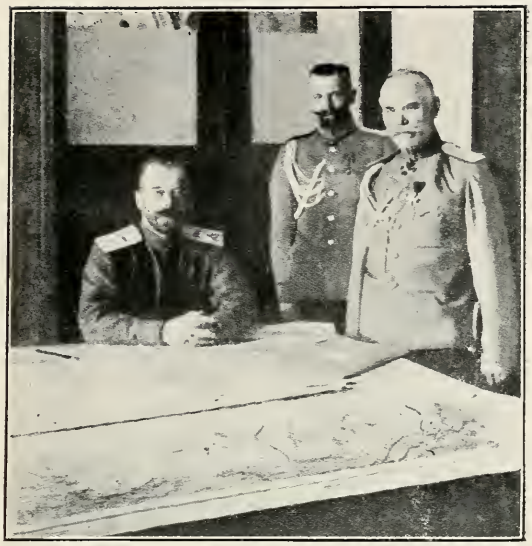
По природѣ порывистая, Императрица довѣряла вполнѣ людямъ, которые Ей казались искренно преданными странѣ и династіи (случай съ Протопоповымъ).

Волею судьбы, Императору Николаю II выпала доля царствовать въ началѣ XX-го столѣтія, въ одинъ изъ самыхъ запутанныхъ моментовъ исторіи. Онъ былъ человѣкомъ другой эпохи. Одаренный наивысшими нравственными качествами, Онъ олицетворялъ все, что есть въ русскомъ народѣ благороднаго и рыцарскаго. Но Онъ былъ слишкомъ добръ и скроменъ. Честности безупречной, Онъ былъ рабъ даннаго слова, что вполнѣ доказано Его вѣрностью союзникамъ, которая, вѣроятно, была причиной Его смерти. Онъ презиралъ дипломатическія хитрости и не былъ созданъ для борьбы. Событія Его подавили. Онъ былъ семьянинъ и былъ бы вполнѣ счастливъ жить какъ простой смертный. Но, покорный судьбѣ, Онъ смиренно принялъ нечеловѣческій крестъ наложенный на Него Господомъ. Онъ любилъ свой народъ и родину всѣми силами души. Его симпатій клонились въ сторону скромнѣйшихъ Его подданныхъ, къ этимъ бѣднымъ крестьянамъ, условія жизни которыхъ Онъ искренно хотѣлъ улучшить. Трагична судьба монарха, который все царствованіе стремился соединиться со своимъ народомъ и не нашелъ пути... Онъ былъ хорошо охраняемъ тѣми, въ расчетъ которыхъ входило, чтобы этого не было.

Государь не сразу поддался вліянію Распутина. Онъ его выносилъ, не желая подорвать вѣру въ него Императрицы — этого источника надежды, который поддерживалъ Ея жизнь. Онъ только мало по малу поддался Ея настоянію, сохраняя всегда извѣстную сдержанность, которая должна была почти исчезнуть, какъ мы увидимъ, только въ концѣ Его царствованія, когда Онъ почувствовалъ себя окруженнымъ невѣроятными трудностями и всѣми оставленнымъ.

Россія во время войны.

Таково было положеніе, когда наступили событія іюля 1914 года. Распутинъ былъ тогда въ Сибири. Спрошенный Императрицей, онъ отвѣтилъ, что надо избѣжать войны, во что бы то ни стало, чтобы не вовлечь страну въ худшія бѣдствія. Эти совѣты соотвѣтствовали затаеннымъ желаніямъ Государя, въ мирныхъ намѣреніяхъ котораго нельзя сомнѣваться. Но наступилъ часъ, когда нѣмецкое тщеславіе и предательство поглотили все. Война разыгралась. Никогда Государь не былъ



Сентябрь 1915 г. Государь Императоръ на докладѣ генерала Алексѣева. Сзади стоитъ генералъ-квартирмейстеръ ген.-маіоръ Пустовойтенко.

(L'Illustration).

26 ноября 1915 г. Молебенъ по случаю Георгіевскаго праздника. Въ серединѣ стоятъ Государь Императоръ и Наслѣдникъ Цесаревичъ.

(L'Illustration)

Царевичъ въ 1914 г.

(L'Illustration).

Царевичъ 4-хъ лѣтъ.

(L'Illustration).

Лѣченіе Царевича въ 1912 г.

Около больного: Императрица, доктора — Боткинъ и Деревенко и матросъ Деревенько.

болѣе популяренъ и Его путешествіе въ Москву, въ августѣ 1914 года, было сплошнымъ торжествомъ. Но судьба поджидала, часъ неудачъ наступилъ и скоро несчастное отступленіе весною 1915 г. показало слабость арміи, дезорганизованность тыла и невозможность доставить войскамъ необходимое вооруженіе и снаряды.

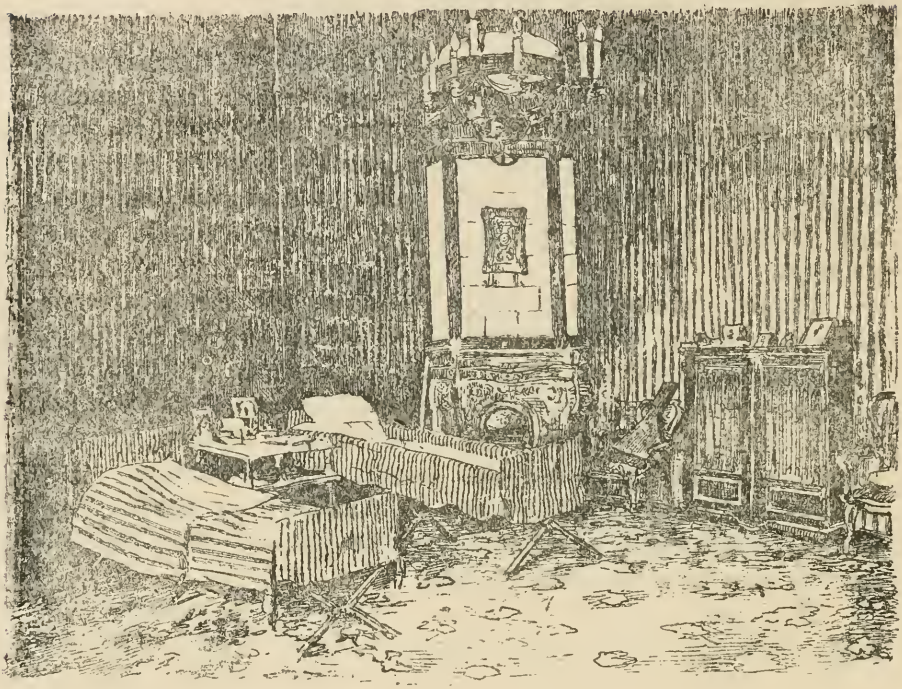
Тогда Государь, подъ сильнымъ вліяніемъ Императрицы, рѣшилъ взять на себя верховное командованіе. Его рѣшеніе имѣло двоякую цѣль: поддержать своимъ присутствіемъ духъ войскъ, деморализованныхъ отступленіемъ и пресѣчь въ корнѣ заговоръ, который, будто-бы, начинался въ Главной Квартирѣ, для удаленія Императрицы отъ Двора и заключенія Ея въ монастырь.

Рѣшеніе это имѣло самыя серьезныя послѣдствія съ политической точки зрѣнія, а государственный аппаратъ сталъ дѣйствовать еще хуже. Глава Государства былъ въ Могилевѣ, а Его министры въ Петербургѣ. Государь чувствовалъ Себя все болѣе одинокимъ и обманутымъ, но считалъ своимъ долгомъ жертвовать Собой и не бояться новой отвѣтственности. Онъ отбылъ въ Ставку и помѣстился въ Могилевѣ, въ домѣ губернатора, возвращаясь каждыя 4-5 недѣль въ Царское Село для занятія государственными дѣлами.

Но одиночество стало Ему въ тягость. Въ эти тяжелыя минуты своей жизни Онъ былъ лишенъ лучшаго своего утѣшенія — семьи. Императрица это поняла и было рѣшено, что Наслѣдникъ поѣдетъ съ Отцомъ. Это была Ея первая разлука съ ребенкомъ и можно вообразить, какую жертву принесла Мать, никогда раньше съ Нимъ не разставававшаяся, изъ страха не увидѣть Его болѣе въ живыхъ. Императрица просила меня при отъѣздѣ, каждый день давать Ей свѣдѣнія объ Алексѣѣ Николаевичѣ. Я свято исполнялъ этотъ приказъ во все время пребыванія нашего въ Ставкѣ.

Въ виду недостатка мѣста, Государь помѣстилъ сына въ своей комнатѣ. Онъ постоянно гулялъ съ Нимъ и отдавалъ Ему всѣ свободныя минуты. Ребенокъ нѣсколько разъ объѣзжалъ съ Нимъ фронтъ, такъ какъ Государь страстно хотѣлъ показать Его войскамъ. Но жизнь въ Могилевѣ мѣшала правильнымъ занятіямъ Алексѣя Николаевича и дѣйствовала на Его здоровье: было слишкомъ много сильныхъ впечатлѣній для Его воспріимчивой натуры. Онъ сталъ нервнымъ, разсѣяннымъ и не могъ

Спальная Государя Императора и Наслѣдника Цесаревича въ Ставкѣ-Могилевѣ въ 1915-16 годахъ.



Мы помѣщаемъ здѣсь рисунокъ перомъ спальни Государя Императора и Наслѣдника Цесаревича въ губернаторскомъ домѣ въ Могилевѣ.

Въ 1915 и 1916 годахъ, послѣ принятія Верховнаго Командованія Государемъ Императоромъ, Его Величество часто бралъ съ собой въ ставку Наслѣдника, Который жилъ въ одной комнатѣ съ Царемъ.

Обстановка спальни, какъ и всего дома, была самая простая, обычная, провинціальная. Государь и Царевичъ спали на простыхъ офицерскихъ походныхъ кроватяхъ.

правильно учиться. Я объ этомъ сказалъ Государю. Признавая правильность моихъ замѣчаній, Государь все-же находилъ, что жизнь въ Ставкѣ имѣла свои хорошія стороны; Алексѣй Николаевичъ сдѣлался болѣе общительнымъ и менѣе застѣнчивымъ, а видѣнныя Имъ страданія должны были отразиться на всей Его жизни и на Его отношеніи къ ужасамъ войны.

Императрица и Великія Княжны пріѣзжали изрѣдка въ Могилевъ, на короткое время. Онѣ жили въ своемъ поѣздѣ; принимали участіе въ прогулкахъ и Государь проводилъ съ Ними часть вечера. Такъ насталъ конецъ лѣта 1916 г. Послѣ нѣсколькихъ побѣдъ весной, войска снова должны были только обороняться. Ждали чтобы пришло столь нужное, обѣщанное союзниками, снабженіе. Политическая атмосфера дѣлалась все тяжелѣе и чувствовалась наступающая гроза. Всѣ страдали. Усталость и лишенія смѣнило неудовольствіе, несмотря на цензуру, проникавшее въ печать.

Дума открыто боролась съ правительствомъ и считала его отвѣтственнымъ за неудачи войны, столь популярной вначалѣ.

Министерства смѣнялись и падали, еле зародившись. Безпорядокъ и нелады со дня на день увеличивались и неудовольствіе росло. Всѣ сходились только на одномъ: на необходимости покинуть съ властью Распутина, котораго ненавидѣла вся Россія. Всѣ видѣли въ немъ неудачнаго совѣтника и считали его виновникомъ переживаемыхъ бѣдствій. Ему приписывали всяческіе пороки, развратъ и для всѣхъ онъ былъ отвратительнымъ существомъ, способнымъ на всякую грязь и низость. Для многихъ онъ былъ посланцемъ Сатаны, Антихристомъ, появленіе котораго означало начало самыхъ ужасныхъ бѣдствій.

Кѣмъ-же онъ былъ въ дѣйствительности?

Я пришелъ къ заключенію, что Распутинъ былъ свихнувшійся мистикъ, дѣйствовавшій на людей какой-то непонятной силой; эта сила была бы драгоцѣннымъ оружіемъ въ другихъ рукахъ, но мы знаемъ, какъ онъ ею злоупотреблялъ. Онъ былъ неуравновѣшеннымъ существомъ, то снѣдаемый плотскими страстями, то мистическими стремленіями, способный проводить недѣли въ религіозномъ экстазѣ послѣ ночей оргій. Одаренный силой воли, онъ могъ, когда надо было, отлично себя держать, приспособляться къ обстоятельствамъ и слѣдить за

тѣмъ, чтобы ничѣмъ не проявлялась двойственность его существованія. Когда его призывали ко Двору, онъ воздерживался отъ всякихъ спиртныхъ напитковъ и вначалѣ со страхомъ туда ѣздилъ, такъ онъ боялся впасть въ немилость.

За всѣ три года проведенные мною въ Александровскомъ Дворцѣ и живя рядомъ съ Алексѣемъ Николаевичемъ, я всего одинъ разъ встрѣтилъ Распутина. Я встрѣтился съ нимъ въ передней и успѣлъ его разглядѣть. Онъ былъ высокаго роста, съ худымъ лицомъ и проницательными сѣрыми глазами, углубленными подъ густыми бровями. Онъ носилъ бороду и длинные волосы. Одѣтъ онъ былъ въ русскую голубую шелковую рубашку, черные шаровары и высокіе сапоги. Дворецъ онъ посѣщалъ рѣдко, а со временемъ, его посѣщенія дѣлались все рѣже. Съ нимъ встрѣчались у г-жи Вырубовой (1); она-же передавала ему письма Императрицы и приносила отвѣты, въ большинствѣ случаевъ на словахъ. Его вліяніе было, конечно, сильно преувеличено и вначалѣ оно проявлялось только въ семейныхъ вопросахъ; только позже характеръ вліянія измѣнился. Хитрый и осторожный, Распутинъ сталъ давать совѣты въ политическихъ дѣлахъ съ большой осмотрительностью. Онъ выспрашивалъ у г-жи Вырубовой обо всемъ, что происходило при Дворѣ, объ мнѣніяхъ Государя и Императрицы по разнымъ вопросамъ. Его пророческія предсказанія, въ большинствѣ случаевъ, совпадали съ затаенными желаніями Императрицы. Онъ главнымъ образомъ своей безпутной жизнью приносилъ вредъ Царской Семьѣ, а его постоянное присутствіе при Дворѣ вызывало всеобщее негодованіе.

Многіе, и даже изъ Ея близкихъ, старались открыть Императрицѣ глаза на настоящую личность Распутина, но никто не могъ поколебать Ея вѣру въ него. И такъ, желая спасти мужа и сына, которыхъ Она любила больше всѣхъ на свѣтѣ, Она сама готовила Ихъ гибель. Не находимся ли мы передъ одной изъ ужаснѣйшихъ человѣческихъ драмъ, какія знавали въ древности, и не нашелъ ли бы здѣсь геній Софокла или Еврипида содержаніе для потрясающей трагедіи?!

---

(1) Г-жа Вырубова была одной изъ приближенныхъ Императрицы Александры Ѳеодоровны. Вліяніе ея было отрицательно. Она была слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ группы лицъ, желавшихъ использовать ея близость ко Двору. Неразвитая и безвольная, она вполнѣ подпала вліянію Распутина. Однако, назначенная Керенскимъ слѣдственная комиссія, установила ложность слуховъ, распространявшихся о ней по этому поводу (см. брошюру г. В. Руднева).

Конецъ Распутина и революція.

Страна все ждала и надѣялась, что кто-нибудь явится и избавитъ ее отъ того, кого она считала злымъ геніемъ Россіи

Но Распутина хорошо охраняли; его охраняла царская полиція, день и ночь дежуря у его дома; и его охраняли также соціалъ-революціонеры, понимая хорошо, что его работа имъ на пользу.

Не думаю чтобы Распутинъ былъ платнымъ нѣмецкимъ агентомъ, но онъ былъ, конечно, опаснымъ орудіемъ въ рукахъ нѣмецкаго Главнаго Штаба, для котораго было важно охранять его жизнь; онъ окружалъ его шпіонами, которые въ то же время оберегали его. Всѣ усилія нѣмецкаго Главнаго Штаба сводились къ подрыву престижа монархіи и сверженію Царя. Всѣ въ Германіи знали, что Государь былъ единственнымъ звеномъ объединяющимъ отдѣльныя части государства, и что если Его не станетъ, то ничто не сможетъ удержать разложенія и анархіи. Они знали также, что Императоръ Николай II останется до конца вѣрнымъ своимъ союзникамъ и что всякія попытки сближенія разобьются объ Его незыблемое рѣшеніе вести войну до конца. Не имѣя возможности вредить непосредственно Государю, нѣмцы направляли свои усилія противъ Императрицы и начали очень ловко распускать клевету. Они ни передъ чѣмъ не останавливались, чтобы вредить Ея репутаціи. Понимая какъ для ихъ цѣли выгодно то, что Императрица была раньше нѣмецкой принцессой, они ловкой провокаціей сумѣли возбудить сомнѣніе въ Ея вѣрности Россіи. Это былъ лучшій способъ Ее погубить въ глазахъ всѣхъ. Въ нѣкоторыхъ русскихъ кругахъ повѣрили этому обвиненію и пользовались имъ какъ оружіемъ противъ династіи. Императрица знала про кампанію, которая велась противъ Нея и страдала отъ этой клеветы, такъ какъ Она всѣмъ сердцемъ такъ же отдалась новой родинѣ, какъ и невой религіи: Она была русская по чувству и православная по убѣжденію.

Мѣсяцы проходили, положеніе становилось все болѣе напряженнымъ, но Государь еще не терялъ надежды. Онъ зналъ, что страна устала воевать и ждала мира. Онъ зналъ, что оппозиція съ каждымъ днемъ растетъ и гроза надвигается. Онъ не могъ рѣшиться на либеральныя уступки, которыя Ему

совѣтовали, находя, что нельзя пробовать реформы во время войны. Онъ, не то что самъ не хотѣлъ уступить свои самодержавныя права (Государь всегда былъ олицетвореніемъ скромности и простоты), но Онъ боялся того, какъ отзовутся реформы въ странѣ въ такой критическій моментъ. Онъ надѣялся, что патріотизмъ возьметъ верхъ надъ политическими разладами и что не рѣшатся скомпрометировать результатъ столь дорого стоящей странѣ войны.

Тѣмъ временемъ военное снабженіе, присылаемое Франціей и Англіей, приходило исправно и Государь разсчитывалъ, что состояніе арміи быстро улучшится. Онъ былъ увѣренъ, что къ веснѣ все будетъ готово для общаго наступленія, которое должно было нанести окончательный ударъ Германіи и спасти Россію. Еще нѣсколько мѣсяцевъ до полной побѣды. Какъ ударъ грома вдругъ пришло извѣстіе о смерти Распутина.

Было 30/17 декабря и въ тотъ же день мы изъ Ставки выѣхали въ Царское Село. Я никогда не забуду волненія, которое я испыталъ, увидя Императрицу. Ея взволнованный видъ выдавалъ глубокое страданіе. Ея горе было безгранично. Въ Ней подорвали вѣру и убили того, кто одинъ могъ спасти Ея ребенка. Теперь все кругомъ должно было рушиться. И началось томительное ожиданіе того несчастья, которое неминуемо должно было прійти...

Распутинъ предсказывалъ, что черезъ шесть недѣль послѣ его смерти жизнь Наслѣдника будетъ въ опасности и Россія на краю гибели. Менѣе двухъ мѣсяцевъ спустя, Алексѣй Николаевичъ дѣйствительно серьезно заболѣлъ, а Россія стала переживать первый фазисъ революціи!

События смѣнялись съ ужасающей быстротой и 15/2 марта, въ Псковѣ, Государь, покинутый всѣми, отрекся отъ престола.

Это былъ день самой большой побѣды нѣмцевъ, ихъ усилія увѣнчались успѣхомъ: Царская власть пала и Росія была въ ихъ рукахъ.

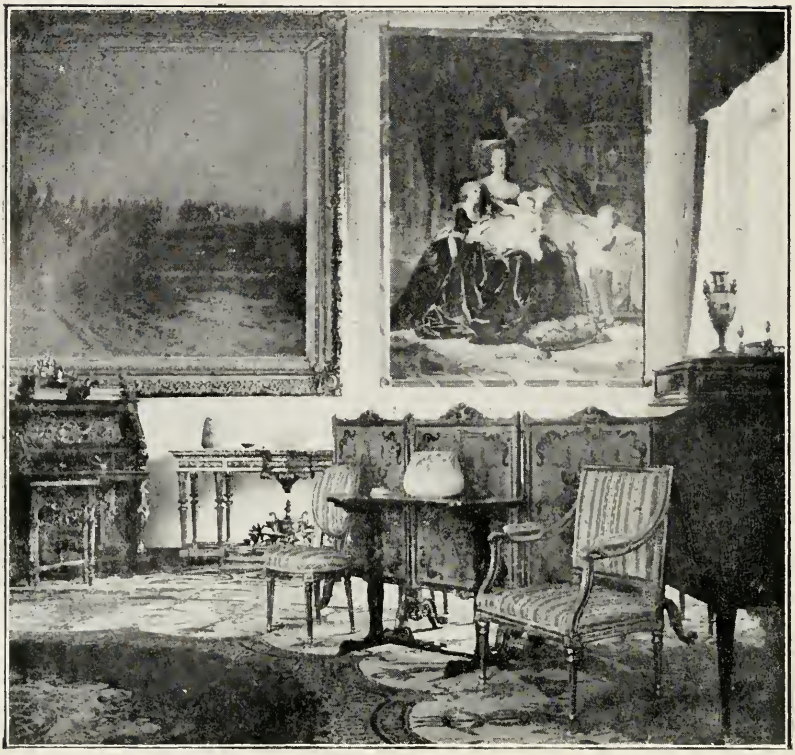
Страданія Императрицы въ эти дни жгучей тревоги, безъ извѣстій о Государѣ, у постели больного ребенка, не поддаются описанію. Она дошла до крайняго предѣла человѣческаго страданія. Это была Ея послѣдняя борьба, изъ которой Она вышла спокойная и просвѣтленная — это лучезарное спокойствіе до дня Ихъ смерти поддерживало Ее и Семью.

L'Illustration).

Государь Императоръ на берегу Днѣпра, около Могилева.

L'Illustration).

Великія Княжны Ольга, Татьяна и Анастасія посѣщаютъ семью ж.-д. рабочаго, близъ ст. Могилева.



(L'Illustration).

Гостиная Государыни Императрицы въ Александровскомъ Дворцѣ. На стѣнѣ «tapisserie», подарокъ Французскаго Правительства «Марія-Антуанета со своими дѣтьми», копія съ картины г-жи Вижe-Лебрэнъ.

(L'Illustration).

1917 г. Императрица Александра Ѳеодоровна въ Царскосельскомъ паркѣ.

Человѣчество всегда готово преклониться передъ страданіемъ и чувство это никогда не было болѣе умѣстно, чѣмъ передъ скорбнымъ образомъ Императрицы Александры Ѳеодоровны. Она была изъ числа тѣхъ сильныхъ духомъ, которыхъ судьба избираетъ себѣ въ жертвы, потому что ихъ трудно сломить, и такъ какъ у нихъ почти неисчерпаемая способность страданія.

III.

ОТРЕЧЕНІЕ И ЗАКЛЮЧЕНІЕ ВЪ ЦАРСКОМЪ СЕЛѢ.

Только послѣ долгихъ колебаній, Государь рѣшился выѣхать 8-го марта (23-го февраля), въ Могилевъ.

Онъ былъ очень озабоченъ оборотомъ, который приняли событія, предвидѣлъ значительныя затрудненія, но полагалъ, что, все-таки, обязанъ вернуться въ Ставку. Этотъ отъѣздъ безпокоилъ Императрицу, такъ какъ къ политическимъ событіямъ прибавлялась забота объ Алексѣѣ Николаевичѣ. Наслѣдникъ уже нѣсколько дней лежалъ въ постели въ кори и различныя осложненія въ Его здоровьи увеличивали опасность Его состоянія. Въ довершеніе несчастія, три Великія Княжны тоже заболѣли и одна Марія Николаевна могла помогать матери

Первыя волненія.

При такихъ обстоятельствахъ Государь покинулъ Царское Село.

На второй день послѣ Его отъѣзда (25-го февраля/10-го марта), мы узнали, что въ Петроградѣ вспыхнули безпорядки и произошли кровавыя столкновенія между полиціей и возставшими. Дѣло было въ томъ, что въ продолженіе нѣсколькихъ дней недостатокъ продовольствія возбудилъ сильное неудовольствіе въ народныхъ массахъ. На улицахъ образовались шествія и толпа прошла по городу, требуя хлѣба.

Я понялъ, что Императрица была очень озабочена, такъ какъ, въ видѣ исключенія, Она заговорила со мной о политическихъ событіяхъ и сказала, что Протопоповъ (министръ внутреннихъ дѣлъ), обвиняетъ соціалистовъ въ томъ, что они стараются вести активную пропаганду среди желѣзно-дорожныхъ служащихъ, съ тѣмъ чтобы тѣ задерживали подвозъ продовольствія къ столицѣ и этимъ побуждали народъ къ революціи.

11-го марта (26-го февраля), положеніе стало сразу весьма критическимъ и до насъ стали доходить извѣстія одно тревожнѣе другого. Возстаніе охватило центръ города и войска, которыя были вытребованы наканунѣ, оказывали слабое сопротивленіе. Я узналъ, что послѣдовалъ указъ Его Величества о роспускѣ Государственной Думы, но въ виду важности событій, Дума постановила не расходиться и образовала исполнительный комитетъ, поручивъ ему возстановленіе порядка. На слѣдующій день, кровавыя столкновенія возобновились съ большимъ упорствомъ и возставшимъ удалось овладѣть арсеналомъ. Вечеромъ мнѣ протелефонировали изъ Петрограда, что запасныя части нѣсколькихъ гвардейскихъ полковъ (1) — Павловскаго, Преображенскаго и другихъ — перешли на сторону возставшихъ. Это извѣстіе сильно поразило Императрицу. Съ предыдущаго дня Она сильно безпокоилась и ясно отдавала себѣ отчетъ о назрѣвшей серьезной опасности.

Въ продолженіе этихъ двухъ дней Она перешла изъ комнатъ Великихъ Княженъ въ комнату Алексѣя Николаевича, состояніе здоровья коего все ухудшалось, при этомъ Она старалась скрыть отъ больныхъ мученіе, которое испытывала.

13-го марта (28-го февраля), въ 9 1/2 ч. утра, когда я вошелъ къ Алексѣю Николаевичу, Императрица сдѣлала мнѣ знакъ слѣдовать за Нею въ сосѣднюю залу. Она сказала мнѣ, что фактически столица въ рукахъ революціонеровъ и что Дума только что образовала Временное Правительство съ М. В Родзянко во главѣ.

«Дума показала себя на высотѣ положенія» — сказала Императрица мнѣ. — «Дума, кажется, въ концѣ концовъ, поняла опасность угрожающую странѣ, но Я боюсь, что это слишкомъ поздно: образовался соціалъ-революціонный комитетъ, который не желаетъ признать власти Временнаго Правительства. Я только что получила телеграмму отъ Государя, въ которой Онъ сообщаетъ о своемъ пріѣздѣ къ 6 ч. утра. Его Величество желаетъ, чтобы мы переѣхали изъ Царскаго Села въ Гатчину, или же, чтобы мы выѣхали Ему навстрѣчу. Въ виду этого, прикажите приготовить все къ отъѣзду».

Приказанія отданы. Ея Величество испытываетъ ужасныя сомнѣнія. Она сообщила Родзянко о тяжеломъ состояніи На-

(1) Самые полки эти были на фронтѣ.

слѣдника и Великихъ Княженъ. Онъ отвѣтилъ: «Когда домъ горитъ, раньше всего выносятъ больныхъ».

Въ 4 часа докторъ Деревенко (состоявшій при Алексѣѣ Николаевичѣ) возвращается изъ лазарета и объявляетъ намъ, что вся сѣть желѣзныхъ дорогъ въ окрестностяхъ Петрограда уже занята революціонерами, что мы не можемъ уѣхать и, что трудно предположить, чтобы Государь могъ пріѣхать.

Въ 9 ч. вечера, баронесса Буксгевденъ пришла ко мнѣ. Она только что узнала, что царскосельскій гарнизонъ взбунтовался и на улицахъ слышна стрѣльба. Надо предупредить Императрицу, которая находится при Великихъ Княжнахъ. Какъ разъ въ это время Императрица выходитъ въ коридоръ и баронесса Буксгевденъ сообщаетъ Ей о положеніи дѣлъ. Мы подходимъ къ окнамъ и видимъ генерала Ресина во главѣ двухъ ротъ «Своднаго Гвардейскаго полка» — личной охраны Его Величества, составленной изъ всѣхъ гвардейскихъ частей, занимающаго позицію передъ дворцомъ. Я также вижу матросовъ Гвардейскаго Экипажа и казаковъ Конвоя Его Величества. Ворота парковъ охраняются усиленными караулами, солдатами въ четыре шеренги, готовыми открыть огонь. Въ это время мы узнаемъ по телефону, что возставшіе двигаются къ намъ и, что они только что убили часового въ 300 саженяхъ отъ дворца.

Выстрѣлы слышны все ближе и ближе — столкновеніе кажется неизбѣжнымъ. Императрица, потрясенная при мысли, что кровь будетъ пролита на Ея глазахъ, выходитъ съ Маріей Николаевной и, подойдя къ солдатамъ, умоляетъ ихъ о сохраненіи спокойствія. Она проситъ, чтобы они вступили въ переговоры съ возставшими.

Минута исключительная. Ужасъ охватываетъ всѣхъ. При малѣйшей неосторожности возможно всеобщее избіеніе. Между тѣмъ, съ обѣихъ сторонъ выходитъ по нѣсколько офицеровъ и вступаетъ въ переговоры. Слова бывшихъ начальниковъ и положительная рѣшимость тѣхъ, которые остались вѣрными, оказываетъ вліяніе на возставшихъ. Возбужденіе, мало по малу, стихаетъ и, въ концѣ концовъ, устанавливается нейтральная полоса между обоими лагерями.

Ночь проходитъ въ этой обстановкѣ, а утромъ, благодаря распоряженію Временнаго Правительства, это тревожное положеніе прекращается. Послѣ полудня Императрица призы

ваетъ Великаго Князя Павла Александровича и спрашиваетъ его, не знаетъ ли онъ гдѣ находится Государь. Великому Князю ничего не извѣстно. Онъ говоритъ Императрицѣ, что только немедленное дарованіе конституціи можетъ, по его мнѣнію, отвратить опасность. Императрица съ нимъ соглашается, но Она не въ силахъ что-либо сдѣлать, такъ какъ со вчерашняго дня Она лишена возможности сообщенія съ Государемъ. День 2/15-го марта проходитъ въ тяжеломъ ожиданіи. Въ 3 1/2 ч. ночи (на 3/16 марта), одинъ изъ членовъ Временнаго Правительства вызываетъ доктора Боткина къ телефону и спрашиваетъ его о здоровьи Алексѣя Николаевича (какъ мы узнали впослѣдствіи, слухъ о Его кончинѣ распространился по городу).

Мученія Императрицы продолжаются и на слѣдующій день. Уже третій день Она безъ извѣстій отъ Государя и Ея ужасная тревога усугубляется еще тѣмъ, что Она лишена возможности что либо сдѣлать.

Извѣстіе объ отреченіи.

Къ вечеру, 3/16 марта, во дворцѣ было получено извѣстіе объ отреченіи Государя. Императрица не вѣритъ этому слуху и считаетъ его завѣдомо ложнымъ. Однако, нѣсколько позже, Великій Князь Павелъ Александровичъ подтверждаетъ его Государыня отказывается вѣрить ему и только послѣ сообщенія Великимъ Княземъ подробностей, Ея Величество отдаетъ себѣ отчетъ въ дѣйствительныхъ событіяхъ. Государь Императоръ отрекся отъ престола наканунѣ, вечеромъ 2/15-го марта, въ Псковѣ, въ пользу своего брата В. Кн. Михаила.

Отчаяніе Императрицы превосходитъ всякое воображеніе, но твердость духа не оставляетъ Государыню. Вечеромъ я вновь вижу Ее у Алексѣя Николаевича. Лицо Ея измучено, но благодаря сверхестественной силѣ воли, Она рѣшилась все-таки прійти, какъ обыкновенно, къ дѣтямъ, дабы ничто не могло потревожить юныхъ больныхъ, ничего не знающихъ о случившемся со времени отъѣзда Государя въ Ставку. Поздно ночью, 3/16-го марта, мы узнали, что Великій Князь Михаилъ отказался отъ престола впредь до рѣшенія Учредительнымъ Собраніемъ судебъ Россіи.

На слѣдующій день, я вновь встрѣчаю Императрицу у Алексѣя Николаевича. Она спокойна, но очень блѣдна. Госу-

дарыня сильно похудѣла и постарѣла за эти нѣсколько дней.

Послѣ полудня Императрица получила отъ Его Величества телеграмму, въ которой Онъ старается успокоить Ее и сообщаетъ, что ожидаетъ въ Могилевѣ пріѣзда туда Вдовствующей Императрицы.

Проходитъ три дня. 8/21-го марта, въ 10 1/2 часовъ утра, Ея Величество зоветъ меня и говоритъ, что генералъ Корниловъ пришелъ сообщить Ей, отъ имени Временнаго Правительства, что Государь и Она считаются арестованными и тотъ, кто не желаетъ признать состояніе ареста долженъ покинуть дворецъ до четырехъ часовъ. Я отвѣтилъ о своемъ рѣшеніи остаться.

«Государь возвращается завтра (9/22-го марта), надо предупредить Алексѣя, необходимо все Ему сказать... Хотите вы это сдѣлать? Я пойду говорить съ дѣвочками», — сказала мнѣ Императрица.

Видно какъ сильно Она страдаетъ при мысли о томъ горѣ, которое Она причинитъ больнымъ Великимъ Княжнамъ, сообщая объ отреченія Ихъ Отца, — горѣ, которое можетъ осложнить Ихъ болѣзнь.

Я отправляюсь къ Алексѣю Николаевичу и сообщаю Ему, что Государь пріѣзжаетъ завтра изъ Могилева и, что Онъ туда больше не вернется.

— «Почему?» — восклицаетъ Цесаревичъ.

«Потому что Вашъ отецъ не желаетъ больше быть Верховнымъ Главнокомандующимъ.»

Это извѣстіе Его сильно огорчаетъ, такъ какъ Онъ очень любилъ ѣздить въ Ставку. Нѣсколько времени спустя, я прибавилъ:

— «Знаете, Алексѣй Николаевичъ, Вашъ отецъ не желаетъ больше быть Императоромъ.»

— «Какъ такъ? Почему?» — говоритъ Алексѣй Николаевичъ.

Цесаревичъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ, стараясь прочесть на моемъ лицѣ то, что происходитъ.

«Потому что Онъ очень утомленъ и потому что у Него много затрудненій за послѣднее время.»

— «Ахъ да! Мама сказала мнѣ, что Его поѣздъ остановили, когда Онъ хотѣлъ пріѣхать сюда. Но отецъ опять будетъ Императоромъ впослѣдствіи?»

Я объяснилъ ему, что Государь отказался отъ престола въ пользу Великаго Князя Михаила, который въ свою очередь также отказался.

— «Въ такомъ случаѣ, кто же будетъ Императоромъ?» — спросилъ Цесаревичъ.

— «Не знаю, теперь никто...»

Ни слова о себѣ, ни единаго намека на свои права какъ Наслѣдника. Онъ сильно покраснѣлъ и взволновался.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, Алексѣй Николаевичъ сказалъ мнѣ:

— «Въ такомъ случаѣ, если больше нѣтъ Царя, кто же будетъ править Россіей?»

Я объяснилъ Ему, что образовалось Временное Правительство, которое должно будетъ заниматься государственными дѣлами до созыва Учредительнаго Собранія и тогда, вѣроятно, Его дядя Михаилъ вступитъ на престолъ.

Еще разъ я пораженъ скромностью этого ребенка, скромностью, которая равна его добротѣ.

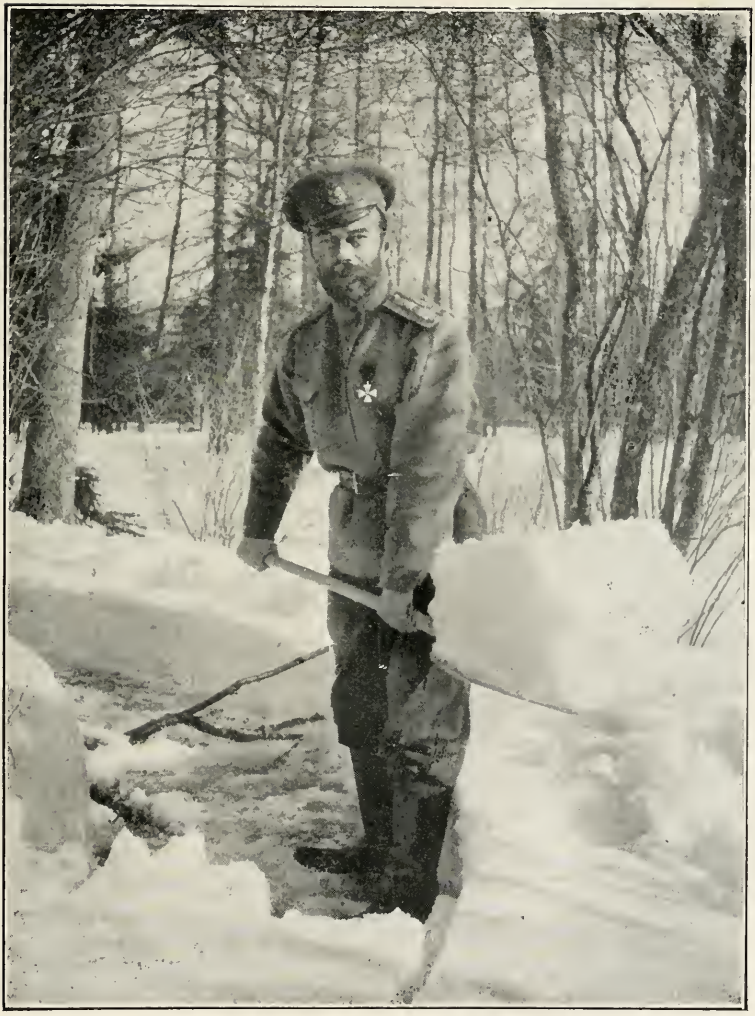
Въ четыре часа двери дворца закрываются. Мы считаемся арестованными! Сводный полкъ смѣненъ полкомъ царскосельскаго гарнизона, и несущіе караульныя обязанности солдаты назначены не для нашей защиты, а въ качествѣ стражи.

Возвращеніе Государя въ Царское Село.

9/22-го марта, въ 11 ч. утра, Государь Императоръ, наконецъ, вернулся въ сопровожденіи гофмаршала двора князя Долгорукова. Государь тотчасъ поднялся къ дѣтямъ, гдѣ Его ждала Императрица.

Послѣ завтрака Онъ пришелъ въ комнату Алексѣя Николаевича, гдѣ я находился въ это время и поздоровался со мной съ обычной простотой и любезностью. Глядя на Его осунувшееся и поблѣднѣвшее лицо, я понялъ какъ ужасно Онъ страдалъ все это время.

Возвращеніе Государя, несмотря на грустныя обстоятельства, было днемъ величайшей радости для Его семьи. Императрица, Марія Николаевна и остальныя дѣти, узнавши о положеніи дѣлъ были страшно обезпокоены за участь Государя. Большимъ утѣшеніемъ для Нихъ являлась возможность быть вмѣстѣ послѣ ужасныхъ испытаній. Имъ казалось, что Ихъ



L'Illustration.

Государь Императоръ расчищаетъ аллею въ Царскосельскомъ паркѣ.

Конецъ Марта 1917 г.

Весна 1917 г. Государь Императоръ и Царская Семья за работой въ огородѣ въ Царскомъ Селѣ.

L'Illustration

страданія стали легче и та безконечная любовь, которую Они питали другъ къ другу, способна заставить Ихъ переносить всякія страданія.

Несмотря на все свое самообладаніе, Государю не удавалось скрыть своего глубокаго потрясенія, однако, Онъ быстро оправлялся, окруженный любовью своей семьи.

Государь посвящалъ семьѣ большую часть дня, а остальное время читалъ или гулялъ съ княземъ Долгоруковымъ. Вначалѣ Государю запретили входъ въ паркъ и разрѣшили пользоваться только прилегающимъ ко дворцу маленькимъ садомъ, еще покрытымъ снѣгомъ и окруженнымъ цѣпью часовыхъ. Государь принималъ всѣ эти строгости съ удивительнымъ спокойствіемъ и величіемъ. Ни разу Онъ не высказалъ ни единаго упрека. Одно чувство охватывало все Его существо, чувство сильнѣе даже тѣхъ узъ, которыя связывали Его съ семьей, — это любовь къ Родинѣ.

Чувствовалось, что Онъ готовъ все простить тѣмъ, кто такъ унижалъ Его, если они способны спасти Россію.

Императрица почти все время проводила лежа въ креслѣ въ комнатѣ Великихъ Княженъ или же у Алексѣя Николаевича. Волненія и страданія сильно утомили Ее физически, однако, возвращеніе Государя принесло Ей большое нравственное облегченіе. Она жила напряженной внутренней жизнью, говорила мало, подчиняясь потребности давно желаннаго отдыха. Она была довольна тѣмъ, что Ей не приходилось больше бороться и, что Она могла всецѣло посвятить себя тѣмъ, кого такъ сильно любила.

Марія Николаевна все еще сильно безпокоила Императрицу. Великая Княжна заболѣла позднѣе своихъ сестеръ и болѣзнь Ея осложнилась злокачественнымъ воспаленіемъ легкихъ. Сильный организмъ Маріи Николаевны съ трудомъ боролся съ болѣзнью. Великая Княжна сдѣлалась жертвой своей самоотверженности. Эта 17-ти лѣтняя дѣвушка надорвала себя въ дни революціи, когда Она была самой сильной поддержкой своей матери. Въ ночь на 1/14-ое марта, Она совершила неосторожность, выйдя съ Императрицей для разговора съ солдатами и простояла на морозѣ, чувствуя себя уже не совсѣмъ хорошо.

Къ счастью, остальныя дѣти поправлялись и были на пути къ полному выздоровленію. Наше заключеніе въ Царскомъ Се-

лѣ, казалось, не должно было быть продолжительнымъ и шелъ разговоръ о скоромъ переводѣ насъ въ Англію. Но дни шли за днями, а отъѣздъ нашъ все откладывался. Дѣло было въ томъ, что Временное Правительство, которое должно было считаться съ революціонными силами, чувствовало, что власть ускользаетъ изъ его рукъ. Однако, мы находились лишь въ нѣсколькихъ часахъ ѣзды по желѣзной дорогѣ отъ финляндской границы и при этомъ Петроградъ являлся единственнымъ серьезнымъ препятствіемъ. Казалось бы поэтому, что дѣйствуя рѣшительно и скрытно, было бы не трудно доставить Императорскую Семью въ одинъ изъ финляндскихъ портовъ и оттуда отправить Ее заграницу. Но всѣ боялись отвѣтственности и никто не хотѣлъ взять ее на себя.

Судьба, лишній разъ, стояла на стражѣ!

Пять мѣсяцевъ заключенія.

Императорская семья находилась въ Царскомъ Селѣ до августа 1917 года.

Въ продолженіе пяти мѣсяцевъ, проведенныхъ съ Ними, я велъ дневникъ нашей совмѣстной жизни. Могу привести здѣсь лишь нѣкоторыя выдержки изъ него:

Воскресенье, 18 марта (1 апрѣля): — Такъ какъ Алексѣй Николаевичъ чувствуетъ себя значительно лучше, мы пошли сегодня утромъ въ церковь, гдѣ уже находились Ихъ Величества, Великія Княжны Ольга и Татьяна и тѣ нѣсколько лицъ свиты, которыя раздѣляли наше заключеніе. Когда священникъ молился о дарованіи побѣды русской арміи и союзникамъ, Государь и Государыня стали на колѣни и всѣ послѣдовали Ихъ примѣру.

Нѣсколько дней тому назадъ, когда я выходилъ отъ Алексѣя Николаевича, я встрѣтилъ въ коридорѣ десятокъ солдатъ. Я подошелъ къ нимъ и спросилъ, что имъ угодно. — «Мы хотимъ видѣть Наслѣдника», — отвѣтили солдаты. — «Онъ въ постели и Его видѣть нельзя». — «А остальныхъ?» — «Они тоже нездоровы.» — «А гдѣ Царь?» — «Не знаю.» — «Пойдетъ ли Онъ гулять?» — «Опять таки не знаю, однако, уходите отсюда, вѣдь нельзя же шумѣть при больныхъ!» Вслѣдъ за этимъ они повернулись и вышли на цыпочкахъ, разговаривая шепотомъ.

Вотъ они, тѣ солдаты, которыхъ намъ описываютъ, какъ ярыхъ революціонеровъ, ненавидящихъ своего бывшаго Царя!

Вторникъ, 21 марта (3 апрѣля): — Керенскій въ первый разъ, пріѣхалъ сегодня во дворецъ. Онъ пробѣжалъ по всѣмъ комнатамъ и провѣрилъ всѣ посты, желая лично убѣдиться, что насъ хорошо охраняютъ. Передъ уходомъ онъ имѣлъ довольно продолжительный разговоръ съ Государемъ и Государыней.

Пятница, 23 марта (6 апрѣля): — Государь подѣлился со мною той грустью, которую Онъ испытываетъ при чтеніи газетъ. Это гибель арміи; нѣтъ болѣе ни чинопочитанія, ни дисциплины.

Офицеры боятся своихъ солдатъ и солдаты шпіонятъ за ними. Чувствуется какъ Государь страдаетъ при мысли о разрушеніи той арміи, которую Онъ такъ любилъ.

Воскресенье, 25 марта (8 апрѣля): — Послѣ обѣдни Керенскій объявляетъ Государю, что онъ принужденъ разлучить Его съ Императрицей, что Онъ долженъ будетъ жить отдѣльно и можетъ видѣть Императрицу лишь во время завтрака и обѣда, при условіи, чтобы разговоръ велся исключительно по-русски. Чай Они тоже могутъ пить вмѣстѣ, но въ присутствіи офицера, такъ какъ въ это время нѣтъ прислуги.

Императрица, очень взволнованная, подходитъ нѣсколько позднѣе ко мнѣ и говоритъ: «Поступать такимъ образомъ въ отношеніи Государя, сдѣлать Ему эту гадость, послѣ того какъ Онъ пожертвовалъ собой и отрекся отъ Престола дабы избѣжать гражданской войны, какъ это мелочно, какъ это низко! Государь не хотѣлъ, чтобы капля крови, хотя бы единаго Русскаго, была пролита изъ за Него. Онъ всегда былъ готовъ отказаться отъ всего, если былъ убѣжденъ, что это было на благо Россіи». Нѣсколько минутъ спустя, Она прибавила: «Повиди мому, придется перенести и эту ужасную обиду.»

Понедѣльникъ, 26 марта (9 апрѣля): — Я узналъ, что Керенскій намѣренъ былъ сначала отдѣлить Императрицу, но что ему, будто-бы, сказали, что было бы безчеловѣчно раздѣлить мать съ больными дѣтьми; послѣ этого онъ рѣшилъ примѣнить эту мѣру къ Государю.

31 марта (13 апрѣля): — Великая пятница .— Вечеромъ вся семья исповѣдуется.

Суббота, 1/14 апрѣля: — Въ 9 1/2 ч. утра, обѣдня и Причастіе. Въ 11 1/2 ч. вечера всѣ собираются въ церкви къ заутренѣ. Полковникъ Коровиченко, комендантъ дворца и другъ Керенскаго, и три офицера охраны тоже присутствуютъ.

Служба продолжается до 2-хъ часовъ, послѣ чего всѣ отправляются въ библіотеку для обычныхъ поздравленій. Государь христосуется со всѣми мужчинами, включая коменданта и офицера охраны. Я замѣчаю, что оба они не могутъ скрыть своего волненія, испытываемаго отъ этой для нихъ неожиданности.

Вслѣдъ затѣмъ всѣ садятся за круглый столъ разговляться.

Ихъ Величества сидятъ другъ противъ друга. Насъ всего 17 человѣкъ, считая двухъ офицеровъ. Великія Княжны Ольга и Марія и Алексѣй Николаевичъ отсутствуютъ. Относительное оживленіе, царившее вначалѣ, вскорѣ исчезаетъ и разговоръ смолкаетъ. Ея Величество особенно молчалива. Причиной тому тоска или усталость?

Воскресенье, 2/15 апрѣля. — Св. Пасха: — Въ первый разъ мы выходимъ съ Алексѣемъ Николаевичемъ на террасу передъ дворцомъ. Чудный весенній день.

Въ семь часовъ вечера церковная служба наверху въ комнатахъ дѣтей. Насъ пятнадцать человѣкъ. Я замѣчаю, что Государь набожно крестится, когда священникъ молится за Временное Правительство Россіи.

На слѣдующій день, въ виду чудной погоды, мы выходимъ въ паркъ, гдѣ намъ разрѣшено гулять въ сопровожденіи офицера и чиновъ охраны. Желая заняться физическимъ трудомъ, мы разбиваемъ ледъ на шлюзахъ пруда. Толпа штатскихъ людей и солдатъ тотчасъ собирается вдоль рѣшетки парка и смотритъ на нашу работу. Черезъ нѣкоторое время дежурный офицеръ подходитъ къ Государю и докладываетъ, что комендантъ царскосельскаго гарнизона только что сообщилъ ему, что, опасаясь какой либо враждебной манифестаціи или покушенія на Царскую семью, онъ проситъ насъ покинуть то мѣсто, на которомъ мы находимся. Государь отвѣчаетъ ему, что Онъ вовсе не боится и,что эти добрые люди Его совсѣмъ не стѣсняютъ.

Пятница, 7/20 апрѣля: — Теперь мы аккуратно гуляемъ два раза въ день: утромъ съ 11 часовъ до полудня и днемъ съ 2 1/2 до 5 ч. Всѣ мы собираемся въ полукруглой залѣ и дожи-

(L'Illustration).

В. К. Ольга Николаевна, Царевичъ, В. К. Анастасія Николаевна, В. К. Татьяна Николаевна на отдыхѣ во время огородныхъ работъ въ Царскомъ Селѣ весною 1917 г.

(L'Illustration).

Царевичъ и В. К. Татьяна Нико[illegible]на въ Царскосельскомъ паркѣ.

(L'Illustration).

1917 г. въ Царскомъ Селѣ. Графиня Бенкендорфъ сидитъ. Стоятъ слѣва направо: князь Долгоруковъ, г. Жильяръ, графиня Гендрикова, баронесса Буксгевденъ, г-жа Шнейдеръ, графъ Бенкендорфъ и докторъ Деревенко.

(L'Illustration).

Государь Императоръ Дежурный офицеръ Матросъ Нагорный

Въ паркѣ Царскосельскаго дворца весною 1917 г.

даемся пока начальникъ охраны откроетъ дверь въ паркъ. Мы выходимъ; дежурный офицеръ и солдаты слѣдуютъ за нами и окружаютъ то мѣсто гдѣ мы останавливаемся для работы. Императрица и Великія Княжны Ольга и Марія пока еще не выходятъ.

Воскресенье, 9/22 апрѣля: — Намъ запрещено ходить до пруда; мы должны оставаться близъ дворца и не переходить за предѣлы указаннаго намъ раіона. Вдали мы замѣчаемъ любопытную толпу въ нѣсколько сотъ человѣкъ, которая старается увидѣть насъ.

Среда, 12/25 апрѣля: — Керенскій снова пріѣхалъ во дворецъ. Докторъ Боткинъ воспользовался этимъ, чтобы просить его, въ виду состоянія здоровья дѣтей, перевезти Царскую семью въ Ливадію. Керенскій отвѣтилъ, что въ настоящее время это совершенно невозможно. Вслѣдъ затѣмъ онъ отправился къ Ихъ Величествамъ, гдѣ пробылъ довольно долго. Отношеніе Керенскаго къ Государю стало совсѣмъ иное чѣмъ было вначалѣ и онъ болѣе не разыгрываетъ роль верховнаго судіи. Я убѣжденъ, что онъ начинаетъ понимать Государя и подпадать подъ Его чарующее вліяніе, что, впрочемъ, случается съ каждымъ, кто близко знаетъ Государя.

Воскресенье, 16/29 апрѣля: — Вечеромъ продолжительный разговоръ съ Ихъ Величествами по поводу уроковъ Алексѣя Николаевича. Необходимо прійти къ какому-либо рѣшенію, такъ какъ у насъ болѣе нѣтъ учителей! Государь соглашается взять на себя уроки исторіи и географіи, Императрица — Закона Божія. Остальные уроки будутъ распредѣлены между баронессой Буксгевденъ (англійскій языкъ), г-жой Шнейдеръ (ариѳметика), докторомъ Боткинымъ (русскій языкъ) и мной (1).

Вторникъ, 18 апрѣля (1 мая): — Въ первый разъ Россія празднуетъ 1-ое мая. Мы слышимъ звуки оркестровъ и видимъ, проходящія мимо рѣшетокъ парка, толпы манифестантовъ.

Четвергъ, 20 апрѣля (3 мая): — Государь сообщилъ мнѣ вечеромъ, что извѣстія за послѣдніе дни нехороши. Лѣвыя партіи требуютъ, чтобы Франція и Англія объявили о желаніи заключить миръ «безъ аннексій и контрибуцій».

---

(1) Необходимо подчеркнуть, что Наслѣдникъ Цесаревичъ до своей кончины не имѣлъ ни единаго урока нѣмецкаго языка.

Число дезертировъ въ арміи увеличивается съ каждымъ днемъ и армія таетъ. Будетъ ли Временное Правительство въ силахъ продолжать войну? Государь съ лихорадочнымъ вниманіемъ слѣдитъ за событіями, Онъ сильно безпокоится, однако еще надѣется, что страна одумается и останется вѣрной союзникамъ.

Огородъ въ паркѣ.

Воскресенье, 30 апрѣля (13 мая): — Вотъ уже второй день, какъ мы копаемъ огородъ на одной изъ лужаекъ парка. Сначала мы снимали дернъ и сносили его въ кучу на носилкахъ. Всѣ принялись за работу: Царская семья, мы, прислуга. Нѣсколько солдатъ изъ охраны пришли намъ помогать.

Государь очень озабоченъ послѣдніе дни. Возвращаясь съ прогулки Онъ сказалъ мнѣ: «Говорятъ, что генералъ Рузскій подалъ въ отставку. Онъ просилъ, чтобы перешли въ наступленіе (теперь просятъ, а не приказываютъ!); солдатскіе комитеты отказали. Если это правда, то это конецъ всему! Какой стыдъ! обороняться, а не наступать, вѣдь это равносильно самоубійству! Мы допустимъ, что сначала разобьютъ нашихъ союзниковъ, а затѣмъ очередь будетъ за нами».

Понедѣльникъ, 1/14 мая: — Государь вернулся къ нашему вчерашнему разговору и прибавилъ: «Я нѣсколько надѣюсь на то, что у насъ любятъ преувеличивать. Я не могу вѣрить, чтобы армія на фронтѣ была такой, какъ объ ней говорятъ; въ два мѣсяца она не могла до такой степени опуститься.»

Суббота, 6/19 мая:—День рожденія Государя (49 лѣтъ), обѣдня и поздравленія.

Воскресенье, 14/27 мая: — Съ нѣкоторыхъ поръ намъ даютъ очень мало дровъ и вездѣ очень холодно. Елисавета Алексѣевна Нарышкина (Оберъ-Гофмейстерина), заболѣла и ее сегодня увезли, такъ какъ состояніе ея здоровья требуетъ ухода, котораго ей здѣсь дать нельзя. Она въ отчаяніи при мысли, что насъ покидаетъ, такъ какъ знаетъ, что ей не позволятъ вернуться во дворецъ.

Суббота, 20 мая (2 іюня): — Мы ежедневно продолжаемъ работать на огородѣ. Поливаемъ огородъ изъ бочки, которую по очереди возимъ.

Пятница, 2/15 іюня: — Нѣсколько дней тому назадъ мы кончили огородъ, который очень хорошъ. У насъ всевозможныя

овощи и 500 качановъ капусты. Прислуга, въ свою очередь, вскопала огородъ съ другой стороны дворца, гдѣ они могутъ посадить, что хотятъ. Мы пошли помогать имъ въ работѣ, Го сударь тоже пошелъ.

Чтобы заполнить свободное время, съ тѣхъ поръ какъ мы кончили работу на огородѣ, мы просили разрѣшенія пилить сухія деревья въ паркѣ и теперь мы переходимъ съ мѣста на мѣсто въ сопровожденіи слѣдующаго за нами солдата охраны. Мы становимся опытными дровосѣками. У насъ будетъ большой запасъ дровъ къ будущей зимѣ!

Воскресенье, 11/24 іюня: — Дни однообразно проходятъ одинъ за другимъ, въ урокахъ и прогулкахъ. Государь разсказалъ мнѣ сегодня довольно смѣшное происшествіе, которое нарушило однообразіе нашего заключенія.

Онъ читалъ вчера вслухъ въ красной гостиной, гдѣ находились Императрица и Великія Княжны. Вдругъ, около одиннадцати часовъ, входитъ весьма сконфуженный лакей и заявляетъ, что начальникъ охраны проситъ быть немедленно принятымъ Государемъ Императоромъ. Государь предполагаетъ, что дѣло касается важныхъ событій въ Петроградѣ — тамъ ожидали вооруженнаго выступленія большевиковъ противъ Временнаго Правительства — и приказываетъ ввести его.

Офицеръ входитъ въ сопровожденіи двухъ унтеръ-офицеровъ. Онъ объясняетъ, что былъ вызванъ выстрѣломъ одного изъ часовыхъ, который видѣлъ красные и зеленые сигналы, исходившіе изъ комнаты, въ которой сидѣла Царская семья.— Общее недоумѣніе.

— Какіе сигналы? Что все это значитъ?

Сильное волненіе Императрицы и Великихъ Княженъ. Офицеръ приказываетъ затянуть занавѣски — становится жара неимовѣрная — и собирается уходить. Въ это время одинъ изъ сопровождающихъ его унтеръ-офицеровъ выходитъ впередъ и объясняетъ причину этого таинственнаго явленія. Великая Княжна Анастасія Николаевна сидитъ на подоконникѣ и вышиваетъ. Въ то время, какъ Она нагибается, чтобы взять на столѣ разные нужные Ей при работѣ предметы. Она по очереди закрываетъ и открываетъ собою двѣ лампы съ зеленымъ и краснымъ абажурами, которыя освѣщаютъ Государя. Офицеръ сконфуженный уходитъ.

Понедѣльникъ, 19 іюня (2 іюля): — Мы узнаемъ, что въ раіонѣ Тарнополя началось наступленіе и, что оно успѣшно развивается.

Вторникъ, 20 іюня (3 іюля): — Благодарственный молебенъ по случаю военныхъ событій, которыя обѣщаютъ крупную побѣду. Государь въ восторгѣ приноситъ Алексѣю Николаевичу вечернія газеты и читаетъ Ему текстъ сообщеній.

Воскресенье, 2/15 іюля: — Никакихъ перемѣнъ въ нашемъ заключеніи. Единственное наше развлеченіе — прогулки. Погода жаркая и уже нѣсколько дней Алексѣй Николаевичъ купается въ пруду, окружающемъ дѣтскій островъ Это доставляетъ Ему большое удовольствіе.

Отъѣздъ.

Четвергъ, 27 іюля (9 августа): — Я узналъ, что Временное Правительство рѣшило перевести Царскую Семью. Мѣсто назначенія держится въ тайнѣ. Мы всѣ надѣемся, что это Крымъ.

Суббота, 29 іюля (11 августа): — Намъ сообщили, что мы должны запастись большимъ количествомъ теплыхъ вещей Стало быть насъ направляютъ не на югъ. Сильное разочарованіе.

Воскресенье, 30 іюля (12 августа): — День рожденія Алексѣя Николаевича (13 лѣтъ). По желанію Императрицы, принесли Чудотворную Икону Знаменской Божіей Матери.

Обѣдня. Нашъ отъѣздъ назначенъ на завтра. Полковникъ Кобылинскій (который въ іюнѣ смѣнилъ полковника Коровиченко, въ качествѣ коменданта дворца) сообщилъ мнѣ, подъ величайшимъ секретомъ, что насъ перевозятъ въ Тобольскъ.

Понедѣльникъ, 31 іюля (13 августа): — Намъ сообщаютъ, что мы должны быть готовы къ 12 ч. ночи, поѣздъ заказанъ къ часу ночи. Послѣднія приготовленія. Прощальное посѣщеніе дѣтскаго острова, огорода и пр. Около часу ночи всѣ собрались въ полукруглой залѣ, наполненной багажемъ. Великій Князь Михаилъ Александровичъ пріѣхалъ съ Керенскимъ и имѣлъ свиданіе съ Государемъ, который былъ очень счастливъ увидать брата передъ своимъ отъѣздомъ. Поѣздъ, въ которомъ мы должны выѣхать еще не прибылъ. Оказывается,

происходятъ какія-то недоразумѣнія съ желѣзнодорожными служащими, которые подозрѣваютъ, что поѣздъ предназначается для Царской Семьи. Часы проходятъ въ томительномъ ожиданіи. Уѣдемъ-ли мы? Мы начинаемъ сомнѣваться (этотъ инцидентъ доказываетъ полное безсиліе правительства). Наконецъ, въ 5 часовъ намъ докладываютъ, что все готово. Мы прощаемся съ тѣми изъ раздѣлявшихъ наше заключеніе, которые не могутъ насъ сопровождать. Сердце сжимается при мысли, что приходится покидать Царское Село, съ которымъ мы связаны столькими воспоминаніями, а отъѣздъ въ неизвѣстность вызываетъ тяжелую грусть. Въ ту минуту, какъ автомобили, увозящіе насъ, выѣзжаютъ изъ парка, насъ окружаетъ взводъ кавалеріи, который сопровождаетъ насъ до маленькой станціи Александровки. Мы садимся въ вагоны, которые весьма удобны. Проходитъ полчаса и поѣздъ тихо двигается съ мѣста въ шесть часовъ безъ десяти минутъ утра (1/14 августа).

IV.

ПЕРЕѢЗДЪ ВЪ СИБИРЬ И СТРАДАНІЯ ВЪ ТОБОЛЬСКѢ.

Какія причины побудили Совѣтъ Министровъ перевести Царскую семью въ Тобольскъ? Это весьма трудно опредѣлить. Когда Керенскій объявилъ о переводѣ Императора, онъ объяснилъ необходимость этого рѣшенія тѣмъ, что Временное Правительство постановило принять рѣшительныя мѣры противъ большевиковъ; это могло вызвать безпорядки и вооруженныя столкновенія и Царская семья могла стать первой ихъ жертвой; правительство, въ виду этого, считало своей обязанностью оградить семью отъ этихъ событій.

Другіе, напротивъ, предполагали, что это было сдѣлано въ угоду большевикамъ, которые, будучи обезпокоены настроеніемъ арміи въ пользу Царя, требовали ссылки Его въ Сибирь.

Какъ бы то ни было, путешествіе Императорской Семьи изъ Царскаго Села въ Тобольскъ совершилось въ благопріятныхъ условіяхъ и безъ значительныхъ происшествій.

Выѣхавъ 1/14-го августа, въ 6 ч. утра, мы достигли 4/17-го вечеромъ Тюмени — ближайшей къ Тобольску же-

лѣзнодорожной станціи — и, спустя нѣсколько часовъ, перешли на пароходъ «Русь».

На слѣдующій день мы прошли мимо родной деревни Распутина и Царская Семья, собравшаяся на мостикѣ, видѣла домикъ «старца» ясно выдѣлявшійся среди избъ.

Это обстоятельство не удивило никого изъ Нихъ, такъ какъ Распутинъ предсказалъ, что такъ случится и это, казалось лишній разъ подтвердило его пророческія слова.

Къ вечеру 6/19-го числа, на одномъ изъ поворотовъ рѣки, мы внезапно увидѣли красивый силуэтъ города Тобольска и вскорѣ прибыли по назначенію.

Наше новое помѣщеніе.

Домъ, въ которомъ мы должны были находиться, не былъ готовъ; мы принуждены были оставаться нѣсколько дней на пароходѣ и только 13/26-го перешли въ наше новое помѣщеніе.

Царская семья занимала весь первый этажъ губернаторскаго дома, обширнаго и удобнаго. Лица, сопровождавшія Ихъ, жили въ домѣ богатаго тобольскаго купца Корнилова, на другой сторонѣ улицы, почти противъ перваго дома.

Охрана состояла изъ команды царскосельскаго гарнизона (бывшихъ стрѣлковъ Императорской фамиліи), которая прибыла съ нами. Начальникомъ ея состоялъ полковникъ Кобылинскій, человѣкъ сердечный, искренно преданный тѣмъ, кого онъ долженъ былъ охранять; онъ дѣлалъ все возможное, для облегченія участи Царской Семьи.

Вначалѣ, условія нашего заключенія были подобны условіямъ Царскаго Села, и мы ни въ чемъ не нуждались. Тѣмъ не менѣе, Государь и дѣти страдали отъ невозможности совершать большія прогулки. — Дѣйствительно, для прогулокъ Имъ предоставленъ былъ небольшой огородъ и дворъ, обнесенный заборомъ и составлявшій часть широкой улицы.

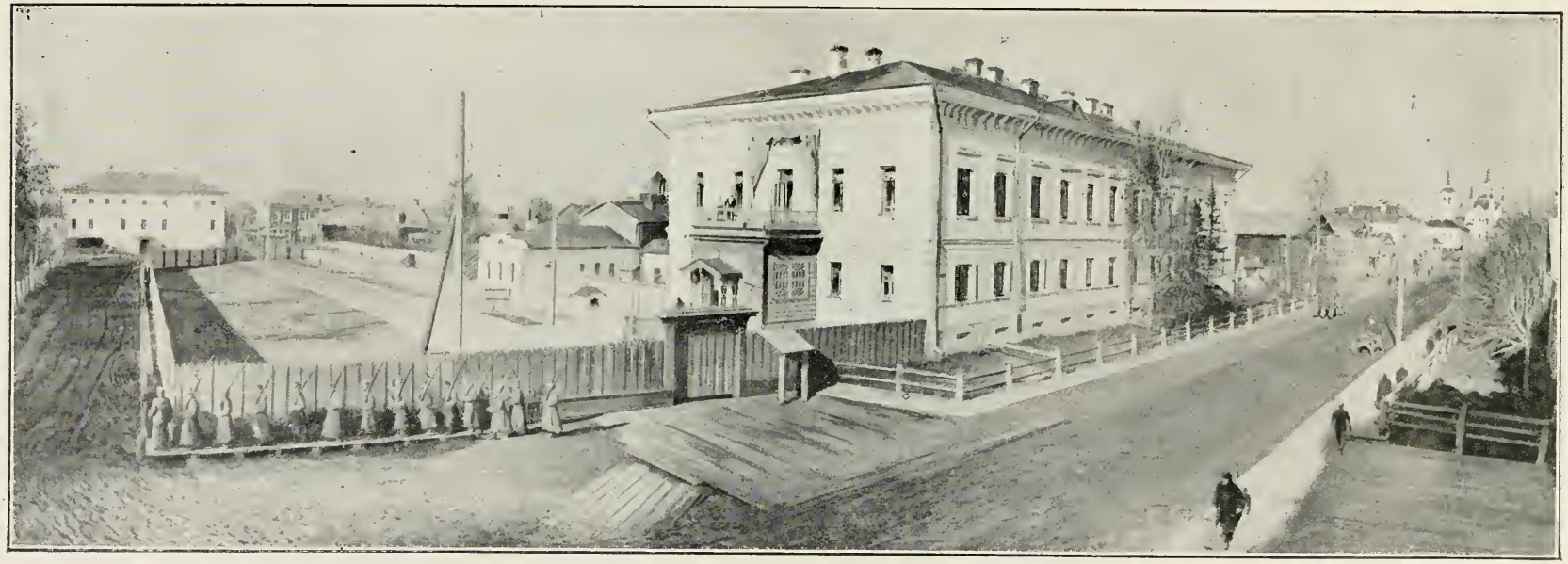
Этого было очень мало и, кромѣ того, приходилось находиться все время подъ наблюденіемъ охраны; изъ казармы солдатъ можно было видѣть все пространство отведенное для прогулокъ.

Лица свиты и прислуга были свободнѣе чѣмъ въ Царскомъ Селѣ и, по крайней мѣрѣ, вначалѣ, могли ходить въ городъ и ближайшія окрестности.

Алексѣй

Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь Алексѣй Николаевичъ въ Ставкѣ-Могилевѣ осенью 1916 г.

ТОБОЛЬСКЪ.



(L'Illustration).

Смѣна караула. — Слѣва на заднемъ планѣ казарма, гдѣ помѣщались солдаты, охранявшіе Государя.
Въ глубинѣ видна оранжерея, на крышѣ которой Государь съ дѣтьми любилъ сидѣть на солнцѣ. На балконѣ Великія Княжны Марія и Анастасія.

Губернаторскій домъ, въ которомъ была заключена Императорская Семья.

Фотографія эта снята г. П. Жильяръ съ балкона противоположнаго дома Корнилова, въ которомъ проживали лица находившіяся при Царской Семьѣ.

Въ сентябрѣ прибылъ въ Тобольскъ комиссаръ Панкратовъ, присланный Керенскимъ. Его сопровождалъ его помощникъ Никольскій, такъ же какъ и первый, бывшій политическій ссыльный. Панкратовъ былъ достаточно образованный человѣкъ, мягкаго характера — типъ неуравновѣшеннаго сектанта. Онъ произвелъ на Государя благопріятное впечатлѣніе; впослѣдствіи Панкратовъ сильно привязался къ дѣтямъ. Никольскій же былъ очень грубъ и дѣйствія его были самыя непріязненныя и злобныя. Какъ ограниченный и упрямый человѣкъ, онъ старался ежедневно придумывать новыя издѣвательства. Такъ, тотчасъ послѣ своего пріѣзда, онъ потребовалъ отъ полковника Кобылинскаго, чтобы насъ заставили фотографироваться. На заявленіе Кобылинскаго, что это излишне, ибо всѣ солдаты знаютъ насъ съ Царскаго Села, онъ отвѣтилъ: «Насъ во время оно заставляли сниматься — теперь чередъ за ними.»

Пришлось подчиниться и съ этихъ поръ у насъ были личныя карточки съ фотографіей и за номеромъ.

Церковныя службы совершались вначалѣ въ домѣ, въ большой залѣ перваго этажа. Священнику церкви Благовѣщенія, ея дьякону и пяти монахинямъ Ивановскаго монастыря разрѣшено было приходить для церковныхъ службъ. Но такъ какъ алтаря не было, то невозможно было служить обѣдни. Это являлось большимъ лишеніемъ для Царской Семьи. Наконецъ, 8/21 сентября, по случаю праздника Рождества Богородицы, заключеннымъ въ первый разъ было разрѣшено отправиться въ церковь. Это доставило имъ величайшую радость, но такое утѣшеніе повторялось очень рѣдко. Въ эти дни всѣ вставали рано и, послѣ сбора во дворѣ, выходили черезъ маленькую дверь въ общественный садъ, который приходилось проходить между двумя рядами солдатъ. Мы присутствовали всегда лишь при ранней обѣднѣ и были почти одни въ церкви, едва освѣщенной нѣсколькими свѣчами. Входъ постороннимъ былъ строго запрещенъ. Мнѣ нерѣдко, идя въ церковь или возвращаясь оттуда, приходилось видѣть людей осѣняющихъ себя крестнымъ знаменіемъ или становящихся на колѣни на пути слѣдованія Ихъ Величествъ.

Въ общемъ, всѣ жители Тобольска проявляли большую привязанность къ Императорской Семьѣ и наша охрана постоянно не допускала останавливаться передъ окнами Государева

дома или снимать шапки и осѣнять себя крестнымъ знаменіемъ, проходя мимо Царя и Его семьи.

Миръ царитъ въ семьѣ.

Наша жизнь, мало по малу, устроилась. Мы прилагали всѣ страданія, дабы достигнуть возможности возобновить воспитаніе Цесаревича и двухъ младшихъ Великихъ Княженъ. Уроки начинались въ 9 часовъ, съ перерывомъ отъ 11 до 12 ч. для прогулки, въ которой всегда принималъ участіе Государь.

Такъ какъ классной комнаты не было, то уроки происходили въ большой залѣ перваго этажа, у Алексѣя Николаевича и у меня въ комнатѣ, — я жилъ въ нижнемъ этажѣ, въ бывшемъ кабинетѣ губернатора.

Въ часъ дня всѣ собирались къ завтраку. Императрица, когда бывала нездорова, завтракала у себя съ Алексѣемъ Николаевичемъ. Около 2 часовъ мы снова выходили и гуляли или играли до 4-хъ часовъ.

Когда дни стали все холоднѣе, мы начали ходить на крышу оранжереи, въ поискахъ за нѣсколькими лучами солнца. Впослѣдствіи мы устроили на крышѣ простыя скамейки и всю зиму и весну проводили тамъ. Это были наши лучшіе часы.

Государь очень тяготился отсутствіемъ физической работы. Полковникъ Кобылинскій, которому Онъ на это жаловался, велѣлъ привезти березовыя бревна, купилъ пилы и топоры и мы стали заготовлять дрова для кухни и дома. Это занятіе было нашимъ главнымъ развлеченіемъ на воздухѣ во все время заключенія въ Тобольскѣ и, даже Великія Княжны пристрастились къ этому новому роду спорта.

Послѣ чая уроки возобновлялись и кончались около шести съ половиной часовъ. Обѣдали полчаса спустя, послѣ чего всѣ шли пить кофе въ большую залу.

Мы всѣ (свита) приглашались проводить вечеръ съ Царской семьей и это стало обычнымъ для многихъ изъ насъ.

Устраивали всякія игры, придумывали всякія развлеченія для того, чтобы какъ либо нарушить однообразіе нашего заключенія.

Когда морозы усилились и большая зала, изъ-за холода, стала необитаема, мы перешли въ сосѣднюю комнату Ея Величества, единственную дѣйствительно удобную во всемъ домѣ.

Государь часто читалъ вслухъ, въ то время какъ Великія Княжны занимались рукодѣліемъ. Императрица обыкновенно играла двѣ-три партіи въ безикъ съ генераломъ Татищевымъ затѣмъ, въ свою очередь, брала какую-нибудь работу, или ложилась на кушетку.

Въ этой мирной, тихой семейной обстановкѣ мы проводили длинные зимніе вечера, какъ бы забытые въ безграничномъ пространствѣ отдаленной Сибири.

Политическое положеніе осложняется.

Наибольшимъ лишеніемъ, во время нашего заключенія въ Тобольскѣ, было отсутствіе извѣстій. Письма попадали къ намъ весьма неправильно и съ большимъ опозданіемъ. Что-же касается газетъ, то мы получали только отвратительный мѣстный листокъ, печатавшійся на оберточной бумагѣ и сообщавшій намъ старыя телеграммы, зачастую въ искаженномъ видѣ.

Государь, между тѣмъ, лихорадочно слѣдилъ за событіями, разыгрывавшимися въ Россіи. Онъ понималъ, что страна гибла. Лучъ надежды вновь родился, когда ген. Корниловъ предложилъ Керенскому двинуться на Петроградъ, съ цѣлью покончить съ большевистскимъ движеніемъ, которое, со дня на день, становилось все болѣе грознымъ.

Его грусть была неописуема, когда Онъ узналъ, что Временное Правительство отклонило это послѣднее средство спасенія. Государь понималъ, что это была, быть можетъ, послѣдняя возможность избѣжать катастрофы. Я тогда въ первый разъ услыхалъ, какъ Онъ пожалѣлъ о своемъ отреченіи.

Царь принялъ это рѣшеніе въ надеждѣ на то, что желавшіе Его удаленія будутъ въ состояніи довести войну до благополучнаго конца и спасти Россію. Государь опасался, чтобы Его сопротивленіе не вызвало гражданской войны и Онъ не хотѣлъ быть причиной пролитія изъ за Него крови хотя бы единаго Русскаго. Но послѣ отъѣзда Царя, развѣ вскорѣ не появился Ленинъ со своими друзьями, купленными нѣмецкими агентами, преступная пропаганда коихъ разрушила армію и развратила страну? Государь страдалъ, понявъ, что Его отреченіе было безполезно и, что, имѣя въ виду лишь благо своей родины, Онъ, отказавшись отъ престола, оказалъ Россіи дурную услугу. Эта мысль все больше и больше преслѣдовала Государя и привела Его къ большому душевному унынію.

Около 2/15-го ноября мы узнали, что Временное Правительство свергнуто и большевики захватили власть. Однако, обстоятельство это не сразу оказало вліяніе на нашу жизнь и, какъ мы увидимъ изъ дальнѣйшаго разсказа, только нѣсколько мѣсяцевъ спустя стали заниматься нами.

Время шло и доходившія до насъ вѣсти становились все хуже и хуже. Намъ, впрочемъ, было очень трудно слѣдить за событіями и схватывать ихъ значеніе, такъ какъ данныя, которыми мы располагали, не давали намъ возможности ни понимать ихъ причины, ни взвѣшивать ихъ послѣдствій. Мы были такъ далеки отъ всего, такъ оторваны отъ міра! И если намъ удавалось узнавать кое что о происходившемъ въ Россіи, то объ Европѣ мы ничего не знали.

Большевизмъ проявляется въ нашей охранѣ.

Между тѣмъ большевистскія доктрины стали проявлять свое разрушительное дѣйствіе въ средѣ нашей охраны, которая до сего времени достаточно хорошо противилась этой заразѣ. Охрана наша состояла изъ весьма различныхъ частей: солдаты 1-го и 4-го полковъ были, большею частью, хорошо расположены къ Царской семьѣ, особенно къ дѣтямъ. Великія Княжны, со свойственной Имъ простотой, которая и составляла Ихъ привлекательность, любили разговаривать съ этими людьми, которые также какъ Онѣ были привязаны къ прошлому, разспрашивали объ ихъ семьяхъ, селахъ, о сраженіяхъ, въ которыхъ они участвовали во время великой войны. Алексѣй Николаевичъ, который для нихъ оставался «Наслѣдникомъ», тоже снискалъ ихъ расположеніе и они старались доставлять Ему всякія удовольствія и развлеченія. Отдѣленіе 4-го полка, состоявшее почти сплошь изъ старослужащихъ, отличалось особенной привязанностью и появленіе этихъ солдатъ бывало всегда особымъ удовольствіемъ для Царской семьи.

Въ эти дни Государь и дѣти тайкомъ отправлялись въ караульное помѣщеніе, разговаривали и играли въ шашки съ солдатами, причемъ никогда ни одинъ изъ послѣднихъ не позволилъ себѣ уклониться отъ самой строгой почтительности.

При такихъ обстоятельствахъ они однажды были захвачены врасплохъ комиссаромъ Панкратовымъ, который остановился въ удивленіи на порогѣ комнаты и разсматривалъ сквозь очки эту небывалую картину.

Государь, видя его удивленіе, знакомъ предложилъ ему подсѣсть къ столу.

Однако комиссаръ, очевидно, чувствовалъ себя не на мѣстѣ: онъ пробормоталъ нѣсколько непонятныхъ словъ и, повернувшись, вышелъ сконфуженный.

Панкратовъ, какъ я указывалъ раньше, былъ сектантъ, проникнутый человѣколюбивыми принципами; — онъ былъ человѣкъ недурной.

Тотчасъ послѣ своего пріѣзда, онъ организовалъ уроки для солдатъ, посвящая ихъ въ либеральныя доктрины и стараясь развить въ нихъ патріотизмъ и гражданственность. Но усилія его обернулись противъ него-же. Будучи убѣжденнымъ противникомъ большевиковъ, онъ въ дѣйствительности лишь подготовилъ почву для нихъ и поощрилъ, не отдавая себѣ въ томъ отчета, успѣхъ ихъ идей. Ему пришлось, какъ увидимъ впослѣдствіи, стать ихъ первой жертвою.

Среди солдатъ 2-го полка съ самаго начала были замѣтны революціонныя идеи; еще въ Царскомъ Селѣ они доставляли намъ немало непріятностей.

Большевистскій переворотъ увеличилъ ихъ силу и наглость. Они добились установленія «солдатскаго комитета», который стремился ввести въ нашъ режимъ новыя строгости и, мало по малу, подчинить своей власти и полковника Кобылинскаго. Мы убѣдились въ этомъ по случаю пріѣзда баронессы Буксгевденъ (въ концѣ декабря, по русскому календарю). Она раздѣляла наше заключеніе въ Царскомъ Селѣ, но состояніе ея здоровья помѣшало ей выѣхать съ нами. Едва поправившись, она, съ разрѣшенія Керенскаго, отправилась къ Ея Величеству. Солдатскій комитетъ наотрѣзъ отказался пустить ее въ домъ и она принуждена была поселиться въ городѣ. Это было большимъ огорченіемъ для Императрицы и для всей семьи, такъ какъ ея пріѣзда ждали съ большимъ нетерпѣніемъ.

Такимъ образомъ мы дожили до Рождества. Императрица и Великія Княжны собственноручно приготовили, въ теченіе многихъ недѣль, по подарку для каждаго изъ насъ и для каждаго изъ слугъ. Императрица роздала нѣсколько шерстяныхъ жилетовъ, которые Она сама связала. Этимъ трогательнымъ вниманіемъ Она старалась выразить благодарность тѣмъ, кто остался Ей вѣрнымъ.

24-го декабря священникъ пришелъ на домъ служить всенощную. Всѣ собрались въ большой залѣ и дѣтямъ доставило громадное удовольствіе подарить каждому изъ насъ предназначенный намъ «сюрпризъ». Чувствовалось, что мы всѣ составляемъ одну большую семью. Мы старались забыть свои заботы и тревожное время, чтобы наслаждаться, безъ всякихъ грустныхъ мыслей, въ полномъ единеніи сердецъ, этими минутами чистой дружбы.

На слѣдующій день мы пошли въ церковь. По приказанію священника, дьяконъ провозгласилъ многолѣтіе Царской Семьѣ Эта неосторожность навлекла только лишнія строгости. Солдаты, подъ угрозою смерти, потребовали удаленія священника Это обстоятельство омрачило благопріятное впечатлѣніе праздника.

Непріятности учащаются.

Начиная съ 1/14 января 1918 года, я возобновилъ свой дневникъ, который прекратилъ во время перевода нашего въ Тобольскъ; я приведу изъ него нѣсколько выдержекъ, подобно тому, какъ я дѣлалъ, описывая наше заключеніе въ Царскомъ Селѣ.

Понедѣльникъ, 1/14 января: — Сегодня утромъ были въ церкви и новый священникъ служилъ въ первый разъ. Что касается отца Васильева (виновникъ случая упомянутаго выше), то онъ былъ сосланъ въ Абалатскій монастырь, по приказанію епископа Гермогена.

Среда, 3/16 января: — Въ 2 часа пополудни собрался солдатскій комитетъ нашего гарнизона. Ста голосами противъ 85, комитетъ постановилъ приказать снять погоны солдатамъ и офицерамъ.

Четвергъ, 4/17 января: — Полковникъ Кобылинскій пришелъ сегодня утромъ въ штатскомъ платьѣ, такъ какъ ему противно было надѣть офицерскій мундиръ безъ погонъ.

Пятница, 5/18 января: — Священникъ и пѣвчіе (1) пришли въ три часа. Сегодня день Крещенія и водосвятіе. Въ первый разъ новый священникъ служилъ въ домѣ. Когда Алексѣй Николаевичъ приложился къ кресту, священникъ нагнулся и поцѣловалъ Его въ лобъ. Послѣ обѣда генералъ Татищевъ и

(1) Четыре монахини, приходившія пѣть вначалѣ, были замѣнены церковными пѣвчими одной изъ тобольскихъ церквей.

князь Долгоруковъ подошли къ Государю и умоляли Его снять погоны, дабы избѣжать буйныхъ выступленій со стороны солдатъ.

У Государя чувствуется сильное возмущеніе, затѣмъ Онъ обмѣнивается взглядомъ и нѣсколькими словами съ Императрицей; Онъ сдерживаетъ себя и рѣшается сдѣлать это для безопасности своей семьи.

Суббота, 6/19 января: — Сегодня утромъ мы пошли въ церковь. Государь надѣлъ кавказскую бурку, которая всегда безъ погонъ. Что касается Алексѣя Николаевича, то Онъ скрылъ свои погоны подъ башлыкомъ. Императрица сказала мнѣ сегодня, что Государь и Она приглашаютъ меня впредь оставаться къ вечернему чаю (1). Я оставался до 10-ти часовъ, когда Великія Княжны уходили къ себѣ. (Алексѣй Николаевичъ всегда ложился въ девять часовъ).

[Ихъ Величества имѣли обыкновеніе приглашать къ чаю, который Императрица всегда сама разливала въ болѣе тѣсномъ кругу, — графиню Гендрикову, генерала Татищева, князя Долгорукова и, когда ихъ занятія имъ это позволяли, г-жу Шнейдеръ и доктора Боткина.

Въ эти часы, проведенные въ тѣсномъ семейномъ кругу, я получилъ возможность съ чувствомъ глубокаго умиленія наблюдать духовное величіе и безграничную доброту Государя и Государыни].

Понедѣльникъ, 8/21 января: — Ночью выпалъ глубокій снѣгъ. Мы начали строить «ледяную гору».

Пятница, 12 26 января: — Именины Татьяны Николаевны. Молебенъ въ домѣ. Чудный солнечный зимній день — 15 градусовъ Реомюра. Мы продолжали, какъ въ предъидущіе дни, строить ледяную гору, и солдаты изъ охраны пришли намъ помогать.

Среда, 17/30 января: — Сегодня хорошее отдѣленіе 4-го полка въ нарядѣ по охранѣ. Государь и дѣти пошли играть съ солдатами въ караульное помѣщеніе.

Суббота, 20 января (2 февраля): — Князь Долгоруковъ и я полили сегодня ледяную гору. Было такъ холодно (23 гр. Р.), что вода замерзала пока мы несли ее отъ кухоннаго крана

(1) Въ настоящее время я единственный, оставшійся въ живыхъ изъ участниковъ этихъ вечернихъ чаевъ въ ТобольскѢ.

до горы. Изъ ведеръ и отъ горы шелъ паръ. Съ завтрашняго дня дѣти будутъ въ состояніи кататься съ горы.

Понедѣльникъ, 22 января (4 февраля): — Говорятъ, что термометръ сегодня ночью опустился до 30 гр. Р. Сильнѣйшій вѣтеръ. Спальня Великихъ Княженъ (Онѣ спятъ вчетверомъ въ одной комнатѣ) — настоящій ледникъ.

Среда, 24 января (6 февраля): — Оказывается, что по требованію 2-го полка, солдаты постановили, чтобы комиссаръ Панкратовъ и его помощникъ Никольскій были смѣнены.

Пятница, 26 января (8 февраля): — Въ засѣданіи своемъ послѣ полудня, солдаты постановили, что комиссаръ Панкратовъ будетъ замѣненъ большевистскимъ комиссаромъ, котораго выпишутъ изъ Москвы. Дѣла вообще идутъ все хуже и хуже. По слухамъ, военныя дѣйствія прекратились между совѣтской Россіей съ одной стороны и Германіей, Австріей и Болгаріей, съ другой. Армія распущена по домамъ, но миръ еще не подписанъ Ленинымъ и Троцкимъ.

Среда, 31 января (13 февраля): — Государь сказалъ мнѣ, что вслѣдствіе демобилизаціи арміи нѣсколько призывовъ распущены. Стало быть, всѣ старые солдаты (лучшіе) насъ покинутъ. Государь очень этимъ озабоченъ; перемѣна можетъ имѣть для насъ весьма непріятныя послѣдствія.

Пятница, 2/15 февраля: — Часть солдатъ уже ушла. Они тайкомъ пришли прощаться съ Государемъ и съ Его семьей. За вечернимъ чаемъ у Ихъ Величествъ, генералъ Татищевъ, съ откровенностью, которую допускали обстоятельства, выразилъ свое удивленіе по поводу того насколько тѣсна и сердечна была семейная жизнь Государя , Государыни и дѣтей. Государь, улыбаясь, взглянулъ на Императрицу и сказалъ: «Ты слышишь, что только что сказалъ Татищевъ?» Затѣмъ, съ обычной своей добротой, но съ нѣкоторой грустью, Онъ прибавилъ: «Если вы, Татищевъ, который были Моимъ генералъ-адъютантомъ и имѣли столько случаевъ узнать Насъ, вы все-таки знали Насъ такъ плохо, какъ же вы хотите, чтобы Императрица и Я могли обижаться на то, что о Насъ говорятъ газеты?»

Среда, 7/20 февраля: — Государь объявилъ мнѣ, что нѣмцы взяли Ревель, Ровно и т. д., что они продолжаютъ продвигаться на всемъ фронтѣ. Видно, что Его Величество глубоко потрясенъ.

Строгій надзоръ.

Понедѣльникъ, 12/25 февраля: — Полковникъ Кобылинскій получилъ телеграмму, объявляющую ему, что съ 1-го марта «Николай Романовъ и его семья должны быть зачислены на солдатскій паекъ, и, что каждый членъ семьи будетъ получать 600 рублей въ мѣсяцъ изъ доходовъ ихъ личнаго состоянія». До сихъ поръ всѣ расходы уплачивались за счетъ казны. Стало быть, надо будетъ содержать весь домъ на 4200 рублей въ мѣсяцъ.

Вторникъ, 13/26 февраля: — Ея Величество проситъ меня помочь Ей въ счетоводствѣ и составить роспись расходовъ на семью. У Нея остались нѣкоторыя сбереженія, отъ расходовъ на одежду.

Среда, 14/27 февраля:—Государь шутя объявляетъ намъ, что такъ какъ всѣ назначаютъ комитеты, то Онъ тоже назначитъ комитетъ, чтобы вести дѣла всего общества. Комитетъ будетъ состоять изъ генерала Татищева, князя Долгорукова и меня.

Мы «засѣдали» сегодня днемъ и пришли къ убѣжденію, что необходимо сократить личный составъ. Намъ это было очень прискорбно; — необходимо разсчитать 10 человѣкъ прислуги, у большинства коихъ семьи находятся съ ними въ Тобольскѣ.

Когда мы объявили это Ихъ Величествамъ, то видѣли какое причинили Имъ горе: придется разстаться со слугами, преданность коихъ повергнетъ ихъ теперь въ нищету!

Пятница, 16 февраля (1 марта): — Вошло въ силу новое положеніе. Съ сегодняшняго дня, масло и кофе исключены изъ нашего стола, какъ предметы роскоши.

Понедѣльникъ, 19 февраля (4 марта): — Солдатскій комитетъ постановилъ разрушить ледяную гору, которую мы построили (гора была такимъ громаднымъ развлеченіемъ для дѣтей), потому что Государь и Государыня взошли на эту гору, чтобы присутствовать при уходѣ солдатъ 4-го полка. Каждый день происходятъ новыя издѣвательства надо всѣми окружающими Царскую Семью, такъ-же какъ надъ Ними Самими. Уже давно мы (свита) не можемъ выходить иначе какъ въ сопровожденіи солдата; — возможно, что насъ лишатъ и этой свободы.

Вторникъ, 20 февраля (5 марта): — Готово: солдаты пришли вчера вечеромъ, какъ злоумышленники (они сознавали, что поступаютъ гадко), разрушить гору мотыгами. Дѣти въ отчаяніи.

Пятница, 2/15 марта: — Населеніе города, узнавъ о нашемъ положеніи, разными способами доставляетъ намъ яйца, сласти и пирожныя.

Воскресенье, 4/17 марта: — Воскресенье масляницы. Всѣ веселятся. Сани то и дѣло проѣзжаютъ мимо нашихъ оконъ; слышны звонки, бубенчики, гармонія, пѣсни... Дѣти начинаютъ скучать; Они ходятъ по двору, окруженному высокимъ сплошнымъ заборомъ. Съ тѣхъ поръ, какъ гора Ихъ разрушена, Ихъ единственное развлеченіе пилить и колоть дрова.

Дерзость солдатъ превосходитъ всякое воображеніе. Тѣ, которые уѣхали, замѣнены молодежью, отвратительной внѣшности.

Ихъ Величества, несмотря на увеличивающееся со дня на день уныніе, надѣются, что среди вѣрныхъ Имъ людей, все же найдется нѣсколько человѣкъ, которые постараются Ихъ освободить.

Никогда условія не были болѣе благопріятны для бѣгства, такъ какъ въ Тобольскѣ нѣтъ еще представителя власти большевиковъ. Было бы очень легко, при участіи полковника Кобылинскаго, давно расположеннаго къ намъ, обмануть дерзкое и вмѣстѣ съ тѣмъ небдительное наблюденіе за нами нашей охраны. Достаточно было бы, чтобы нѣсколько энергичныхъ людей дѣйствовали извнѣ по плану и рѣшительно. Мы нѣсколько разъ настаивали передъ Государемъ, чтобы Онъ былъ готовъ ко всякимъ непредвидѣннымъ обстоятельствамъ. Онъ ставитъ два условія, которыя сильно осложняютъ дѣло. Государь не допускаетъ, чтобы семья была раздѣлена и не соглашается покинуть территорію Россійской Имперіи.

Императрица часто говорила мнѣ по этому поводу: «Ни за что Я не хочу покидать Россіи, такъ какъ Я полагаю, что если бы Намъ пришлось выѣхать за-границу, Мы потеряли бы послѣднюю связь со всѣмъ Нашимъ прошлымъ; мнѣ кажется, что это прошлое умерло бы безвозвратно!»

Понедѣльникъ, 5/18 марта: — Вся семья, какъ обыкновенно, будетъ говѣть на первой недѣлѣ Великаго Поста. Церковныя службы совершаются утромъ и вечеромъ. Такъ какъ

У подъѣзда дома. (L'Illustration)

Великія Княжны. Царевичъ. Государь Императоръ.

(L'Illustration).

Государь Императоръ пилитъ дрова съ г. П. Жильяръ. Сзади, на крышѣ оранжереи, видна скамейка, построенная заключенными; на ней Государь Императоръ съ Августѣйшими Дѣтьми любилъ сидѣть на солнцѣ.

(L'Illustration)

Комната Августѣйшихъ Дочерей Ихъ Величествъ въ губернаторскомъ домѣ въ Тобольскѣ. На стѣнахъ много фотографій — воспоминанія счастливыхъ дней; около каждой кровати — икона; у противоположной стѣны стояли двѣ другія постели.

(L'Illustration).

Церковь, устроенная въ большомъ залѣ.

Кабинетъ Государя Императора.

пѣвчіе очень заняты и приходить не могутъ, то Императрица и Великія Княжны поютъ съ дьякономъ.

Вторникъ, 6/19 марта: — Послѣ завтрака говорили о Брестъ-Литовскомъ договорѣ, который только что подписанъ. Государь былъ несказанно огорченъ этимъ обстоятельствомъ. «Это такой позоръ для Россіи, сказалъ Онъ, это позоръ равносильный самоубійству. Я никогда бы не повѣрилъ, что Императоръ Вильгельмъ и германское правительство могутъ унизиться до того, чтобы пожать руку этимъ мерзавцамъ, которые предали свою страну. Но Я убѣжденъ, что это не принесетъ имъ счастья: не это поможетъ имъ спастись отъ разгрома!»

Когда князь Долгоруковъ, нѣсколько позже сказалъ, что въ газетахъ появилось свѣдѣніе о требованіи Германіи выдать ей Царскую семью цѣлой и невредимой, Государь воскликнулъ: «Если это не маневръ чтобы Меня дискредитировать, то во всякомъ случаѣ это оскорбленіе, которое Мнѣ наносятъ!» А Императрица вполголоса прибавила: «Послѣ того, что они сдѣлали съ Государемъ, Я предпочитаю умереть въ Россіи, чѣмъ быть спасенной нѣмцами!»

Пятница, 9/22 марта: — Послѣ всенощной, которая кончилась въ 9 1/4 ч. всѣ исповѣдывались: дѣти, прислуга, свита и затѣмъ Ихъ Величества.

Суббота, 10/23 марта: — Въ 7 1/2 ч. утра мы отправились въ церковь къ Св. Причастію.

Большевики пріѣзжаютъ.

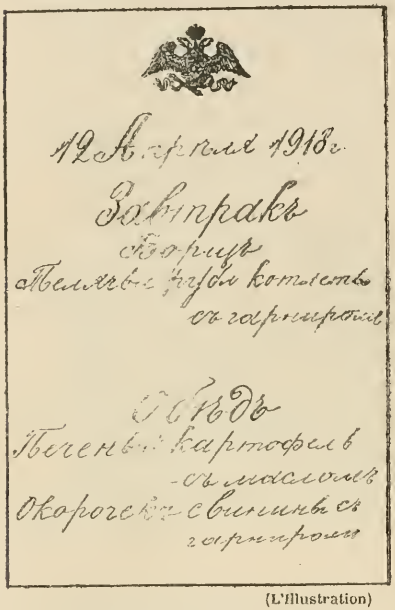
Вторникъ, 13/26 марта: — Охрана болѣе чѣмъ изъ ста красноармейцевъ прибыла изъ Омска; это первые большевики, составляющіе гарнизонъ Тобольска.

Ея Величество, тѣмъ не менѣе, сказала мнѣ, что среди прибывшихъ, находится немало офицеровъ, которые явились въ качествѣ простыхъ солдатъ. Она увѣряетъ меня, что 300 офицеровъ собралось въ Тюмени.

Вторникъ, 27 марта (9 апрѣля): — Большевистскій комиссаръ, пріѣхавшій изъ Омска съ охраной, потребовалъ, чтобы его допустили къ осмотру дома.

Солдаты нашей охраны отказали ему. Полковникъ Кобылинскій очень озабоченъ, такъ какъ боится какого либо столкновенія. Мѣры предосторожности: патрули, удвоенные посты. Мы проводимъ безпокойную ночь.

Среда, 28 марта, (10 апрѣля): — Общее собраніе чиновъ нашей охраны, на которомъ большевистскій комиссаръ объявляетъ о своихъ полномочіяхъ. Ему дано право въ 24 часа разстрѣлять безъ суда, всякаго кто будетъ противиться его приказаніямъ. Его впускаютъ въ домъ.



(L'Illustration)

Меню завтрака и обѣда Царской Семьи въ Тобольскѣ.

Пятница, 30 марта (12 апрѣля): — Алексѣй Николаевичъ остался въ постели, такъ какъ со вчерашняго дня испытываетъ мучительную боль въ паху, вслѣдствіе сдѣланнаго напряженія. Онъ чувствовалъ себя такъ хорошо эту зиму! Надо надѣяться, что нѣтъ ничего серьезнаго.

Солдатъ нашей охраны, посланный въ Москву, вернулся сегодня и передалъ полковнику Кобылинскому бумагу отъ Центральнаго Исполнительнаго Комитета съ приказаніемъ поставить насъ въ еще болѣе строгія условія. Генералъ Татищевъ, князь Долгоруковъ и графиня Гендрикова должны быть переведены въ нашъ домъ и считаться арестованными. Объявлено также о скоромъ прибытіи комиссара съ особыми полномочіями, который приведетъ солдатъ для усиленія караула.

Суббота, 31 марта (13 апрѣля): — Всѣ кто жилъ въ домѣ Корнилова: графиня Гендрикова, г-жа Шнейдеръ, генералъ Татищевъ, князь Долгоруковъ и г. Гиббсъ (1), переселяются къ намъ. Только доктора Боткинъ и Деревенко оставлены на свободѣ. Со вчерашняго дня боль въ паху Алексѣя Николаевича усилилась.

Понедѣльникъ, 2/15 апрѣля: — Алексѣй Николаевичъ очень страдалъ вчера и сегодня. Это одинъ изъ сильныхъ приступовъ имофиліи.

(1) Учитель-англичанинъ, присоединившійся къ намъ въ Тобольскѣ въ сентябрѣ.

Вторникъ, 3 16 апрѣля: — Полковникъ Кобылинскій, офицеръ охраны и нѣсколько солдатъ пришли сдѣлать обыскъ въ домѣ. У Государя отняли кинжалъ, который Онъ носилъ при черкескѣ.

Понедѣльникъ, 9/22 апрѣля: — Комиссаръ изъ Москвы прибылъ сегодня съ небольшимъ числомъ охраны; его фамилія — Яковлевъ. Я пилъ чай вечеромъ у Ихъ Величествъ. Всѣ очень озабочены и въ большомъ унынiи. Въ прибытiи комиссара всѣ чувствуютъ неопредѣленную, но дѣйствительную угрозу.

Вторникъ, 10/23 апрѣля: — Въ 11 часовъ утра, пришелъ комиссаръ Яковлевъ. Онъ осмотрѣлъ весь домъ, затѣмъ прошелъ къ Государю и съ Нимъ къ Алексѣю Николаевичу, который лежитъ въ постели.

Не будучи въ состоянiи видѣть Императрицу, которая была неготова, онъ вернулся нѣсколько позже со своимъ помощникомъ и вторично посѣтилъ Алексѣя Николаевича. (Онъ хотѣлъ, чтобы его помощникъ тоже убѣдился въ болѣзни ребенка). Выходя, онъ спросилъ коменданта, много ли у насъ багажа. Неужели вопросъ идетъ о нашемъ отъѣздѣ?

Среда, 11/24 апрѣля: — Мы всѣ очень взволнованы. У насъ чувство, что мы всѣми забыты, предоставлены самимъ себѣ и отданы на усмотрѣнiе этого человѣка. Возможно ли, что никто не дѣлаетъ ни малѣйшаго усилiя, чтобы спасти Царскую семью? Гдѣ-же тѣ, которые остались вѣрны Государю? Почему они опаздываютъ?

Государя увозятъ.

Четвергъ, 12/25 апрѣля: — За нѣсколько минутъ до 3-хъ часовъ, когда я проходилъ по коридору, я встрѣтилъ двухъ человѣкъ прислуги, которые рыдали. Они сказали мнѣ, что Яковлевъ пришелъ объявить Государю, что онъ Его увозитъ. Что-же происходитъ? Я не смѣю пойти наверхъ безъ приглашенiя и возвращаюсь къ себѣ. Нѣсколько минутъ спустя, Татьяна Николаевна постучалась въ мою дверь. Со слезами на глазахъ Она говоритъ мнѣ, что Ея Величество проситъ меня къ Себѣ. Я слѣдую за Ней.

Императрица одна и очень взволнована. Она подтверждаетъ, что Яковлевъ былъ присланъ изъ Москвы, чтобы увезти Государя и, что отъѣздъ состоится сегодня ночью. «Онъ увѣ

ряетъ, — говоритъ Она, — что ничего съ Государемъ не случится и, что если кто либо желаетъ Его сопровождать, то чинить препятствій этому не будутъ. Я не могу отпустить Государя одного. Его хотятъ отдѣлить отъ семьи какъ тогда» (1)

«Его постараются заставить сдѣлать что-либо дурное, угрожая жизни Его семьи... Государь имъ нуженъ; они хорошо чувствуютъ, что лишь Онъ представляетъ собою Россію... Вдвоемъ Мы будемъ сильнѣй, для того, чтобы сопротивляться и Я должна быть при Немъ въ этомъ испытаніи... Но маленькій еще боленъ... Что, если случится осложненіе?... Боже мой, какое ужасное мученіе!.. Первый разъ въ жизни Я не знаю какъ Мнѣ поступить; Я всегда чувствовала какъ бы наитіе, когда Я должна была принять какое-нибудь рѣшеніе, а теперь Я ничего не знаю... Но Господь Богъ не допуститъ этого отъѣзда, Онъ не можетъ этого допустить, этого не должно быть. Я увѣрена, что сегодня ночью начнется ледоходъ» (2).

Въ это время въ разговоръ вступаетъ Татьяна Николаевна: — «Мама, если тѣмъ не менѣе Папа долженъ уѣхать, надо-же на что-нибудь рѣшиться...» Тогда я поддержалъ Татьяну Николаевну, сказавъ, что Алексѣю Николаевичу лучше и, что мы будемъ старательно ухаживать за Нимъ...

Замѣтно было какъ Императрица мучилась и страдала отъ своей нерѣшительности. Она ходила по комнатѣ, Она продолжна говорить, обращаясь скорѣе сама къ себѣ, чѣмъ къ намъ. Въ концѣ концовъ Она подошла ко мнѣ и сказала:

«Да, такъ лучше; Я поѣду съ Государемъ, поручаю вамъ Алексѣя...»

Нѣсколько минутъ спустя, вошелъ Государь. Она пошла Ему навстрѣчу и сказала:

«Рѣшено, Я поѣду съ Тобой и Марія будетъ Насъ сопровождать». Государь отвѣтилъ: «Хорошо, воля Твоя».

Я сошелъ къ себѣ внизъ и весь день прошелъ въ приготовленіяхъ.

Князь Долгоруковъ и докторъ Боткинъ будутъ сопровождать Ихъ Величества, поѣдутъ съ Ними также Чемадуровъ (камердинеръ Государя), Анна Демидова (горничная Импе-

(1) Императрица намекала на отреченіе Государя.

(2) Во время ледохода переправляться черезъ рѣку было невозможно. Приходилось ждать нѣсколько дней возстановленія парома.

ратрицы) и Сѣдневъ (лакей Великихъ Княженъ). Было рѣшено, что 8 офицеровъ и солдатъ нашей охраны, поѣдутъ съ Ними.

Вся семья провела день послѣ полудня около постели Алексѣя Николаевича.

Въ 10 1/2 ч. вечера, мы пошли наверхъ пить чай. Императрица сидитъ на диванѣ и рядомъ съ Нею двѣ Ея дочери. Онѣ такъ много плакали, что лица Ихъ распухли.

Каждый изъ насъ скрываетъ свое страданіе и старается быть спокойнымъ. У насъ такое чувство, что если одинъ изъ насъ сдастъ, то онъ повлечетъ за собой всѣхъ остальныхъ. Государь и Государыня серьезны и задумчивы. Чувствуется, что Они готовы на всякія жертвы, до своей жизни включительно, для спасенія Родины, если такъ Богу будетъ угодно по неисповѣдимымъ путямъ Его. Никогда Они не выказали по отношенію къ намъ большей доброты и вниманія.

Величественное чистосердечіе, удивительная вѣра, охватывающая Ихъ, передается и намъ. Въ 11 1/2 часовъ прислуга собирается въ большой залѣ. Ихъ Величества и Марія Николаевна прощаются съ ними. Государь цѣлуетъ всѣхъ мужчинъ, Императрица всѣхъ женщинъ. Почти всѣ плачутъ. Ихъ Величества уходятъ къ себѣ; мы всѣ идемъ въ мою комнату. Въ 3 1/2 ч. экипажи въѣзжаютъ во дворъ. Это отвратительные тарантасы. У одного изъ нихъ имѣется верхъ. На заднемъ дворѣ мы находимъ немного соломы, которую кладемъ на дно экипажей. Въ экипажъ, предназначенный для Государыни, мы кладемъ матрацъ.

Въ 4 часа мы подымаемся къ Ихъ Величествамъ, которые въ это время выходятъ изъ комнаты Алексѣя Николаевича.

Государь, Государыня и Марія Николаевна прощаются съ нами. Императрица и Великія Княжны плачутъ, Государь кажется спокойнымъ и находитъ возможность сказать каждому изъ насъ бодрящее слово. Онъ цѣлуетъ насъ, а Императрица, прощаясь со мной, проситъ меня не сходить въ нижній этажъ а оставаться при Алексѣѣ Николаевичѣ. Я отправляюсь къ ребенку, который плачетъ въ кровати. Нѣсколько минутъ спустя мы слышимъ уѣзжающіе экипажи. Великія Княжны, рыдая, проходятъ мимо дверей комнаты брата.

Суббота, 14/27 апрѣля: — Кучеръ, отвозившій Императрицу до первой остановки, принесъ записку отъ Маріи Нико-

лаевны. Дороги разбиты, условія путешествія ужасны. Какъ Императрица вынесетъ это путешествіе? Какое безпокойство о нихъ всѣхъ!

..Воскресенье, 15/28 апрѣля: — Полковникъ Кобылинскій получилъ телеграмму о томъ, что всѣ благополучно прибыли въ Тюмень, въ субботу, въ 9 1/2 ч. вечера.

Въ большой залѣ поставили «походную церковь». Священникъ можетъ служить обѣдню, такъ какъ имѣется освященный алтарь. Вечеромъ получена вторая телеграмма, посланная послѣ отъѣзда изъ Тюмени: «Путешествуемъ въ хорошихъ условіяхъ. Какъ здоровье маленькаго? Господь съ вами.»

Понедѣльникъ, 16/29 апрѣля: — Дѣти получили изъ Тюмени письмо отъ Императрицы. Путешествіе было весьма мучительно. Лошади при переѣздѣ черезъ рѣки погружались въ воду по брюхо. Колеса ломались нѣсколько разъ.

Среда, 18 апрѣля (1 мая): — Алексѣй Николаевичъ всталъ съ постели; Нагорный донесъ Его до колеснаго кресла; Его возили на солнцѣ.

Четвергъ, 19 апрѣля (2 мая): — Все нѣтъ никакихъ извѣстій съ тѣхъ поръ какъ Они покинули Тюмень. Гдѣ Они находятся? Они могли бы уже во вторникъ, доѣхать даже до Москвы!

Пятница, 20 апрѣля (3 мая): — Полковникъ Кобылинскій получилъ телеграмму, что Ихъ Величества остановили въ Екатеринбургѣ. Что-же случилось?

Суббота, 21 апрѣля (4 мая): — Грустный канунъ Пасхи. Всѣ подавлены.

Воскресенье, 22 апрѣля (5 мая): — Пасха. — Все безъ извѣстій.

Вторникъ, 24 апрѣля (7 мая): — Дѣти, наконецъ, получили письмо изъ Екатеринбурга о томъ, что всѣ здоровы, но безъ объясненія причинъ, почему Они остановились въ этомъ городѣ. Сколько тревоги чувствуется между строкъ!

Среда, 25 апрѣля (8 мая): — Солдаты и офицеры нашей охраны, сопровождавшіе Ихъ Величества, вернулись изъ Екатеринбурга. Они разсказали, что, по прибытіи въ Екатеринбургъ, поѣздъ Ихъ Величествъ былъ окруженъ красноармейцами, и что Ихъ Величества и Марія Николаевна были заключены въ домѣ Ипатьева, что князь Долгоруковъ въ тюрьмѣ, и что

они сами были отпущены на свободу лишь послѣ двухъ дней ареста.

Суббота, 28 апрѣля (11 мая): — Полковникъ Кобылинскій устраненъ отъ должности и мы зависимъ теперь отъ тобольскаго Совѣта.

Пятница, 4/17 мая: — Солдаты нашей охраны замѣнены красноармейцами, привезенными изъ Екатеринбурга комиссаромъ Родіоновымъ, который пріѣхалъ за нами.

Генералъ Татищевъ и я чувствуемъ, что намъ необходимо насколько возможно отсрочить нашъ отъѣздъ, но Великія Княжны такъ жаждутъ увидѣть своихъ родителей, что мы не имѣемъ нравственнаго права идти противъ Ихъ страстнаго желанія.

Суббота, 5/18 мая: — Всенощная. — Священникъ и монахини по приказанію комиссара были раздѣты и обысканы.

Воскресенье, 6/19 мая: — День рожденія Государя... Нашъ отъѣздъ назначенъ на завтра. Комиссаръ отказывается разрѣшить приходъ священника; онъ запрещаетъ Великимъ Княжнамъ запирать на ночь свою дверь.

Понедѣльникъ, 7/20 мая: — Въ 11 1/2 ч. мы покидаемъ домъ и всходимъ на тотъ-же пароходъ «Русь», на которомъ мы прибыли съ Ихъ Величествами восемь мѣсяцевъ тому назадъ. Баронесса Буксгевденъ, получившая разрѣшеніе выѣхать съ нами, присоединилась къ намъ. Мы покидаемъ Тобольскъ въ пять часовъ. Комиссаръ Родіоновъ запираетъ Алексѣя Николаевича съ Нагорнымъ въ каютѣ. Мы протестуемъ; ребенокъ боленъ и докторъ долженъ имѣть возможность входить къ Нему во всякое время.

Среда, 10/23 мая: — Утромъ мы прибываемъ въ Тюмень и, нѣсколько часовъ спустя, уѣзжаемъ, по желѣзной дорогѣ, въ Екатеринбургъ...

Заключеніе.

Послѣдующія событія извѣстны изъ начала разсказа.

По прибытіи въ Екатеринбургъ, меня грубо и жестоко разлучили съ Царской семьей. Для Царской семьи это былъ послѣдній періодъ Ихъ долгаго страданія. Два мѣсяца мученій еще отдѣляютъ Ихъ отъ окончательной гибели. Это періодъ

времени, когда Германія, во что бы то ни стало хочетъ торжествовать и мнитъ себя близкой къ побѣдѣ, и въ то время какъ Вильгельмъ братается съ Ленинымъ, его полчища вторично пытаются ринуться на Парижъ.

Въ необъятномъ развалѣ Россіи, остались, однако, два уголка, гдѣ все еще уповаютъ; въ этой глубокой ночи есть еще два очага гдѣ теплится огонекъ вѣры!

Съ одной стороны, это маленькая, доблестная добровольческая армія генерала Алексѣева, которая отчаянно борется противъ совѣтскихъ полковъ, руководимыхъ германскими офицерами.

Съ другой стороны, за стѣнами заключенія, Государь Императоръ тоже ведетъ послѣднюю свою борьбу.

Поддерживаемый Императрицей, Онъ отклонилъ всѣ германскія предложенія. Имъ нечѣмъ больше жертвовать кромѣ своей жизни. Они готовы отдать ее скорѣе, чѣмъ примириться съ тѣми, кто разрушилъ Ихъ родину и отнялъ у нея честь.

И смерть приближается, но она не въ силахъ раздѣлить тѣхъ, кого жизнь такъ тѣсно соединила; смерть уноситъ всѣхъ семерыхъ, полныхъ той-же вѣры и той-же любви.

Я знаю, что событія говорятъ за себя; я могу лишь прибавить, — что несмотря на то, что я вновь переживаю тѣ-же волненія при воспоминаніи объ ужасныхъ дняхъ, пережитыхъ часъ за часомъ — мое литературное произведеніе должно показаться слабымъ въ сравненіи съ ужасающимъ значеніемъ дѣйствительности.

Тѣмъ не менѣе я желалъ бы выразить здѣсь свое глубокое убѣжденіе: не вѣрю я, чтобы тѣ, о которыхъ я только что говорилъ, напрасно приняли вѣнецъ мученичества. Не знаю когда это будетъ, ни какъ это произойдетъ, но внѣ всякаго сомнѣнія, придетъ время, когда человѣчество извлечетъ изъ воспоминанія объ этихъ ужасахъ — непобѣдимую силу нравственнаго обновленія.

Было бы оскорбленіемъ для памяти Ихъ Величествъ и Ихъ семьи, желать искупленія этой жертвы въ крови, какъ бы велико не было возмущеніе въ сердцѣ, и какъ бы не было справедливо желаніе мести.

Государь и Государыня сознавали, что Они умираютъ мучениками за свою страну, но умерли Они мучениками за все человѣчество. Ихъ истинное величіе заключается не столько въ Ихъ Царскомъ достоинствѣ, сколько въ Ихъ неизмѣримой человѣчности, до которой Они мало-по-малу возвысились. Они проявили собой силу идеала, — не какъ правители своей страны, но какъ носители чудной чистоты душевной, противъ которой безсильны всякое насиліе, всякая злоба, и которая торжествуетъ надъ самой смертью.

ПЕТРЪ ЖИЛЬЯРЪ.

Изъ писемъ Царской Семьи.

Помѣщенные здѣсь *письма* Императрицы Александры Ѳеодоровны и Великихъ Княженъ Ольги, Татьяны, Маріи и Анастасіи, изъ Царскаго Села, Тобольска и Екатеринбурга и разсказъ Яковлева и Ивана Иванова о переѣздѣ Государя съ Императрицей, въ апрѣлѣ 1918 г., изъ Тобольска въ Екатеринбургъ и жизни тамъ, находятся въ большой связи съ повѣствованіемъ П. Жильяра о Царской Семьѣ.

Въ изложеніи событій жизни въ изгнаніи Семьи Государя въ 1917 и 1918 годахъ по этимъ тремъ источникамъ, съ полной ясностью рисуется истинная картина тяжелаго страданія Царственныхъ узниковъ и необычайно кроткаго, глубоко христіанскаго перенесенія Ими всѣхъ безконечныхъ мученій, упавшихъ на Ихъ неповинныя головы. Но этого мало, письма и разсказы съ неопровержимою ясностью указываютъ на совершенную правдивость разсказа П. Жильяра о жизни Царской Семьи въ дни изгнанія. Письма написаны гораздо раньше, нежели появилась въ печати статья воспитателя Царевича Алексѣя и П. Жильяръ не могъ ихъ знать, а тѣмъ не менѣе событія описываются ими совершенно сходно и своимъ изложеніемъ устанавливаютъ полную неопровержимость историческихъ фактовъ трагической жизни нашей Царской Семьи въ изгнаніи.

Зинаида Сергѣевна Т-стая, уже послѣ отреченія Государя, съ весны 1917 г., въ отвѣтъ на свои письма стала получать извѣстія отъ Великихъ Княженъ и, изрѣдка, отъ Государыни Александры Ѳеодоровны.

Писемъ много. Великія Княжны писали изъ Царскаго Села, изъ Тобольска и одно письмо — послѣднее, изъ Екатеринбурга отъ 4/17 мая 1918 г., отъ Маріи Николаевны. Всѣ письма просты, искренни и поразительно кротки. Нѣтъ ни жалобъ на свое положеніе, ни сѣтованій, ни тѣни недовольства. Письма свидѣтельствуютъ о томъ, какъ дружно жила Царская Семья въ изгнаніи, какъ всѣ Они были глубоко религіозны и какъ твердо вѣрили въ милость Божію. Вотъ, доподлинно, чистая, добрая, дружная русская семья. Только люди высокихъ нравственныхъ чертъ, высокой чистоты, — переносятъ свои испытанія такъ спокойно (1).

Первыя письма получались изъ Царскаго Села и начало корреспонденціи относится къ 25 апрѣля 1917 года. Первое письмо отъ Великой Княжны Татьяны Николаевны.

Въ этомъ письмѣ слѣдуетъ отмѣтить: «...съ грустью и удовольствіемъ вспоминаю два чудныхъ дня, проведенныхъ нами въ прошломъ году, гдѣ Вы теперь наслаждаетесь дивнымъ моремъ.» Эти строки говорятъ о пребываніи Царской Семьи на Югѣ Россіи въ маѣ 1915 года, когда Государь съ Семьей посѣтилъ Винницу — Одессу — Севастополь. Этотъ объѣздъ Юга, Подоліи, Новороссіи, весной, произвелъ сильное впечатлѣніе на Великихъ Княженъ. Стояла чудная погода и всюду войска и народъ восторженно привѣтствовали Царскую Семью.

Отъ 1-го Мая, изъ Царскаго Села, отъ Великой Княжны Ольги Николаевны:

«...мы устраиваемъ въ саду, около самаго дома, большой огородъ и днемъ всѣ вмѣстѣ работаемъ. Мама тоже выходитъ. Она сидитъ въ креслѣ и что-нибудь работаетъ.»

Отъ 6-го Іюня: — «...теперь въ саду началась рубка сухихъ деревьевъ, пилимъ дрова и т. д. Огородъ процвѣтаетъ. Ѣли вчера напу первую редиску. Она ярко красная и очень вкусная...»

Царское Село, 23-го Іюня 1917 г. — «Милая З. С. Мнѣ ужасно стыдно, что я до сихъ поръ Васъ не благодарила за

(1) Эти письма получены Д. Н. Д....мъ отъ З. С. Т....ой въ 1919 г. лѣтомъ.

письмо къ 29-го Мая и за чудные вышитые мѣшки. Я взяла себѣ синеватый съ разноцвѣтными цвѣтами; Ольга — голубой съ желтыми розами; Анастасія — розовый, а Марія — весь желтый. Они намъ очень пригодились и всегда напоминаютъ Васъ. Мама всегда беретъ свой мѣшокъ въ садъ съ книжкой, или чѣмъ-нибудь. Погода у насъ все время была очень теплая. Потомъ пошелъ сильный дождь и стало гораздо свѣжѣе. Но дождь былъ очень нуженъ, такъ какъ ужъ очень было сухо. Какъ Вы всѣ поживаете? А что читаетъ вслухъ Вашъ мужъ, когда Вы работаете? Мы по вечерамъ послѣ обѣда всѣ тоже работаемъ и Папа намъ читаетъ. Мы теперь кончаемъ VI томъ книги «Le comte de Monte-Cristo». Alexandre Dumas.

«Вы знаете это? Страшно интересно. А раньше читали про рызныхъ сыщиковъ; тоже интересно. Ну до свиданья, милая З. С. Буду ждать писемъ. Крѣпко Васъ цѣлую и Далечку. Мужу и Сережѣ привѣтъ. Снимитесь, пожалуйста, всѣ вмѣстѣ и пришлите мнѣ Вашу карточку. Очень буду рада ее имѣть.

ТАТЬЯНА».

Отъ 29-го Іюня, изъ Царскаго Села, на открыткѣ съ видомъ Александровскаго Дворца. — «...работаемъ въ саду по прежнему. Срубили пока болѣе 70 деревьевъ...»

ОЛЬГА».

Ц. С. 17 VII 1917 г.

«Дорогая моя З. С. Спасибо Вамъ большое за милое, длинное письмо. Послѣдній разъ написала Вамъ 23/VI, ужасно стыдно, что такъ давно. У насъ эти дни было свѣжѣе и пасмурно, а сегодня тепло. Въ саду такъ хорошо, но еще лучше когда уходишь въ глубь, въ лѣсъ, гдѣ совсѣмъ дико и ходишь не по дорожкамъ, а просто такъ. Гдѣ-нибудь, рядомъ Папа пилитъ деревья, а мы помогаемъ носить дрова. Если братъ съ нами ходитъ — то играемъ съ нимъ и возимся, онъ это очень любитъ. Ахъ! какъ я Вамъ позавидовала, прочитавъ, что Вы видѣли дредноутъ «Александръ III» и «Прутъ». Вотъ этого намъ страшно недостаетъ, ни моря, ни кораблей! Мы такъ къ этому привыкли, проводя раньше почти все лѣто на водѣ, въ шхерахъ; по моему лучше ничего нѣтъ; это было самое хорошее и лю-

бимое время — вѣдь девять лѣтъ подрядъ плавали, да еще раньше совсѣмъ маленькими; теперь такъ странно три года быть тутъ безъ воды, нѣтъ такого чувства лѣта для меня, такъ какъ въ Ц. С. мы только жили зимой и иногда весной до Крыма. Теперь тутъ липа въ полномъ цвѣту и такъ дивно пахнетъ. Иногда находимъ ягоды въ саду, землянику и малину...»

ТАТЬЯНА».

Царское Село, 19/VII 1917 г.

«...Сегодня совсѣмъ тихо, слышу звонъ въ Екатерининскомъ соборѣ; такъ хочется иногда зайти къ Знаменію. Пишу Вамъ, лежа на травѣ, у пруда.

«Погода чудная и такъ хорошо. Алексѣй ходитъ около и маршируетъ по дорожкѣ. Всѣ остальные рубятъ сухія деревья въ лѣсу. У насъ поспѣли на огородѣ нѣсколько огурцовъ, не говоря о мелкихъ овощахъ, которыхъ очень много.»

ОЛЬГА».

Царское Село, 19 Іюля 1917 г.

«Благодарю тебя, дорогая Далечка, за милое письмо и обоихъ, тебя и Сережу, за поздравленіе и за то, что не забываете насъ. Мы всѣ здоровы и много гуляемъ. Погода стала снова теплой. Надѣюсь, что Вы хорошо проводите время на Югѣ у любимаго моря. А какъ должно быть чудно купаться? Вотъ завидую! А знаешь, плавать я никогда не научилась, хотя меня и училъ матросъ, когда ходили въ плаваніе, но это мнѣ не мѣшаетъ и такъ купаться весело. Всего хорошаго. Алексѣй шлетъ тебѣ и Сережѣ привѣтъ. Всѣ обнимаемъ тебя и часто вспоминаемъ».

ОЛЬГА».

Царское Село, 23-VII-17 г.

«Мы проводимъ время какъ и раньше. Сегодня чудная погода, только сильный вѣтеръ. Устраивали костры изъ сухихъ сучьевъ, носили дрова. Ѣдимъ съ нашего огорода лукъ, редиску и салатъ. Поливаемъ и полемъ грядки. Навѣрное у Васъ чудная, жаркая погода. Купаетесь-ли въ морѣ? Цѣлую тебя крѣпко.

Шлю сердечный привѣтъ твоему Папѣ и Сережѣ. Были-бы рады имѣть Вашу, всѣхъ, послѣднюю фотографію. Всего хорошаго».

МАРІЯ».

ИЗЪ ТОБОЛЬСКА.

2-го Октября 1917 г. Губернаторскій домъ.

«...Мы всѣ тутъ, въ общемъ, ничего, устроились хорошо Домъ небольшой, но уютный. Есть балконъ, на которомъ много сидимъ. Погода тутъ почти каждый день чудная, очень тепло, но листья сильно падаютъ. На воздухѣ бываемъ много. Есть у насъ здѣсь крошечный садикъ за кухней, съ огородомъ посрединѣ.

«Обойти все это можно (не преувеличивая), въ три минуты. Потомъ намъ огородили часть улицы передъ домомъ, гдѣ мы гуляемъ, т.е. ходимъ взадъ и впередъ — 120 шаговъ длины. Улицы всѣ здѣсь покрыты деревянными досками и во многихъ мѣстахъ большія ямы, но ѣздятъ всѣ благополучно. Наши окна выходятъ на улицу, такъ что единственное развлеченіе смотрѣть на гуляющихъ. Три раза мы были въ церкви — такое было утѣшеніе и радость! По субботамъ и остальные раза у насъ была всенощная и обѣдница. Конечно, и это хорошо, но все-же не можетъ замѣнить намъ церковь. Вѣдь больше полугода мы не были въ настоящей, потому что въ Царскомъ Селѣ у насъ была походная... Время проходитъ быстро и однообразно. Работаемъ, читаемъ, играемъ на роялѣ, гуляемъ, уроки есть. Вотъ и все. Адресуйте прямо мнѣ сюда, или на имя комиссара Панкратова, черезъ котораго проходитъ вся корреспонденція...»

ТАТЬЯНА».

Отъ 22-го Октября, на открыткѣ съ видомъ губернаторскаго дома (гдѣ жила Царская Семья). На открыткѣ имѣется подпись Татьяны Николаевны:

«Бывшій губернаторскій домъ, теперь, такъ называемый, домъ «Свободы».

21-го пріобщились Св. Таинъ, какъ каждый годъ обыкновенно это было» (1).

ТАТЬЯНА».

(1) 21-го октября день Восшествія на Престолъ Государя Императора Николая II.

6-го Ноября 1917 года.

«Посылаю Вамъ всѣмъ четыре образка отъ Мамы и насъ всѣхъ. Они лежали на мощахъ Св. Іоанна Максимовича Тобольскаго. Къ сожалѣнію, мы не были тамъ, такъ какъ не пускаютъ».

ТАТЬЯНА».

19-го Ноября.

«У насъ все по старому. Почти всѣ дни тоже самое. Довольно часто бываютъ забавные случаи».

29-го Ноября 1917 года.

«По вечерамъ мы сидимъ всѣ вмѣстѣ, кто играетъ въ бриджъ, или безикъ, мы работаемъ, а Папа читаетъ вслухъ. Иногда онъ играетъ, а кто-нибудь другой читаетъ».

ТАТЬЯНА».

5-XII-1917 года.

«Отъ всего сердца желаю Вамъ, четверымъ, Свѣтлыхъ Праздниковъ Храни Васъ Господи! Христосъ поможетъ, утѣшитъ и подкрѣпитъ. Спасибо Вамъ большое, что насъ такъ трогательно всегда вспоминаете. Въ такое время, каждое ласковое слово особенно дорого. Радуемся, что видѣли многихъ нашихъ друзей — воспоминанія милаго Царскаго Села. Всѣ мы здоровы. Дѣти Вамъ писали, какъ занимаются. Погода холодная, ясное солнце.

«Крѣпко Васъ цѣлую; дай намъ Богъ повидаться въ Новомъ Году! Душевный привѣтъ Всѣмъ Вашимъ».

Ваша А.».

5-го Декабря 1917 г.

«Тобольскъ — тихій отрѣзанный уголокъ, когда рѣка замерзнетъ».

ОЛЬГА».

5-го Декабря 1917 года.

«У насъ тутъ довольно холодно. Эти дни, 15-17 градусовъ мороза, съ солнцемъ, — это ничего, но когда вѣтеръ дуетъ тогда менѣе пріятно, но въ общемъ сносно. За то тутъ бываетъ много солнца, чего въ Царскомъ Селѣ никогда не было, въ это время года.

«Часто Васъ вспоминаемъ. У насъ тутъ все по старому. Пока, слава Богу, все тихо и мирно. Дай Богъ, чтобы такъ и продолжалось. Жалѣю всѣхъ несчастныхъ жителей Петрограда. Ужасно должно быть тамъ теперь. Надѣюсь, что у Васъ въ городѣ тоже мирно и тихо — хотя къ сожалѣнію трудно этого ожидать, въ особенности теперь!».

ТАТЬЯНА».

10 Декабря 1917 г.

«Мы живемъ тихо, гуляемъ по прежнему два раза въ день. Погода стоитъ хорошая, эти дни былъ довольно сильный морозъ. А у Васъ навѣрное еще теплая погода? Завидую, что Вы видите чудное море! Сегодня въ 8 часовъ утра мы ходили къ обѣдни. Такъ всегда радуемся, когда насъ пускаютъ въ церковь, конечно эту церковь сравнивать нельзя съ нашимъ соборомъ, но все таки лучше, чѣмъ въ комнатѣ. Сейчасъ всѣ сидимъ у себя въ комнатѣ. Сестры тоже пишутъ, собаки бѣгаютъ и просятся на колѣни. Часто вспоминаю Царское Село и веселые концерты въ лазаретѣ; помните, какъ было забавно, когда раненые плясали; также вспоминаемъ прогулки въ Павловскѣ и Вашъ маленькій экипажъ, утренніе проѣзды мимо Вашего дома. Какъ все это кажется давно было. Правда? Ну мнѣ пора кончать. Всего хорошаго желаю Вамъ и крѣпко Васъ и Далю цѣлую. Всѣмъ Вашимъ сердечный привѣтъ».

МАРІЯ».

26-го Декабря 1917 года.

«У насъ была елка для всѣхъ насъ и живущихъ съ нами.

«Вечеромъ, 24-го, въ 9 1/2 ч. была у насъ всенощная, довольно поздно, но священникъ не могъ раньше освободиться; и за столомъ, со всѣми образами, поставили елку и зажгли ее. Такъ она и простояла всю всенощную. Было очень красиво и уютно. На елку мы ничего не вѣшали».

(L'Illustration).

Ивановскій монастырь въ окрестностяхъ Тобольска. Монахини этого монастыря пѣли на богослуженіяхъ въ губернаторскомъ домѣ.

(L'Illustration).

Пароходъ «Русь»; на этомъ пароходѣ были перевезены: въ августѣ 1917 г. Царская Семья изъ Тюмени въ Тобольскъ, а въ маѣ 1918 г. изъ Тобольска въ Тюмень Августѣйшія Дѣти Ихъ Величествъ.

Слѣдователь Н. А. Соколовъ. L'Illustration.

Лѣсная дорога, по которой грузовикъ, перевозившій тѣла, проѣхалъ къ мѣсту сожженія.

L'Illustration.

Шахтенный колодецъ, въ который были брошены остатки костровъ.

23-го Января 1918 года.

«Дорогая моя З...

«Спасибо Вамъ большое за Ваши три открытки съ поздравленіемъ. Не благодарила Васъ еще за чудные духи. Мы всѣ ужасно тронуты Вашей заботливостью. Остальныя посылки еще не дошли, но надѣюсь, что, въ скоромъ времени, и онѣ дойдутъ. Будьте добры опустить эту открытку Алексѣя въ ящикъ. Думаю, что она такъ вѣрнѣе дойдетъ. Это какой-то кадетъ, который прислалъ Папѣ милую открытку, — мы его не знаемъ, но онъ сказалъ, что Папа съ нимъ говорилъ на какомъ-то парадѣ. Такъ трогательно. Я такъ рада, что у Васъ все, слава Богу, благополучно окончилось и надѣюсь, что теперь спокойно въ городѣ. Мы тутъ всѣ ничего. Живемъ по прежнему. Подробности, навѣрное, Вы всѣ знаете отъ Г-на Жильяра. Чтобы время проходило, учимъ маленькія пьесы, — полезно тоже для языковъ; они оба, онъ и Мистеръ Гиббсъ, очень хорошіе режиссеры, такъ какъ сами раньше играли. Что Вы всѣ подѣлываете? Какъ проводите время? Мы теперь усиленно пилимъ и колемъ дрова. Намъ сразу привезли много. Дрова все хорошія — березовые. Такъ пріятно, когда есть работа. Напишите еще — очень люблю получать Ваши письма. Всего хорошаго. Сердечный привѣтъ мужу и Сережѣ. Васъ и Далечку крѣпко цѣлуемъ. Напишу ей въ другой разъ, чтобы не всѣмъ сразу. Христосъ съ Вами».

ТАТЬЯНА».

25-го Января 1918 года.

«У насъ тутъ очень холодно; послѣдніе дни сильные вѣтра, но это не мѣшаетъ нашимъ прогулкамъ. Въ комнатахъ тоже очень холодно, въ нѣкоторыхъ только шесть градусовъ. Сидимъ въ толстыхъ вязаныхъ кофтахъ и къ завтраку даже надѣли валенки, за то тепло въ корридорахъ. Мѣшки Ваши намъ очень пригодились — только ихъ и употребляемъ. Ну, досвиданья, милая Далечка. Буду ждать писемъ. У насъ тутъ цѣлое событіе, когда ихъ получаемъ, и страшно радуемся. Всѣ поочереди читаютъ. Я какъ разъ эти дни получила довольно много за имянины.

«Цѣлую крѣпко тебя и Маму и много думаю о Васъ Христосъ съ тобой».

ТАТЬЯНА».

4/17 Апрѣля 1918 г.

«Спасибо тебѣ большое, Далечка дорогая, за письмо. Вотъ оно долго шло, — съ Декабря! Но и то хорошо, что дошло. Какъ поживаешь? Вспоминаемъ часто. У насъ болѣе или менѣе тихо. Погода была дивная, а эти послѣдніе дни не очень тепло. Продолжаемъ колоть и пилить дрова и выходить довольно хорошо. Мы исправили свою качель и теперь опять начали качаться, но навѣрное скоро порвутся веревки, такъ какъ довольно плохо устроили. Въ нашемъ садикѣ воды и грязи масса. У брата есть маленькая лодочка, въ которой мы, такъ сказать, катаемся (это большое воображеніе!), воды все таки недостаточно и мы потому отталкиваемся отъ дорожекъ палками, конечно бываемъ совершенно мокрые. Ну, маленькое развлеченіе! А Вы какъ проводите время? Сейчасъ пойдемъ гулять и надо кончать. Всего хорошаго желаю Вамъ всѣмъ. Большой привѣтъ всѣмъ. Цѣлуемъ тебя крѣпко. Папѣ и Сережѣ кланяемся».

АНАСТАСІЯ».

Екатеринбургъ, 4/17-го Мая 1918 г.

«Христосъ Воскресе!

«Дорогая моя З...

«Поздравляю Васъ съ свѣтлымъ праздникомъ. Извиняюсь, что такъ поздно, но мы какъ разъ уѣхали передъ праздниками. Это было для насъ очень неожиданно. Алексѣй былъ какъ разъ боленъ, такъ что сестрамъ пришлось остаться съ нимъ. Они должны скоро къ намъ пріѣхать. Скажите Ритѣ, что не очень давно мы видѣли мимолетно маленькую Седюшу. Сегодня три недѣли какъ мы выѣхали изъ Т. Такъ грустно быть безъ другихъ, въ особенности теперь, и на праздникахъ.

«Устроились мы пока хорошо. Домикъ маленькій но чистый, жаль что въ городѣ, потомъ садъ совсѣмъ маленькій. Когда пріѣдутъ другіе, не знаю какъ мы устроимся, комнатъ не очень много. Я живу съ Папой и Мамой въ одной, гдѣ и проводимъ почти цѣлый день. Только что выходили въ садъ, погода сѣрая и идетъ дождь. А въ дорогѣ погода была чудная. До Тюмени 260 верстъ ѣхали на лошадяхъ. Дорога была ужасная, трясло ужасъ какъ . Бумага въ которой были завернуты

вещи мѣстами протерлась. Табакъ высыпался изъ папиросъ. Но какъ ни странно, ничего стекляннаго не разбилось. У насъ были взяты съ собой лекарства и это доѣхало благополучно. Ѣхали мы два дня, ночевали въ деревнѣ. Черезъ Иртышъ проѣхали на лошадяхъ, а черезъ Туру пѣшкомъ и нѣсколько саженъ до берега — на паромѣ. Мама перенесла эту дорогу удивительно хорошо, но теперь, конечно, чувствуетъ усталость и почти каждый день болитъ голова. Съ нами пріѣхалъ докторъ Боткинъ, у него бѣднаго въ дорогѣ сдѣлались колики въ почкахъ, онъ очень страдалъ. Мы остановились въ деревнѣ, тамъ его положили въ избу, онъ отдохнулъ два часа и поѣхалъ съ нами дальше. Къ счастію боли не повторились. А какъ Вы всѣ поживаете? Сестры намъ написали, что имѣли отъ Васъ извѣстія. Если хотите мнѣ написать, то адресъ мой: Екатеринбургъ. Областной исполнительный комитетъ. Предсѣдателю, для передачи мнѣ. Имѣли-ли Вы извѣстія о Тили. Всѣмъ Вашимъ и Ник. Дм. привѣтъ. Крѣпко цѣлую Васъ, Риту и дѣтей. Желаю Вамъ всего хорошаго. Храни Васъ Господь. Ужасно было грустно, что намъ ни разу не удалось быть въ соборѣ и приложиться къ мощамъ Св. Іоанна Тобольскаго».

М.

Двѣ Молитвы.

Стихотворенія Великой Княжны Ольги Николаевны, написанныя въ Тобольскѣ.

Пошли намъ, Господи, терпѣнье
Въ годину буйныхъ, мрачныхъ дней
Сносить народное гоненье
И пытки нашихъ палачей.

Дай крѣпость намъ, о Боже Правый,
Злодѣйство ближняго прощать
И крестъ тяжелый и кровавый
Съ Твоею кротостью встрѣчать,

И въ дни мятежнаго волненья,
Когда ограбятъ насъ враги,
Терпѣть позоръ и оскорбленья;
Христосъ Спаситель, помоги.

Владыка Міра, Богъ Вселенной,
Благослови молитвой насъ
И дай покой душѣ смиренной
Въ невыносимый, страшный часъ.

И у преддверія могилы
Вдохни въ уста Твоихъ рабовъ
Нечеловѣческія силы —
Молиться кротко за враговъ.

---

* * *

Царица Неба и Земли,
Скорбящихъ утѣшенье,
Молитвѣ грѣшниковъ внемли:
Въ Тебѣ — надежда и спасенье.

Погрязли мы во зло страстей,
Блуждаемъ въ тьмѣ порока
Но... наша Родина... О къ ней
Склони всевидящее Око.

Святая Русь — Твой свѣтлый домъ
Почти что погибаетъ,
Къ Тебѣ, Заступница, зовемъ:
Иной никто изъ насъ не знаетъ.

О, не оставь своихъ дѣтей,
Скорбящихъ упованье,
Не отврати Своихъ очей
Отъ нашей скорби и страданья.

Разсказъ комиссара Яковлева и Ивана Иванова

о переѣздѣ Государя и Царской Семьи изъ Тобольска въ Екатеринбургъ.

Весною 1918 г., Зинаида Сергѣевна Т-стая, постоянно сносившаяся съ Царской Семьей (письма къ ней помѣщены въ предыдущей статьѣ), во время Ея заключенія въ Царскомъ Селѣ, Тобольскѣ и Екатеринбургѣ, послала своего довѣреннаго человѣка Ивана Иванова, въ Екатеринбургъ, дабы узнать объ условіяхъ жизни Государя тамъ. Посланный, съ величайшимъ затрудненіемъ исполнилъ свое порученіе и ознакомился, насколько могъ, съ грустными и трагическими подробностями страданій Императорской Семьи.

Ивановъ привезъ съ собою газету «Уральская Жизнь», въ которой помѣщенъ разсказъ комиссара Яковлева о переѣздѣ Государя и Его Семьи изъ Тобольска въ Екатеринбургъ. Очень трогательны и интересны также небольшія личныя впечатлѣнія этого простого русскаго человѣка, ходившаго въ Сибирь и на Уралъ, чтобы узнать о томъ, какъ живетъ Царская Семья.

На комиссара Яковлева было возложено порученіе перевезти Государя и Царскую Семью на Страстной недѣлѣ 1918 г. въ половинѣ апрѣля (1), и вотъ въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ газеты «Уральская Жизнь», Яковлевъ разсказалъ, какъ онъ выполнилъ это отвѣтственное порученіе (2).

«Подготовивъ все для переѣзда въ Екатеринбургъ, я наканунѣ назначеннаго дня отъѣзда Царя, пріѣхалъ въ домъ Губернатора въ Тобольскѣ, гдѣ проживалъ Государь съ Семьей и близкими ему лицами. Государь былъ предупрежденъ о моемъ приходѣ, но зналъ лишь, что я являюсь офиціальнымъ представителемъ Совѣтской власти. О цѣли же моего прихода Онъ ничего не зналъ. Войдя къ Царю, я заявилъ Ему:

(1) Пасха въ 1918 г. была 22апрѣля.
(1) Здѣсь приводится часть разсказа.

«Гражданинъ Романовъ, Совѣтомъ Народныхъ Комиссаровъ мнѣ поручено перевезти Васъ изъ Тобольска. Отъѣздъ назначенъ на завтра въ четыре часа утра. Будьте готовы къ этому времени». Государь встревожился, но кротко спросилъ:

— «А куда меня перевозятъ?»

Я отвѣтилъ, что мнѣ самому мѣсто его будущаго пребыванія неизвѣстно, но что я получу соотвѣтствующія распоряженія въ дорогѣ. Въ этотъ моментъ въ комнату вошла Императрица Александра Ѳеодоровна и, узнавъ о чемъ идетъ рѣчь, воскликнула:

— «Что вы съ Нимъ дѣлаете. Вы хотите оторвать Его отъ Семьи, вѣдь у Него боленъ сынъ (въ это время, какъ разъ, Наслѣдникъ простудился и захворалъ), вѣдь это будетъ слишкомъ жестоко ».

Я на это отвѣтилъ, что имѣю опредѣленное предписаніе, которое долженъ исполнить въ точности. Сейчасъ переѣздъ изъ Тобольска сопряженъ съ большими трудностями изъ-за наступленія весны и таянія снѣговъ, а поэтому рѣшено оставить Наслѣдника въ Тобольскѣ до весны и открытія навигаціи; кто изъ членовъ семьи Романовыхъ отправится съ Государемъ, а кто останется съ Наслѣдникомъ — предоставляется рѣшить Имъ Самимъ. Государь спокойно выслушалъ меня, но потомъ сказалъ умоляющимъ голосомъ:

— «У Меня боленъ сынъ, не разлучайте Меня съ Семьей».

Я счелъ невозможнымъ входить въ какія нибудь пререканія и, повторивъ, что отъѣздъ назначенъ на завтра въ 4 часа утра, вышелъ. Когда я уходилъ, Императрица воскликнула съ отчаяніемъ:

— «О, это слишкомъ жестоко, я не вѣрю, что Вы это сдѣлаете.»

Я не могъ на это ничего отвѣтить, а прошелъ къ Начальнику Охраны Царя, полковнику Кобылинскому, и подтвердилъ ему, что такъ или иначе, но мое распоряженіе объ отъѣздѣ въ назначенный день и часъ будетъ исполнено. Если Государь къ этому времени не подготовится къ отъѣзду, ему придется ѣхать безъ багажа. Начальникъ Охраны счелъ необходимымъ пойти къ Государю, чтобы передать Ему, что никакое противодѣйствіе распоряженію объ отъѣздѣ невозможно. Государь обсуждалъ вопросъ объ отъѣздѣ вмѣстѣ съ Своей Семьей и друзьями часа два. Въ теченіе этого времени, нѣсколько разъ мѣнялось рѣ-

шеніе; то рѣшали, что Государь поѣдетъ съ дочерьми и Татищевымъ, а Императрица останется въ Тобольскѣ съ Наслѣдникомъ, то, что Императрица поѣдетъ съ Государемъ, а всѣ дочери останутся. Наконецъ, Начальнику Охраны было сообщено, что съ Государемъ ѣдетъ Императрица и Вел. Кн. Марія Николаевна, третья дочь Государя, а сопровождаютъ Ихъ: Князь Долгорукій, профессоръ Боткинъ, камердинеръ Государя Чемадуровъ и камерфрейлина.

На слѣдующій день, въ 4 часа утра, все было готово къ отъѣзду. Царская Семья, помолившись Богу и простившись съ Наслѣдникомъ и дочерьми, двинулась въ путь.

Отъ Тобольска до Тюмени 260 верстъ, и пришлось ѣхать на лошадяхъ въ кибиткахъ. На дворѣ было темно, погода сырая, таяло, всюду была вода. Первыя 30 верстъ пришлось ѣхать шагомъ, дорога шла по кочкамъ, невыносимо трясло, иногда приходилось выходить изъ экипажей и идти пѣшкомъ. Начался уже весенній разливъ рѣкъ, ледъ на рѣкахъ почернѣлъ, поднялся и покрылся водой, черезъ рѣку Тоболъ было уже рискованно переправляться въ экипажѣ, пришлось идти пѣшкомъ. Мостъ черезъ рѣку Иршанъ былъ покрытъ водой, доходившей по брюхо лошадямъ.

Остановокъ было восемь, ночевали въ Выясневѣ и на слѣдующій день, въ 9 ч. вечера, прибыли въ Тюмень, гдѣ былъ приготовленъ поѣздъ, который долженъ былъ доставить Царскую Семью въ Екатеринбургъ, куда было приказано перевезти Государя.

Проѣзжая мимо церквей, Государь, всегда снималъ шапку, набожно крестился. Я вынесъ впечатлѣніе, что Онъ человѣкъ добрый, глубоко вѣрующій и религіозный, дѣйствительно любитъ Свою Семью и очень о Ней заботится. Держалъ Онъ Себя, какъ всегда, просто и кротко. Говорилъ со мной о жизни простого народа и, видимо, искренно и сердечно къ нему относился. Царь съ Царицей и Княжной перенесли это путешествіе довольно бодро. Царица, несмотря на Свою болѣзнь сердца и ногъ, должна была идти пѣшкомъ нѣсколько верстъ, но Она старалась не показывать Свою усталость. Всю дорогу Александра Ѳеодоровна сидѣла молча, ни съ кѣмъ не разговаривая и держала Себя гордо и неприступно, въ то время какъ Государь былъ привѣтливъ и разговорчивъ. Меня поражала незлобивость этихъ людей. Они ни на что не жаловались

Профессоръ Боткинъ не выдержалъ всей тяжести пути и въ дорогѣ захворалъ. Отрядъ, взятый мною для охраны, состоялъ изъ 35 человѣкъ, кромѣ того на всѣхъ остановкахъ были разставлены небольшіе патрули. Въ Тюмени былъ поданъ поѣздъ и мы двинулись дальше въ Екатеринбургъ. Со станціи Екатеринбургъ II-ой, я далъ знать мѣстному Совѣту о своемъ пріѣздѣ. Пріѣхали Предсѣдатель Совѣта и члены президіума, которымъ я сдалъ Царя подъ слѣдующую расписку:

«Россійская федеративная совѣтская республика. Уральскій Областной сов. деп. Расписка. 1918 года. Апрѣль 17/30 дня. Я, предсѣдатель областнаго уральскаго сов. деп., Бѣлобородовъ, принялъ отъ члена Всероссійскаго Ц.И.К. товарища Яковлева, заключенныхъ: бывшаго Царя Николая Романова, бывшую Царицу Александру Ѳеодоровну, бывшую Вел. Кн. Марію Николаевну и лицъ сопровождавшихъ ихъ. Всѣ лица находятся подъ стражей и охраной».

Предсѣдатель уральскаго сов. деп. *Бѣлобородовъ*.

Теперь передаемъ *разсказъ очевидца Ивана Иванова*, побывавшаго въ Екатеринбургѣ и сообщившаго свои впечатлѣнія о жизни Царской Семьи:

«Въ Екатеринбургѣ Государь Императоръ съ Семьей былъ помѣщенъ въ небольшомъ домѣ, принадлежащемъ Н. Н. Ипатіеву. Домъ небольшой, въ шесть комнатъ. Лучшую занимаетъ комиссаръ со своимъ помощникомъ, въ углу у нихъ лежатъ въ комнатѣ бомбы, патроны и винтовки. Домъ окруженъ двойнымъ заборомъ, такъ что съ улицы окопъ не видно. Въ Тобольскѣ, домъ, гдѣ проживала Царская Семья, былъ окруженъ однимъ заборомъ, и ночью народъ нерѣдко приходилъ и разбиралъ мѣстами заборъ, чтобы видѣть Царскую Семью, а потому здѣсь въ Екатеринбургѣ рѣшили выстроить два забора, чтобы населеніе не могло дѣлать того, что дѣлало въ Тобольскѣ. Изъ дома Царской Семьѣ не позволено выходить даже на балконъ, и на балконѣ стоятъ пулеметы, также какъ и въ слуховомъ окнѣ на крышѣ. Режимъ самый строгій, нѣтъ никакого сношенія съ внѣшнимъ міромъ, деньги всѣ забраны, какъ у Царской Семьи, такъ и у приближенныхъ. Въ ночь на Пасху, въ комнатѣ, занимаемой Государемъ, священникъ совершалъ

пасхальную заутреню. Стоялъ столикъ, покрытый скатертью, на которомъ помѣстили образа и передъ этимъ столикомъ священникъ совершалъ богослуженіе, а Великая Княжна Марія Николаевна пѣла пасхальныя молитвы. Къ кресту Государю, въ Екатеринбургѣ, уже не разрѣшалось подходить и допускалось это только съ разрѣшенія комиссара. И вотъ на Пасху, священникъ послѣ заутрени пошелъ съ крестомъ по направленію къ Государю, говоря: «Христосъ Воскресъ!», но Государь тихо отодвинулся назадъ и посмотрѣлъ на комиссара (бывшаго слесаря Колзаковскаго завода) и только, когда тотъ разрѣшилъ, то Государь подошелъ,

Пасха прошла грустно. Часто Императрица плакала. Красноармейцы пьянствовали вокругъ Нихъ. Народъ въ Екатеринбургѣ глубоко сочуствовалъ Царской Семьѣ, потихоньку посылалъ подарки, красныя яйца, куличи, но все это съ осторожностью. У простыхъ людей была увѣренность, что Царя, Царицу и Ихъ дѣтей спасутъ...

Послѣ Пасхи, когда открылась навигація, Наслѣдникъ Цесаревичъ съ Великими Княжнами Ольгой, Татьяной и Анастасіей прибыли изъ Тобольска на пароходѣ «Русь», въ Тюмень. Здѣсь собралась на пристани громадная толпа народа, которая привѣтствовала Царскихъ дѣтей. При видѣ Наслѣдника Цесаревича послышался громкій плачъ съ причитаніемъ: «Дорогой Ты нашъ, милый Ты нашъ, куда Ты отъ насъ уѣзжаешь и зачѣмъ Ты насъ оставляешь?». Плакали женщины и мужчины, такъ что, смотря на эту картину, отъ слезъ удержаться было положительно невозможно. Встрѣчали съ зеленью и цвѣтами, которыми стали усыпать путь Ихъ слѣдованія, а когда красноармейцы хотѣли воспрепятствовать этому, то женщины избили нѣсколькихъ солдатъ, а одного изъ нихъ схватили и бросили въ большую грязную лужу.

Въ Тюмени былъ поданъ поѣздъ, въ которомъ Царскія дѣти прибыли въ Екатеринбургъ. Съ Царской Семьей въ домѣ жилъ только профессоръ Боткинъ, остальныя приближенныя лица, какъ-то: генералъ Татищевъ, Кн. Долгорукій, Гр.Гендрикова и др. посажены въ тюрьму, въ Екатеринбургѣ, немедленно по пріѣздѣ ихъ туда, такъ-же какъ Епископъ Гермогенъ, который, какъ передавали, не переставалъ громко молиться за Государя, какъ за помазанника Божьяго. Пищу, какъ для Царской Семьи, такъ и для лицъ, находящихся съ ними, доставля-

ли изъ общаго котла совѣтской кухни, часто несвоевременно и одинъ разъ въ день. Были случаи, что приносили только то, что оставалось отъ комиссаровъ и солдатъ. Сахару даютъ по 1/2 фунта въ мѣсяцъ на человѣка.

Какъ-то въ домѣ, гдѣ проживаетъ Государь, испортилось электричество. Вызвали мастера съ помощникомъ для починки. Мастеръ былъ ярый революціонеръ, а его помощникъ, солдатъ большевикъ. И вотъ когда они пришли въ домъ и увидали Государя, Его кроткіе добрые глаза, и когда Царь началъ съ ними разговаривать, такъ просто, такъ кротко, разспрашивая ихъ о ихъ жизни, о семьѣ, то оба мастера не выдержали и расплакались. Имъ стало совѣстно, какъ они потомъ говорили, смотрѣть въ глаза Государя, за все то зло, которое они сдѣлали Ему и Россіи, и они рѣшили уйти изъ своихъ партій и быть вѣрными Государю и родинѣ. Объ этихъ, раскаявшихся большевикахъ, въ то время когда я тамъ былъ, передавалъ человѣкъ бывшій въ Екатеринбургѣ, говорилъ весь городъ, но сами раскаявшіеся бѣжали, боясь растрѣла комиссаровъ».

Долго оставаться было посланному опасно въ Екатеринбургѣ, и онъ ушелъ оттуда...

Вотъ простой, безъ прикрасъ, разсказъ русскаго человѣка о мученической жизни Царской Семьи.

Ставка Верховнаго Главнокомандующаго

Два приказа.

Въ концѣ лѣта 1915 г. Ставка Верховнаго Главнокомандующаго, въ виду измѣнившихся военныхъ обстоятельствъ, перемѣнила мѣсто своего нахожденія и 7-го августа Великій Князь Николай Николаевичъ со всѣмъ своимъ Штабомъ и свитой покинулъ ст. Барановичи и на другой день, 8-го августа, прибылъ въ Могилевъ.

Верховный помѣстился въ губернаторскомъ домѣ, на берегу Днѣпра. Штабъ размѣстился въ зданіяхъ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ. Государь, въ сопровожденіи своей обычной, небольшой свиты, прибылъ въ новую Ставку Верховнаго Главнокомандующаго, въ гор. Могилевъ, 23-го августа и встрѣченъ былъ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ и чинами Штаба Верховнаго. Государь остался въ поѣздѣ, который сталъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Могилева, на усадьбѣ одного изъ пригородныхъ помѣщиковъ. Усадьба была краси

вая, здѣсь было много лѣса, фруктовый садъ, но не было никакихъ построекъ. Его Величество и свита жили въ поѣздахъ. Отъ города до мѣста Царской Ставки проходило шоссе, и по немъ ежедневно автомобили переносили Государя въ Штабъ Верховнаго, гдѣ Его Величество выслушивалъ доклады о ходѣ военныхъ дѣйствій.

Въ этотъ періодъ войны положеніе наше на фронтѣ было тяжелое. Русскія войска отходили подъ напоромъ непріятельскихъ силъ. Мы оставили Брестъ, Гродно, и наша армія вела ожесточенные арьергардные бои. Сердце замирало у каждаго при мысли о томъ, сдержимъ-ли мы натискъ полчищъ Вильгельма, или уйдемъ далеко, далеко вглубь Россіи.

Въ это тревожное время, совершилось событіе, которое въ исторіи минувшей войны имѣло особое значеніе, положило начало новой эпохѣ, рѣзко отдѣляющейся отъ перваго года кампаніи. Царь самъ сталъ во главѣ Своей громадной арміи

Это случилось 23-го августа 1915 года. Вся Россія, а съ нею и весь міръ узнали, что въ этотъ день Императоръ Николай II принялъ на Себя Верховное командованіе Своими арміями и флотомъ и, такимъ образомъ, вмѣстѣ со всей Россіей всталъ на защиту Родины. Было, повторяемъ, не побѣдное шествіе впередъ Россійской Арміи, а стояли тѣ дни, когда надо было каждую пядь земли родной беречь отъ вражескаго нашествія.

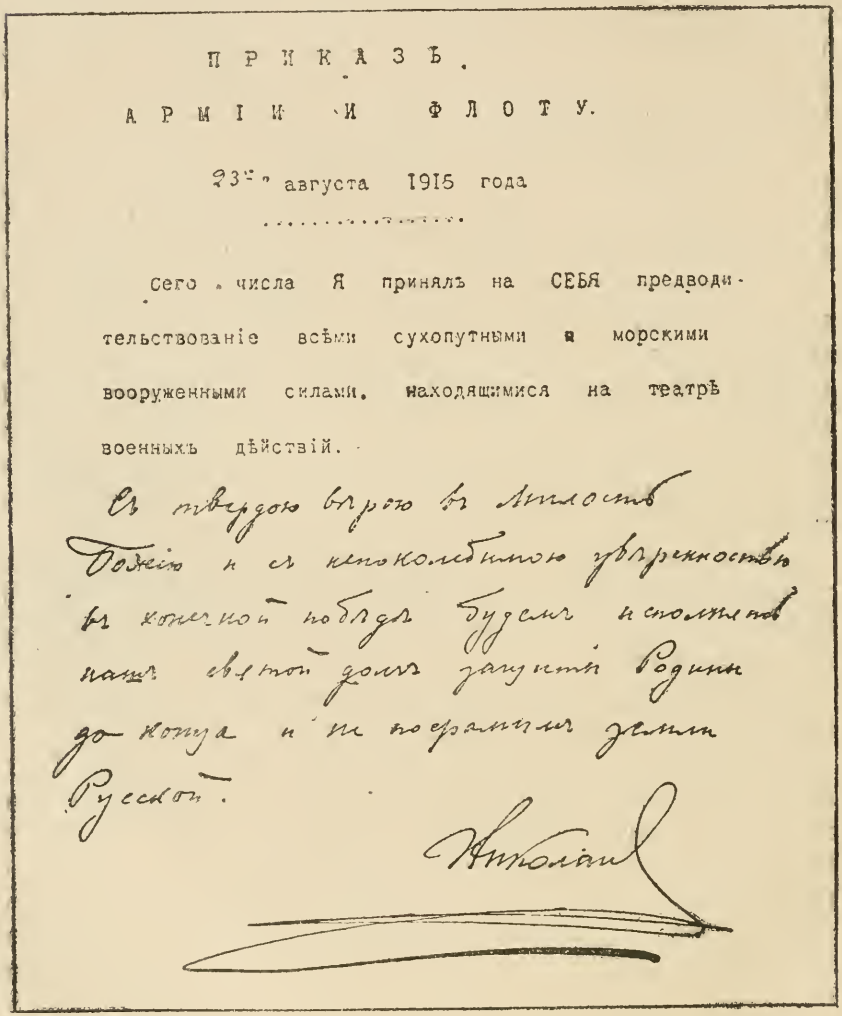
Свое вступленіе въ командованіе Государь Императоръ ознаменовалъ приказомъ по арміи и флоту, въ которомъ особенно знаменательны слова Его Величества, приписанныя собственноручно.

Точный снимокъ съ этого историческаго приказа 23-го августа 1915 г., мы помѣщаемъ на слѣдующей страницѣ.

Глубокой простотой и сердечностью звучатъ слова Государя, приписанныя собственноручно. Болѣе тяжелаго времени для начала командованія русскими силами выбрать было трудно. Государь это сознавалъ и сразу весь отдался работѣ по руководству громадными операціями на 3.000 вер. фронтѣ, имѣя Своимъ Начальникомъ Штаба генерала М. В. Алексѣева. Эта напряженная работа продолжалась полтора года, т.е. до марта 1917 года.

Не передавая здѣсь въ подробномъ изложеніи событія съ осени 1915 года до начала 1917 года, мы приведемъ только вы-

держки изъ записокъ лица, хорошо ознакомленнаго со всѣми трудами Государя Императора за время войны, касаясь, однако, въ данное время, только послѣдняго періода Верховнаго Командованія Его Величествомъ русскими силами, т.е. съ конца февраля 1917 г. до отреченія Государя отъ Русскаго Престола.



ПРИКАЗЪ

АРМІИ И ФЛОТУ.

23-го августа 1915 года

.....

Сего числа Я принялъ на СЕБЯ предводительствованіе всѣми сухопутными и морскими вооруженными силами, находящимися на театрѣ военныхъ дѣйствій.

Я твердо вѣрю въ милость Божію и съ непоколебимою увѣренностью въ конечной побѣдѣ будемъ исполнять нашъ святой долгъ защиты Родины до конца и не посрамимъ земли Русской.

Николай

Послѣдніе дни пребыванія Государя Императора въ Ставкѣ. - Могилевъ.

Государь Императоръ выѣхалъ послѣдній разъ изъ Царскаго Села въ Ставку 23-го февраля 1917 года и оставался тамъ до 27-го февраля, когда въ ночь на 28-ое отбылъ черезъ Оршу, Смоленскъ, Лихославль и далѣе на Царское Село. Совершить полностью этотъ путь Его Величеству не удалось и съ Малой Вишеры царскіе поѣзда повернули черезъ Дно на Псковъ, куда и прибыли 1-го марта вечеромъ.

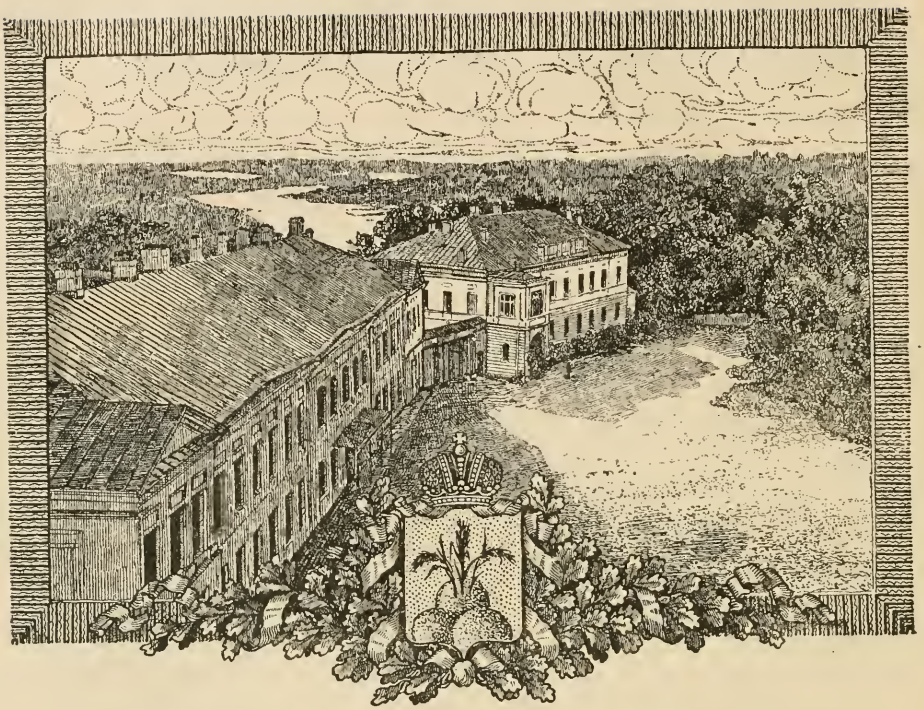
Въ Псковѣ Государь оставался съ вечера 1-го до 3-хъ часовъ ночи со 2-го на 3-е марта и затѣмъ отбылъ въ Могилевъ, куда и прибылъ вечеромъ того-же дня.

Мы не имѣемъ возможности, по обширности матеріала, изложить во всей подробности описаніе этихъ послѣднихъ страшныхъ историческихъ дней царствованія Императора Николая II, когда Русскому Царю, окруженному обширной интригой и предательствомъ, пришлось оставить тронъ въ дни смуты и революціи. Мы дадимъ только краткій перечень событій времени съ 24-го февраля по день отъѣзда изъ Могилева Государя Императора въ Царское Село, 8-го марта.

Болѣе подробно мы скажемъ только о возвращеніи Государя въ Ставку для прощанія съ ея командным составомъ и гарнизономъ.

Дневники, на основаніи которыхъ мы излагаемъ событія, и не могутъ быть изданы нынѣ, по цѣлому ряду обстоятельствъ отъ насъ независящихъ.

Мы только напомнимъ здѣсь, что съ того времени, какъ Государь Императоръ вступилъ въ непосредственное командованіе Своими арміями, и вплоть до революціи, русская армія, вѣрная повелѣніямъ Своего Верховнаго Вождя, не отступила ни на одинъ шагъ, свято хроня родную землю.



СТАВКА — МОГИЛЕВЪ

Губернаторскій домъ, гдѣ съ конца августа 1915 г. по 8 марта 1917 г. проживалъ Государь Императоръ. Собственныя комнаты Его Величества находились во второмъ этажѣ, изъ нихъ спальная была угловая и выходила однимъ окномъ въ садъ, а двумя на площадку, кабинетъ помѣщался рядомъ со спальной. и его два окна выходили на ту-же площадку. Рядомъ съ кабинетомъ находился залъ въ четыре окна, затѣмъ, на другой сторонѣ дома, имѣлись столовая и нѣсколько комнатъ. Внизу было 5 комнатъ и помѣщеніе для прислуги. Весь домъ оставался въ томъ-же видѣ, какъ былъ ранѣе и имѣлъ простую, обычную обстановку. Въ этомъ же домѣ помѣщались лица ближайшей Свиты Государя Императора. Рядомъ съ губернаторскимъ домомъ расположено (слѣва) зданіе «Губернскихъ присутственныхъ мѣстъ», гдѣ помѣщалась во время войны генералъ-квартирмейстерская часть Штаба Верховнаго Главнокомандующаго.

Съ 24-го по 27-ое февраля въ Могилевѣ.

Эти четыре дня Государь провелъ въ Ставкѣ, по внѣшности въ обычной обстановкѣ и при обычныхъ своихъ занятіяхъ

Ставка спокойно работала, здѣсь ничто не говорило о волненіяхъ, революціонныхъ выступленіяхъ. Тихій Могилевъ жилъ обычной своей жизнью. Государь ежедневно принималъ докладъ генералъ-адъютанта Алексѣева, долгіе часы занимался у Себя въ кабинетѣ, шли обычные Высочайшіе завтраки, обѣды и были прогулки Его Величества среди дня.

Однако, уже съ 25-го февраля начали поступать тревожныя, но очень отрывистыя извѣстія изъ Петрограда о начавшихся народныхъ волненіяхъ и постепенномъ возбужденіи войсковыхъ частей петроградскаго гарнизона, закончившемся солдатскимъ бунтомъ.

Государь былъ очень озабоченъ, но, какъ всегда, скрывалъ свое душевное состояніе и на людяхъ не показывалъ своего волненія. Только среди близкихъ лицъ, съ графомъ Фредериксомъ и генераломъ Воейковымъ и съ генералъ-адъютантомъ Алексѣевымъ Его Величество дѣлился своими тревожными мыслями. Въ эти дни имѣли особое значеніе Начальникъ Штаба Его Величества ген. Алексѣевъ и Дворцовый Комендантъ ген. Воейковъ. Вотъ что говорится о нихъ въ дневникахъ «очевидца» событій:

25-го февраля, суббота.

Здѣсь были лица, которыя въ силу своего служебнаго положенія должны были ясно опредѣлить картину начавшихся революціонныхъ выступленій. Такихъ людей въ Ставкѣ было двое и они оба близко стояли къ Государю и, казалось-бы, обязаны были отозваться на петроградскія событія и понять весь ихъ ужасъ. Это генералъ-адъютантъ М. В. Алексѣевъ и Дворцовый Комендантъ ген. В. Н. Воейковъ.

Генералъ Алексѣевъ пользовался въ это время самой широкой популярностью въ Гос. Думѣ, съ которой находился въ полной связи. Онъ казался надеждой Россіи въ нашихъ предстоящихъ боевыхъ весенникъ операціяхъ. Ему глубоко вѣрилъ Государь. Къ нему относилось и фронтовое командованіе съ большимъ вниманіемъ. Рѣдко можно было увидать на такомъ высокомъ посту человѣка, какъ ген. Алексѣевъ, къ которому бы съ

такимъ довѣріемъ относились вообще люди разныхъ партій и направленій. Уже одно то, что его называли, по преимуществу, «Михаилъ Васильевичъ», когда о немъ упоминали, говорить о всеобщемъ доброжелательномъ отношеніи къ нему.

При такомъ положеніи, ген. Алексѣевъ могъ и долженъ былъ принять рядъ необходимыхъ мѣръ, чтобы предотвратить революцію, начавшуюся въ разгаръ войны и еще передъ весеннимъ нашимъ наступленіемъ. У него была вся власть. Государь поддержалъ-бы его распоряженія. Онъ бы дѣйствовалъ именемъ Его Величества. Фронтъ находился въ его рукахъ, а Государственная Дума и ея прогрессивный блокъ не посмѣли бы ослушаться категорическихъ директивъ Ставки.

Къ глубочайшему удивленію, ген. Алексѣевъ не только не рискнулъ начать борьбу съ революціоннымъ движеніемъ, но, съ первыхъ его часовъ, поплелся по теченію революціи. Какъ это случилось, понять было трудно. Вѣдь истинное отношеніе генерала Алексѣева къ подготовлявшейся и надвинувшейся революціи было тогда извѣстно очень немногимъ.

Дворцовый Комендантъ, ген. В. Н. Воейковъ, долженъ былъ по своему положенію хорошо знать, что происходитъ въ столицѣ. У него сосредоточивались свѣдѣнія о политическомъ движеніи и черезъ своихъ агентовъ, и отъ министерства вн. дѣлъ. Ему были открыты всѣ пути и онъ обязанъ былъ неуклонно, настойчиво добиваться мѣропріятій для прекращенія начавшихся волненій. А между тѣмъ, В. Н. Воейковъ, прибывъ въ Ставку съ Государемъ наканунѣ революціи, не обратилъ вниманія на надвинувшіяся событія и занимался личными, пустыми дѣлами, вродѣ устройства квартиры своей жены, которую ожидалъ на дняхъ въ Могилевъ и для которой былъ нанятъ домъ.

Мы не можемъ понять — неужели В. Н. не вѣрилъ, что положеніе такъ грозно и надо безотлагательно принимать мѣры тушить начавшійся пожаръ. Должно, однако, сказать, что 25 февраля, В. Н., видимо, все-таки тревожился, ходилъ весь красный, съ широко открытыми глазами, меньше буфонилъ, но и въ этотъ день, когда еще можно было сопротивляться, никто не слыхалъ ни о какихъ серьезныхъ съ его стороны распоряженіяхъ. Генералъ Алексѣевъ, ген. Воейковъ получали только извѣстія изъ Петрограда, совѣщались, докладывали Его Величеству, но активной работы для сокрушенія мятежа предпри-

нято этими людьми — единственными, которые могли сдѣлать что-либо, — не было.

Государь, вѣроятно, и не все зналъ, такъ какъ Онъ былъ спокоенъ и никакихъ указаній не давалъ. Генералъ Воейковъ вообще не пользовался большимъ авторитетомъ въ глазахъ Его Величества въ дѣлахъ широкаго государственнаго значенія, но, при начавшейся революціонной смутѣ, угрожающей Царскому Дому, Дворцовый Комендантъ былъ обязанъ и могъ настоять на рѣшительныхъ мѣропріятіяхъ въ томъ видѣ, въ какомъ это являлось бы возможнымъ. Надо было спасать положеніе и, можетъ быть, дѣлать необходимыя, срочныя уступки, дабы сохранить корону.

Надо, однако, пояснить, что между Алексѣевымъ и Воейковымъ существовала громадная разница. Насколько первый былъ близокъ къ лицамъ, производившимъ переворотъ и осуществлявшимъ заговоръ о сверженіи Царя съ трона, настолько второй былъ преданъ Государю и безусловно являлся врагомъ лицъ партіи предательства.

В. Н. Воейковъ виновенъ только въ томъ, что не оцѣнилъ событій, но онъ всецѣло являлся врагомъ лицъ, совершившихъ измѣну своему Императору.

26 февраля, воскресенье.

Въ Ставку, еще съ субботы, поступаютъ все болѣе и болѣе тревожныя извѣстія изъ Петрограда. Къ вечеру воскресенья (26), была получена отъ предсѣдателя Государственной Думы Родзянко, на имя Государя Императора, телеграмма слѣдующаго содержанія:

Положеніе серьезно. Въ столицѣ царитъ анархія. Дѣятельность правительства парализована. Транспортъ, снабженіе, доставка топлива совершенно разстроены. Недовольство населенія растетъ. На улицахъ — безцѣльная стрѣльба. Отдѣльныя войсковыя части борются другъ съ другомъ. Необходимо поручить образованіе новаго кабинета лицу, пользующемуся довѣріемъ страны. Медлить больше нельзя. Всякое колебаніе равносильно смертельной опасности. Молю Бога, чтобы отвѣтственность не пала на Вѣнценосца.

27 февраля, понедѣльникъ.

Получена вторая телеграмма отъ Родзянко такого содержанія:

Положеніе все ухудшается. Надо принимать мѣры немедленно; завтра будетъ уже поздно. Послѣдній часъ пробилъ, — рѣшительный для судебъ страны и династіи

Эта телеграмма немедленно была обсужена Его Величествомъ совмѣстно съ ген. Алексѣевымъ, гр. Фредериксомъ и ген. Воейковымъ. Государь рѣшилъ безотлагательно ѣхать въ Царское Село и согласился на отвѣтственное министерство, о чемъ сообщено телеграммой по прямому проводу въ Петроградъ. Ночью на 28 февраля Государь отбылъ въ Царское Село. Въ это-же время генералъ-адъютантъ Н. І. Ивановъ съ Георгіевскимъ батальономъ отправился въ Петроградъ для водворенія порядка въ столицѣ и принятія командованія тамъ войсками.

28 февраля, вторникъ и 1-ое марта, среда.

Въ пути черезъ Оршу, Смоленскъ, Лихославль, Бологое, царскіе поѣзда получили извѣстіе объ образованіи Временнаго Правительства, и Комиссаръ путей сообщенія, инженеръ Бубликовъ, оповѣстилъ о семъ всѣ желѣзныя дороги. Во второмъ часу ночи, 1-го марта, въ Малой Вишерѣ Государь Императоръ приказалъ слѣдовать поѣздамъ черезъ Бологое, Дно на Псковъ, гдѣ находился Штабъ сѣвернаго фронта, надѣясь тамъ выяснить положеніе и ожидая получить отъ Главнокомандующаго генералъ-адъютанта Рузскаго поддержку. Однако, когда Высочайшій поѣздъ прибылъ въ Псковъ, почетнаго караула не было выставлено, встрѣчи Государю Императору не было. Генералъ-адъютантъ Рузскій, войдя въ вагонъ лицъ свиты Государя, съ первыхъ-же словъ опредѣленно сказалъ сопровождавшимъ Его Величество лицамъ, что въ данное время *надо сдаваться на милость побѣдителей*, т.е. лицъ производящихъ переворотъ. Въ рѣшительныхъ и рѣзкихъ словахъ Рузскій сказалъ ту-же мысль Государю. Затѣмъ всю ночь на 2-ое марта Рузскій сносился со Ставкой и Петроградомъ, выясняя вопросъ отреченія Государя Императора отъ престола.

2 марта, четвергъ.

Днемъ Государемъ Императоромъ одобренъ актъ отреченія и сообщенъ по прямому проводу въ Ставку, а вечеромъ послѣ 10-ти часовъ прибыли въ Псковъ депутатами Гучковъ и Шульгинъ, и имъ переданъ, при личномъ свиданіи, Его Величествомъ тотъ-же актъ отреченія отъ престола за Себя и Наслѣдника Алексѣя въ пользу Великаго Князя Михаила Александровича.

3 марта, пятница.

Въ 3 часа ночи Государь Императоръ отбылъ изъ Пскова въ Могилевъ, куда прибылъ вечеромъ. Путь слѣдованія совершенъ спокойно.

Это краткій перечень событій за время до 4-го марта. Далѣе идетъ выписка изъ дневника за 4-ое и затѣмъ, за 7-ое марта, когда Государь Императоръ писалъ Свой прощальный приказъ.

Ставка-Могилевъ.

4 марта, суббота.

Государь вернулся въ Могилевъ изъ Пскова для того, чтобы проститься со Своей Ставкой, въ которой Его Величество такъ много трудился, столько положилъ въ великое дѣло борьбы съ нашимъ упорнымъ и могущественнымъ врагомъ души, сердца, ума и необычайнаго напряженія всѣхъ своихъ моральныхъ и физическихъ силъ. Только тѣ, кто имѣли высокую честь видѣть ежедневно эту напряженную дѣятельность въ теченіе полутора лѣтъ, съ августа 1915 по мартъ 1917, непосредственнаго командованія Императоромъ Николаемъ II своей многомилліонной арміей, растянувшейся отъ Балтійскаго моря чрезъ всю Россію до Трапезунда и вглубь Малой Азіи, только тѣ могутъ сказать, какой это былъ трудъ и каковы нужны были нравственныя силы, дабы переносить эту каждодневную работу, не оставляя при этомъ громадныхъ общегосударственныхъ заботъ по всей Имперіи, гдѣ уже широко зрѣли измѣна и предательство.

И какъ совершалась эта работа Русскимъ Царемъ! Безъ малѣйшей афектаціи, безъ всякой рекламы, слокойно и глубоко вдумчиво трудился Государь. Его начальникъ Штаба, ген. Алексѣевъ, былъ цѣнный Его сотрудникъ; прекрасный офицеръ генеральнаго Штаба — ген. Алексѣевъ пользовался полнымъ довѣріемъ Государя и они оба дружно работали все время. Государь, какъ Верховный Главнокомандующій, давалъ указанія, а начальникъ Штаба Алексѣевъ исполнялъ ихъ съ полнымъ вниманіемъ, и результаты, какъ всѣ знаютъ, за эти полтора года были успѣшны.

Мнѣ лично не разъ говорилъ самъ М. В. Алексѣевъ, что онъ очень не любитъ, когда Его Величество покидаетъ Ставку и оставляетъ его одного.

— «Съ Государемъ гораздо спокойнѣе, Его Величество даетъ указанія столь соотвѣтствующія боевымъ, стратегическимъ задачамъ, что разработываешь эти директивы съ полнымъ убѣжденіемъ въ ихъ цѣлесообразности. Государь не волнуется. Онъ прекрасно знаетъ фронтъ и обладаетъ рѣдкой памятью. Съ Нимъ мы спѣлись. А когда уѣзжаетъ Царь, не съ кѣмъ и посовѣтоваться; нельзя-же посылать телеграммы о всѣхъ явленіяхъ войны за каждый часъ. Посылаешь только о главнѣйшихъ событіяхъ. Личный докладъ — великое дѣло».

Съ первыхъ-же дней командованія Государя своими арміями проявился въ высокой степени рельефный случай объединенія работы Верховнаго Главнокомандующаго и Его начальника Штаба.

Дѣло было въ первыхъ числахъ сентября 1915 г. Вѣсти со всѣхъ фронтовъ поступали все неутѣшительныя. Наши войска, оставивъ въ командованіе Великаго Князя Николая Николаевича Варшаву, Ковно, Гродно, отходили въ глубь Россіи. Начались бои у Вильно и опредѣлился прорывъ нашего фронта у Молодечно конной массой германской кавалеріи.

Въ Ставкѣ волновались. Ходили слухи, что Могилевъ не безопасенъ отъ налета. Шопотомъ говорили о необходимости перенести Ставку ближе къ Москвѣ — въ Калугу... Къ ночи 2-го сентября, слухи стали особенно напряжены. 3-го сентября, въ девятомъ часу утра, еще до обычнаго доклада ген. Алексѣева Его Величеству, я пришелъ къ начальнику Штаба, дабы выяснить событія на фронтахъ.

Ген. Алексѣевъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ за огромнымъ столомъ, окруженный картами, бумагами. Видъ у него былъ разстроенный и тревожный.

На мой вопросъ: «Въ какомъ состояніи находятся наши арміи за эти дни и справедлива-ли тревога, такъ охватившая Ставку?» Михаилъ Васильевичъ схватилъ себя за голову и голосомъ полнаго отчаянія отвѣтилъ:—«Какія у насъ арміи! Войска наши погибли на поляхъ Галиціи и Польши. Все лучшее перебито. У насъ въ полкахъ теперь остались сотни, а въ ротахъ десятки людей. У насъ иногда нѣтъ патроновъ, снарядовъ... Я не знаю что мы будемъ дѣлать, какъ сдержимъ напоръ и гдѣ остановимся?... Я нахожу, что наше положеніе никогда не былс такъ плохо. Вотъ сейчасъ все это доложу Его Величеству».

Видимо, человѣкъ находился въ полномъ ужасѣ отъ событій и не владѣлъ собой. Я ушелъ отъ Алексѣева смущенный и съ большой тревогой въ душѣ.

Половина перваго, въ тотъ-же день я снова увидалъ ген Алексѣева на высочайшемъ завтракѣ. Онъ совершенно перемѣнился, смотрѣлъ бодро, говорилъ оживленно и пропала та тревога, которую я видѣлъ нѣсколько часовъ назадъ. Я задалъ ему вопросъ, что вѣроятно съ фронта получены лучшія вѣсти, и онъ сталъ бодрѣе смотрѣть на будущее?

— «Нѣтъ, извѣстій новыхъ не получено, но послѣ доклада Его Величеству о положеніи на фронтѣ, я получилъ отъ Государя опредѣленныя указанія, Онъ повелѣлъ дать телеграмму по всему фронту, что теперь ни шагу назадъ. Надо задержаться и укрѣпиться. А прорывъ Вильно-Молодечно приказано ликвидировать войсками ген. Эверта. Я теперь уже привожу въ исполненіе приказъ Государя и, Богъ дастъ, справимся...»

Передо мной стоялъ другой человѣкъ. Вмѣсто нервнаго, растерявшагося ген. Алексѣева находился спокойный, увѣренный начальникъ Штаба Верховнаго, приводящій въ исполненіе волю Главнокомандующаго, Русскаго Императора. Это классическій примѣръ отдачи приказанія и его исполненія со всѣми благодѣтельными результатами совмѣстной дружной работы и Главнокомандующаго, и Его начальника Штаба.

Результатъ этого распоряженія Государя былъ, какъ извѣстно, громаденъ. Военная исторія оцѣнитъ блестящія наши контръ-атаки у Молодечно-Вильно и всѣ послѣдующія событія.

Только послѣ этой удачной сентябрьской операціи мы получили возможность, не опасаясь дальнѣйшаго наступленія вражескихъ силъ, готовиться къ новой борьбѣ. Необъятная Россія стала повсюду формировать и обучать новыя войска. На фабрикахъ и заводахъ работались снаряды, пушки, ружья, пулеметы и всякое военное и морское снаряженіе... Все это явилось возможнымъ только тогда, когда получилась твердая увѣренность, что дальше въ предѣлы Россіи врагъ не пойдетъ и къ веснѣ 17-го года создались могучія арміи, готовыя къ наступленію на нѣмцевъ. Вотъ первый примѣръ распоряженія Государя, какъ Верховнаго Главнокомандующаго.

Результаты этого мужественнаго, спокойнаго указанія и за симъ полуторагодовыя напряженныя работы дали-бы Россіи величайшія побѣды, если-бы не измѣна и предательство погубившія Царя, Его арміи и всю нашу Родину.

И вотъ теперь при первыхъ дняхъ весны 1917 г. Государь прибылъ въ Свою Ставку уже не для начала побѣдоносныхъ операцій, какъ это ожидалось, дабы проститься со Своимъ Штабомъ, съ военными агентами и представителями союзныхъ державъ и выяснить условія Своего пребыванія, какъ частнаго человѣка, въ Россіи и за-границей.

Въ субботу, 4-го марта, послѣ утренняго чая, въ началѣ 10-го часа, Государь прошелъ, своимъ обычнымъ порядкомъ, въ генералъ-квартирмейстерскую часть (домъ рядомъ съ дворцомъ), для принятія доклада генерала Алексѣева о положеніи на фронтахъ.

Объ этомъ послѣднемъ докладѣ Его Величеству мнѣ сообщилъ генералъ К-ій, присутствовавшій на немъ, вмѣстѣ съ генераломъ Лукомскимъ, по службѣ.

Государь, какъ я сказалъ, въ началѣ десятаго часа пришелъ въ генералъ-квартирмейстерскую часть и занялъ свое обычное мѣсто за столомъ, гдѣ ежедневно происходили эти доклады. Спокойно, внимательно слушалъ Государь ген. Алексѣева, который вначалѣ волновался, спѣшилъ и только черезъ нѣсколько минутъ, подъ вліяніемъ вопросовъ Его Величества, замѣчаній и указаній, сталъ докладывать какъ всегда. Государь припоминалъ фронтъ поразительно точно, указывая на части войскъ, фамиліи начальниковъ и характерныя особенности то-

го или другого мѣста боевой линіи. А вѣдь она тянулась чуть ли не на 3.000 верстъ!

— «Я не могъ оторвать отъ Царя глазъ», говорилъ ген. К-ій — этотъ сдержанный и холодный человѣкъ. «Сколько должно было быть силы воли у Государя, чтобы полтора часа слушать въ *послѣдній* разъ докладъ о великой войнѣ. Вѣдь Государь, нечего скрывать, относился къ боевымъ операціямъ не только сознательно, но Онъ ими руководилъ и давалъ опредѣленныя указанія Михаилу Васильевичу. И все это оборвать, кончить, помимо Своей воли, отлично понимая, что отъ этого *навѣрное* дѣла наши пойдутъ хуже. Я даже задавалъ себѣ вопросъ, что это равнодушіе или ясно сознанная необходимость порядкомъ закончить Свою роль передъ Своимъ Штабомъ Только передъ тѣмъ, какъ оставить всѣхъ насъ, Государь какъ-будто взволновался и голосомъ болѣе тихимъ, чѣмъ всегда, и болѣе сердечнымъ сказалъ, что Ему тяжело разставаться съ нами и грустно *послѣдній* разъ, быть на докладѣ, «но видно Воля Божія — сильнѣе Моей воли Хочется вѣрить, что Россія останется побѣдительницей и всѣ жертвы, понесенныя ею, не пропадутъ...» Затѣмъ Государь пожалъ намъ всѣмъ руки и быстро вышелъ въ сопровожденіи ген. Алексѣева. Вотъ такъ и состоялся этотъ историческій послѣдній докладъ Императору Николаю II отъ Его начальника Штаба», закончилъ генералъ К-ій.

Около полудня этого-же дня стало извѣстно, что днемъ изъ Кіева прибываетъ Императрица Марія Ѳеодоровна для свиданія съ Государемъ.

7-ое марта, вторникъ.

Вечеромъ, послѣ 6-ти часовъ, Государь у Себя въ кабинетѣ писалъ Свой прощальный приказъ по арміи и флоту. Трудно найти болѣе сердечное, задушевное и благородное слово, какъ это послѣднее обращеніе Императора къ своимъ войскамъ. Въ этомъ Его приказѣ сказался весь обликъ Русскаго Царя Николая Александровича: чрезвычайная простота и искренность, глубокая душевность, полное забвеніе Своихъ личныхъ интересовъ и горячая забота только о Россіи и русскомъ народѣ. Царь вѣрилъ въ силу народа, въ Свою, при Немъ, побѣдоносную армію и Онъ, забывъ Себя, указывалъ на необходимость

«повиновенія Временному Правительству... слушаться начальниковъ...». Вотъ этотъ документъ, полный исторической красоты и благородства:

ПРИКАЗЪ НАЧАЛЬНИКА ШТАБА
ВЕРХОВНАГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩАГО,
8-го МАРТА 1917 г. № 371.

Отрекшійся отъ престола Императоръ Николай II, передъ своимъ отъѣздомъ изъ района дѣйствующей арміи, обратился къ войскамъ со слѣдующимъ прощальнымъ словомъ:

«Въ послѣдній разъ обращаюсь, къ Вамъ, горячо любимыя мною войска. Послѣ отреченія мною за себя и за сына моего отъ престола Россійскаго, власть передана Временному Правительству, по почину Государственной Думы возникшему. Да поможетъ ему Богъ вести Россію по пути славы и благоденствія. Да поможетъ Богъ и Вамъ, доблестныя войска отстоять нашу Родину отъ злого врага. Въ продолженіе двухъ съ половиной лѣтъ Вы несли ежечасно тяжелую боевую службу, много пролито крови, много сдѣлано усилій и уже близокъ часъ, когда Россія, связанная со своими доблестными союзниками однимъ общимъ стремленіемъ къ побѣдѣ, сломитъ послѣднее усиліе противника. Эта небывалая война должна быть доведена до полной побѣды.

«Кто думаетъ теперь о мирѣ, кто желаетъ его — тотъ измѣнникъ Отечества, его предатель. Знаю, что каждый честный воинъ такъ мыслитъ. Исполняйте же Вашъ долгъ, защищайте доблестно нашу Великую Родину, повинуйтесь Временному Правительству, слушайтесь Вашихъ начальниковъ, помните, что всякое ослабленіе порядка службы только наруку врагу.

«Твердо вѣрю, что не угасла въ Вашихъ сердцахъ безпредѣльная любовь къ нашей Великой Родинѣ. Да благословитъ Васъ Господь Богъ и да ведетъ Васъ къ побѣдѣ Святой Великомученикъ и Побѣдоносецъ Георгій.

«НИКОЛАЙ».

8-го марта 1917 г. — Ставка.

Подписалъ
Начальникъ Штаба Генералъ *Алексѣевъ*.

И эти великія слова Императора Николая II къ Его арміи дѣятелями революціонной Россіи, свергшими своего Царя, не были допущены къ войскамъ. Приказъ этотъ былъ задержанъ въ Ставкѣ и распубликованъ по арміямъ не былъ. Генералъ Алексѣевъ, не подчиненный вообще Военному Министру, счелъ необходимымъ, однако, сообщить по телеграфу новому главѣ Военнаго Министерства Гучкову о томъ, что Государемъ написано прощальное слово къ войскамъ. Въ отвѣтъ на это сообщеніе изъ Петрограда пришла телеграмма въ Ставку съ воспрещеніемъ печатать и распространять прощальный приказъ Царя. Давній упорный и злобный врагъ и интригантъ противъ Государя, одинъ изъ главнѣйшихъ дѣятелей революціи и переворота Гучковъ, съ первыхъ-же часовъ «своей дѣятельности», совершаетъ гнусный и подлый поступокъ, не допуская прощальнаго слова Царя до рядовъ русскихъ солдатъ. Алексѣевъ и Гучковъ, осуществивъ переворотъ и измѣну, очевидно, боялись, что слово Царя западетъ въ душу солдата, произведетъ смущеніе и можетъ вызвать негодованіе, ропотъ и волненіе на фронтѣ. Они опасались, что армія не съ измѣнниками...

Сравнивая слова Государева приказа, которыя дышатъ такой заботой о Родинѣ, о «неослабленіи порядка службы», съ этими торопливыми распоряженіями Алексѣева и Гучкова, съ полной ясностью представляется, къ какимъ недостойнымъ, мелкимъ людямъ перешла власть въ дни величайшей нашей войны.

Этотъ дивный, святой приказъ Русскаго Императора Николая Александровича къ своимъ войскамъ, а черезъ нихъ и ко всей Великой Россіи, не по винѣ Государя не дошедшій до нея, запечатлѣнъ теперь праведной кровью Царя-Мученика, принявшаго смерть, но не ставшаго измѣнникомъ своего Отечества и сохранившаго до могилы непоколебимую вѣрность своимъ союзникамъ...

ОЧЕВИДЕЦЪ.

Россія и союзники.

I.

Верховный Главнокомандующій Великій Князь Николай Николаевичъ еще не успѣлъ выѣхать на фронтъ какъ съ первыхъ же дней войны, въ концѣ іюля 1914 г., черезъ министерство иностранныхъ дѣлъ и военныхъ представителей союзныхъ государствъ въ Россіи, стали поступать настойчивыя требованія Франціи произвести диверсію въ Восточной Пруссіи для облегченія положенія на англо-французскомъ фронтѣ.

Въ воспоминаніяхъ бывшаго французскаго посла М. Палеолога, послѣдній пишетъ, что 5-го августа (1) онь лично «умолялъ» Государя Императора повелѣть русскимъ арміямъ начать немедленное наступленіе. Съ той-же просьбой и въ тотъ-же день, французскій посолъ обратился и къ Верховному Главнокомандующему.

9-го августа, генералъ Янушкевичъ, отъ имени Великаго Князя Николая Николаевича, сообщилъ французскому послу, что Виленской арміи будетъ предписано наступать на Кенигсбергъ, а Варшавской арміи — содѣйствовать этому наступленію

(1) *Revue des Deux Mondes, 1921.* — Всѣ числа по новому стилю.

Начать наступленіе въ Восточную Пруссію предполагалось 14-го августа.

21-го августа французскій посолъ получилъ предписаніе своего Правительства настаивать на ускореніи наступленія русской арміи и немедленно отправился къ Военному Министру генералу Сухомлинову, которому въ «энергичной формѣ» передалъ требованіе своего Правительства.

Требованія эти, естественно, шли въ разрѣзъ съ планомѣрнымъ выполненіемъ стратегическаго развертыванія русскихъ армій и ставили Верховнаго Главнокомандующаго, съ первыхъ его шаговъ въ управленіи ими, передъ тяжелою задачею. Начальникъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго генералъ Янушкевичъ и Главнокомандующій сѣверо-западнымъ фронтомъ генералъ Жилинскій опредѣленно высказывались противъ наступательныхъ операцій. Генералъ-квартирмейстеръ Даниловъ, наоборотъ, настаивалъ на необходимости немедленно поддержать союзниковъ. Генералъ отъ кавалеріи Жилинскій, запрошенный по этому поводу, настойчиво доносилъ изъ Варшавы о томъ, что немедленное и преждевременное начало частныхъ наступательныхъ операцій серьезно угрожало ходу до той поры весьма успѣшной мобилизаціи и подвергало наши еще не готовыя войска всѣмъ неисчислимымъ опасностямъ первыхъ пораженій и расходованія силъ по частямъ.

Несмотря на многочисленныя представленія и полное личное убѣжденіе въ нежелательности преждевременныхъ и поспѣшныхъ частичныхъ операцій, Его Императорское Высочество, послѣ тяжелой нравственной борьбы, оказался вынужденнымъ принести успѣшное начало русскихъ военныхъ операцій въ жертву общему положенію на театрахъ военныхъ дѣйствій союзниковъ.

20-го августа, русскія войска перешли границу Восточной Пруссіи.

II.

Къ 22-му августа положеніе нашихъ союзниковъ на Западномъ фронтѣ было крайне серьезно.

Французскія арміи, предпринявшія наступленіе въ Арденнахъ, на рѣкѣ Самбрѣ и въ Лотарингіи, были разбиты. 24-го августа 3-я, 4-я и 5-я французскія и англійская арміи начали отступленіе. Это отступленіе совершалось подъ непрерывною угрозою глубокаго обхода лѣваго фланга, которому англо-фран

цузскія арміи оказывались безсильными противодѣйствовать. Бельгійская армія, укрывшаяся за фортами Антверпена, была оставлена германцами подъ наблюденіемъ сильнаго заслона. По всему фронту — отъ Вердена до рѣки Шельды — германскія арміи тѣснили нашихъ союзниковъ, слѣдуя за ними по пятамъ и опредѣленно имѣя въ виду развивать обходъ ихъ лѣваго фланга, постепенно отбрасывая союзныя арміи къ югу, открывая себѣ пути на Парижъ и намѣреваясь, наконецъ, раздавить англо-французовъ въ генеральномъ сраженіи.

Въ высшемъ командованіи, въ Парижѣ и въ Лондонѣ, царило замѣшательство и возникали пререканія. Вопросы обороны рѣшались подъ вліяніемъ этого замѣшательства. Совмѣстныя дѣйствія страдали отъ этихъ пререканій. Начавшееся до войны разореніе Лилля и крѣпостного раіона, оборонявшаго богатѣйшую промышленную область Франціи, повело къ безпорядочной эвакуаціи всей этой мѣстности, черезъ которую германская кавалерія генерала фонъ деръ Марвица проходила безъ задержекъ, окрыляя глубокій обходъ армій фонъ Бюлова и фонъ Клука.

Одинъ изъ выдающихся писателей военно-историческаго отдѣла генеральнаго штаба такъ характеризуетъ управленіе союзными арміями въ первые дни войны:

«Трудно себѣ представить безсодержательность директивъ данныхъ высшимъ командованіемъ для начала нашихъ военныхъ дѣйствій. Чтобы найти что-либо подобное въ исторіи, приходится вернуться къ распоряженіямъ Мака въ 1805 году».

Вотъ образецъ одной изъ этихъ директивъ:

«Главнокомандующій намѣренъ искать сраженія всѣми сосредоточенными силами, примыкая къ Рейну правое крыло своего боевого расположенія. Въ случаѣ надобности, главнокомандующій оттянетъ назадъ лѣвое крыло своего расположенія, дабы избѣжать столкновеній, могущихъ оказаться рѣшительными для нѣкоторыхъ изъ армій, ранѣе нежели другія арміи окажутся въ состояніи ихъ поддержать. Однако возможно, что мы успѣемъ выдвинуть впередъ свое лѣвое крыло, въ случаѣ если правое крыло германцевъ будетъ задержано передъ Льежемъ или смѣстится къ югу...».

Вечеромъ, 24-го августа, весь союзный фронтъ былъ въ полномъ отступленіи.

Англійская экспедиціонная армія Сэра Джона Френча,

послѣ боя у Ландреси, потерпѣла 26-го сильный уронъ въ бою у Ле-Като, послѣ чего продолжала отступленіе на С. Кантенъ и Камбрэ. 3-я, 4-я и 5-я французскія арміи переходятъ въ частичныя и разрозненныя контръ-атаки. Арьергардные бои и попытки перехода въ наступленіе ведутъ къ ряду изнурительныхъ передвиженій. Разрушеніе мостовъ на Маасѣ выполняется только отчасти. Нѣкоторые изъ частныхъ переходовъ въ наступленіе затягиваются, внося еще больше безпорядка въ движеніе фронта. Командующій 3-й арміей, задержавшійся на Маасѣ вслѣдствіе удачныхъ арьергардныхъ боевъ смѣщается съ командованія. Черезъ нѣсколько дней, той-же участи подвергается командующій 5-ой арміей.

«Тѣмъ, кто видѣлъ безпорядокъ этихъ колоннъ, запрудившихъ и загромоздившихъ дороги, казалось, что германцамъ стоитъ только пустить ихъ кавалерію, чтобы отступленіе обратилось въ бѣгство...».

Что касается мирнаго населенія покидавшихся областей, то «для простодушнаго крестьянина армія, которая отступаетъ, не сумѣла защитить страну; она не заслуживаетъ уваженія и это ей даютъ понять...».

Высшее командованіе 26-го Августа держитъ родъ военнаго совѣта въ С. Кантенѣ, при участіи генераловъ Жоффра, Ланрезака, д'Амада и Сэра Джона Френча. Англійскій командующій обращается къ французскому главнокомандующему:

— «Что-же, вашъ планъ остается въ силѣ?».

— «Мой планъ? какой планъ?» — отвѣчаетъ растерянный главнокомандующій.

Въ это время, въ сводкахъ штабовъ отступающихъ французскихъ армій начинаютъ появляться первыя свѣдѣнія о нашихъ успѣхахъ:

«Большая побѣда русской Виленской арміи у Гумбиннена 22-го августа. Наши союзники приблизились на сотню километровъ къ Кенигсбергу. Одновременно, Варшавская армія достигла, 23-го августа, линіи Ортельсбургъ-Нейденбургъ-Сольдау. Въ Австріи русскіе безостановочно продолжаютъ свое наступленіе; они владѣютъ переправами на Серетѣ, къ югу отъ Тарнополя».

27-го августа сообщается:

«Наши союзники съ успѣхомъ продолжаютъ свое наступленіе въ Восточной Пруссіи».

III

Въ это время у нашихъ общихъ противниковъ происходитъ слѣдующее:

22-го августа, т. е. въ тотъ день когда наступательныя попытки французскихъ армій въ Арденнахъ, на Самбрѣ и въ Лотарингіи окончились пораженіемъ, — генералъ Людендорфъ по дорогѣ между Вавромъ и Намюромъ получилъ въ 9 ч. утра слѣдующее письмо отъ Начальника Германскаго Генеральнаго Штаба генерала графа фонъ Мольтке:

«Вы будете поставлены передъ новою и трудною задачею, можетъ быть, болѣе трудною нежели штурмъ Льежа. Я не знаю другого человѣка, къ которому я имѣлъ бы столь полное до вѣріе, какъ къ Вамъ. Можетъ быть Вы еще спасете положеніе на Востокѣ. Вы не можете быть отвѣтственнымъ за то, что уже произошло, но Вы можете Вашей энергіей предотвратить еще худшее...».

Положеніе въ Восточной Пруссіи было критическимъ. 8-я германская армія, 20-го августа атаковала генерала Ренненкампфа у Гумбиннена, была отброшена и находилась 22-го августа въ полномъ отступленіи за линію р. р. Ангерапъ и Дейме, на высоту передовыхъ фортовъ Кенигсберга. Укрѣпленная линія озеръ Николайкенъ-Летценъ находилась подъ непосредственною угрозою превосходныхъ русскихъ силъ.

Предполагалось продолжить отступленіе 8-ой арміи за нижнюю Вислу, очистить всю Восточную Пруссію и оставить лишь гарнизоны крѣпостей. Это рѣшеніе было принято въ надеждѣ на скорый, рѣшительный исходъ операцій на западномъ фронтѣ. Послѣ разгрома англо-французовъ, предполагалось приступить къ борьбѣ за освобожденіе Восточной Пруссіи.

«Отступленіе за Вислу, пишетъ генералъ Людендорфъ. принесло бы наше пораженіе. Мы не были бы въ состояніи удержать линію Вислы въ виду превосходныхъ силъ русскихъ и во всякомъ случаѣ оказались бы безсильными поддержать въ сентябрѣ австро-венгерскую армію. Въ такомъ случаѣ она перестала бы существовать».

26-го августа, группа генерала Ренненкампфа достигла главными силами линіи Алленбургъ-Гердауенъ-Нейденбургъ. Группа Самсонова наступала къ линіи Бишофсбургъ-Алленштейнъ-Гогенштейнъ-Уздау. Вечеромъ 26-го, наши войска за-

няли Алленштейнъ. Генералъ Людендорфъ остановилъ общее отступленіе 8-ой германской арміи. Германскія силы были быстро перегруппированы. На фронтѣ генерала Ренненкампфа. между Прегелемъ и Мазурскими озерами, передъ 24 пѣхотными дивизіями съ кавалеріей, были оставлены двѣ кавалерійскія бригады. Все остальное, до послѣдняго человѣка, включая гарнизоны Вислинскихъ крѣпостей, было брошено на группу генерала Самсонова.

26-го августа, въ виду неоднократныхъ и категорическихъ приказаній Штаба Верховнаго Главнокомандующаго, генералъ Самсоновъ началъ наступленіе въ раіонѣ Млава-Сольдау.

Медленность наступленія нашей восточной группы вмѣстѣ съ ошибочнымъ маневрированіемъ уступнаго расположенія ген. Самсонова привели къ роковымъ для насъ результатамъ **сраженія при Танненбергѣ** (Сольдау), 27-30-го августа. Что касается боевыхъ дѣйствій нашихъ войскъ, то они дали цѣлый рядъ примѣровъ необычайнаго мужества и стойкости.

Стоитъ только вспомнить бой подъ Каушеномъ.

Несвоевременность нашихъ наступательныхъ операцій и неудачное руководство войсками, вторгшимися въ Восточную Пруссію, сводили на нѣтъ результаты добытые геройскимъ порывомъ русской арміи.

Однако, *цѣль* диверсіи нашей въ Восточную Пруссію *была уже достигнута.*

Къ началу сраженія ген. Людендорфъ получилъ телеграмму, извѣщавшую его о *прибытіи къ нему подкрѣпленій съ Западнаго фронта.*

Три армейскихъ корпуса и одна кавалерійская дивизія были предназначены главнымъ германскимъ командованіемъ, чтобы остановить наше наступленіе. Изъ нихъ дѣйствительно прибыли въ Восточную Пруссію: 1-ый гвард. резервный корпусъ, 11-ый армейскій корпусъ и 8-ая кавалерійская дивизія.

«Рѣшеніе ослабить себя на западѣ, пишетъ генералъ Людендорфъ, было преждевременнымъ. Мы на Востокѣ не могли этого предвидѣть. Свѣдѣнія съ Запада были очень благопріятны. *Особенное значеніе такого рѣшенія усиливалось еще тѣмъ, что подкрѣпленія, предназначенныя на Востокъ, были сняты съ праваго, рѣшительнаго крыла*, а не съ лѣваго...»

IV.

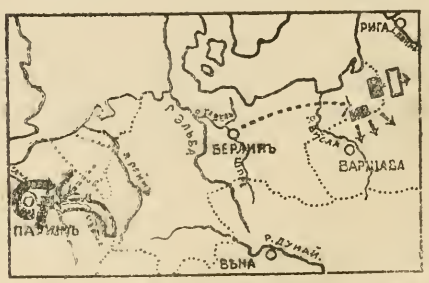
Вліяніе переброски подкрѣпленій въ Восточную Пруссію сказывалось на Западномъ фронтѣ для германцевъ все сильнѣе и сильнѣе, по мѣрѣ приближенія развязки всей операціи — генеральнаго сраженія.

«Неожиданное наступленіе русскихъ въ Восточную Пруссію, пишетъ генералъ Palat, имѣло результатомъ заставить германцевъ снять съ ихъ Западнаго фронта около двухъ армейскихъ корпусовъ, которые направились черезъ всю Имперію на подкрѣпленіе восточной арміи. Этотъ фактъ вмѣстѣ съ сопротивленіемъ бельгійской арміи въ Антверпенѣ, *имѣлъ чрезвычайную важность.* Масса оперирующая противъ англо-французскихъ армій оказалась значительно уменьшенною и *результаты этого дали себя почувствовать въ будущемъ, въ дни сраженія на Марнѣ*».

Положеніе на театрѣ военныхъ дѣйствій 20 августа 1914 г.

Положеніе на театрѣ военныхъ дѣйствій 27 августа 1914 г.

Германцы продолжали настойчиво развивать идею обхода. 1-го сентября, армія ген. фонъ Клука получаетъ приказаніе вмѣсто движенія въ долину Уазы идти прямо на Парижъ. 2-го сентября это приказаніе исполняется. Однако, уже черезъ день оказывается недостатокъ силъ для поддержанія широкаго, охватывающаго фронта. 4-го сентября, 1-ая германская армія измѣняетъ свое направленіе съ южнаго на юго-восточное. Наканунѣ завершенія операціи, основная идея которой заключалась въ обходѣ, германцы вынуждены сокращать свой



Положеніе на театрѣ военныхъ дѣйствій 4 сентября 1914 г.

фронтъ. Поэтому идея обхода замѣняется новою идеею. Германцы надѣются использовать прорывъ образовавшійся благодаря быстрому отступленію англійской арміи, между ею и 5-ою французскою арміею. 1-ая армія фонъ Клука направляется въ этотъ прорывъ, оставляя безъ вниманія арміи парижскую и 6-ую.

«Какъ согласовать, спрашиваетъ французскій историкъ, такую *колоссальную* ошибку съ непогрѣшимостью германскаго генеральнаго штаба?».

Отвѣтъ простъ. Наша диверсія въ Восточной Пруссіи вынуждала противника къ этому ошибочному и роковому для него рѣшенію за недостаткомъ силъ.

Стремясь заполнить прорывы образовавшіеся въ линіи фронта, армія генерала фонъ-Клука приближается къ арміи генерала фонъ-Бюлова и изъ обходящей становится обойденной. Германцы подставляютъ свой правый флангъ ударамъ вновь сформированной къ сѣверу отъ Парижа, 6-ой французской арміи генерала Монури.

Приведенные историческіе факты, подтверждаемые нѣмецкими и французскими источниками, о совмѣстныхъ операціяхъ начала войны Россіи и ея союзниковъ противъ германской арміи съ полной неопровержимостью выдѣляютъ громадную помощь, данную русской арміею французскому командованію въ тѣ дни, когда бои перваго періода войны колебали увѣренность гражданъ Парижа о судьбѣ столицы Франціи.

Цвѣтъ русскаго населенія, лучшія войска Императора Николая II, части Его гвардіи, въ бояхъ конца лѣта 1914 г., пожертвовали своей жизнью за интересы своихъ союзниковъ — французовъ. Вотъ почему официозный органъ правительства Республики « Temps », по поводу неожиданныхъ предположеній о судьбѣ остатковъ великой русской арміи, находящейся нынѣ, весною 1921 года, въ окрестностяхъ Константинополя, говоритъ:

«Конечно, Франція понесла большія затраты на содержаніе арміи Врангеля, но мы не должны забывать, что армія Врангеля является наслѣдницей той арміи, которая цѣной огромныхъ потерь *дала Франціи и союзникамъ возможность подготовиться къ окончательной побѣдѣ*... — Если другіе (Англія) объ этомъ забыли, то Франція, не послѣдовавъ ихъ примѣру, лишній разъ пошла по пути своихъ традицій...»

Въ тяжелые дни, переживаемые Россіей, когда никто намъ не протягиваетъ руку помощи, все-таки даютъ нѣкоторое моральное утѣшеніе справедливыя слова французскаго офиціоза.

ЭНГО

Четыре года смуты.

(Мартъ 1917 — мартъ 1921).

Пусть въ нашемъ народѣ звѣрство и грѣхъ... но онъ не принимаетъ, не приметъ и не захочетъ принять своего грѣха за правду!..

Народъ грѣшитъ и пакостится ежедневно, но и въ лучшія минуты, во Христовы минуты, онъ никогда въ правдѣ не ошибется.

Достоевскій.

Прошло четыре года. На глазахъ всего міра великая могущественная Имперія не только перестала существовать, но вымираетъ. Громадныя области превратились почти въ пустыни, города съ сотнями тысячъ жителей стали скопищемъ заразы, болѣзней, превращаясь въ обширныя кладбища. Вся дѣятельность страны замерла: нѣтъ фабрикъ, заводовъ, путей сообщенія, перевозочныхъ средствъ; сельскій трудъ, которымъ была такъ богата Русь, погибаетъ, ибо нѣтъ сѣмянъ для посѣва, лошадей для работъ, а главное интереса для труда, не могущаго ничего дать трудящемуся...

Небрезгливые народы Европы давно пытаются сноситься съ Совѣтской Россіей. Бывшая наша союзница Англія заключила торговый договоръ съ Ленинымъ и Троцкимъ и не стыдится замарать себя общими дѣлами съ руководителями большевистскаго строя, погрязшими въ разбояхъ и крови.

«Лига народовъ» толкуетъ объ интересахъ націй въ тѣ дни и часы, когда русская нація обречена Европой на явную гибель и когда заграничная пресса ежедневно даетъ страшныя картины голода Россіи и съ научной точностью обсуждаетъ вопросъ, сколько милліоновъ уже вымерло тамъ — 30 или 40.

Истина, однако, все побѣждаетъ. Пройдутъ года, и грядущія поколѣнія узнаютъ несомнѣнную постепенность событій, происшедшихъ на несчастной нашей родинѣ.

Ушелъ, отрекся Царь, измученный озлобленными клеветами, прдолжительною интригою, измѣною и предательствомъ.

Покинулъ тронъ Государь рѣдкой чистоты, правдивости, глубокой Вѣры и безконечной любви къ Родинѣ, упорнаго труда и широкаго разума. Безконечныя муки, издѣвательства и смерть принялъ Онъ со всѣмъ семействомъ своимъ, съ кротостью неописуемой. Народное чувство, православная церковь, истинная глубокая вѣра русскихъ людей поймутъ и почувствуютъ потомъ правдивую жизнь Императора Николая II и Его ни въ чемъ неповинной семьи и причтутъ Ихъ къ мученикамъ и праведникамъ.

Рухнулъ вѣками налаженный строй, разсыпалось царство и народъ, у котораго вырвали его идеологію, вѣрованія, упованія, быстро началъ переходить къ самоуправству и анархіи. Замѣнившее Царя Временное Правительство «довѣріемъ облеченныхъ лицъ», со всѣми ихъ ничтожными именами, не имѣло никакого значенія въ глазахъ народа, было свергнуто, и сталъ ширіться и развиваться *большевистскій строй*, болѣе разбойный нежели власть Разина, Булавина и Пугачева. Началось истребленіе лучшихъ людей Россіи, идутъ казни, подобныхъ которымъ не знаетъ исторія. Не щадится ни церковь, ни старость, ни младенчество. Крестьяне, рабочіе, горожане и бывшіе служилые люди, хозяева фабрикъ и заводовъ, духовенство и весь народъ въ глубочайшемъ ужасѣ терпятъ это красное иго и угнетенные имъ, не имѣютъ доселѣ силъ ни моральныхъ, ни физическихъ для сверженія этой сатанинской власти большевиковъ.

Великая русская армія, рожденная Петромъ, армія Екатерины, Суворова, Потемкина, Александра Благословеннаго, Кутузова, Багратіона, Ермолова, Александра-Освободителя и Александра-Миротворца, Скобелева, Радецкаго, Гурко, армія великой войны съ нѣмцами, положившая основу успѣхамъ нашихъ союзниковъ, все-таки, по существу, не омрачила доблестной своей исторіи. Она, въ огромной своей массѣ, не измѣнила присягѣ, а когда Государь отрекся отъ престола, не стала служить никому послѣ ухода Царя и Императора, олицетворяя въ Немъ понятіе о родинѣ, честп и свободѣ Росіи, и нашъ солдатъ уже не сталъ биться «до побѣднаго конца», ни при комъ, начиная съ генерала Алексѣева и до прапорщика Крыленко, включительно.

Въ этомъ величайшая заслуга русской арміи — лица русскаго народа и родной земли. Что же это былъ бы за народъ,

если бы онъ такъ просто, такъ безъ сердца, души и разума бросилъ свои идеалы, свои вѣковѣчныя понятія о Вѣрѣ, Царской власти и Родинѣ, которыя исповѣдывалъ тысячу лѣтъ. Солдатская масса искреннѣе, проще и непосредственнѣе другихъ поняла, а главное почувствовала, что никакой войны безъ Царя быть не можетъ и стала расходиться по домамъ, чиня нерѣдко насилія надъ офицерами, подъ вліяніемъ упорной и злобной агитаціи нашихъ революціонеровъ всѣхъ толковъ и направленій, и предоставила людямъ, совершившимъ переворотъ, создать новую Россію на новыхъ началахъ.

Теперешняя красная армія Совѣтской власти — это не русская національная армія, а просто каторжнымъ строемъ собранные люди, подъ пулеметами насильниковъ, латышей, китайцевъ и шаекъ разбойниковъ-комиссаровъ, еле-еле ведущіе войну. Успѣхи красныхъ обусловливаются только разваломъ ихъ противниковъ, не знавшихъ доселѣ ясной идеи борьбы съ большевиками. Вотъ что говоритъ о побѣдахъ красной арміи самъ владыка Совдепіи, Ленинъ, на съѣздѣ интернаціоналистовъ, лѣтомъ 1920 г., въ Москвѣ: «Россія, слабая, разоренная, отсталая, подавленная страна, остается побѣдительницей не потому, что мы стали сильнѣе въ военномъ отношеніи — *это, конечно, абсурдъ* — а потому, что одна держава дѣйствовала вопреки другой. Несговоренность Франціи и Англіи всему виной. Вотъ причины нашихъ удачъ». Эти слова Ленина звучатъ правдой. А тѣ изъ насъ, кто видалъ своими глазами красные полки, скажутъ съ глубочайшимъ убѣжденіемъ — это не россійская армія...

Тяжкое время еще ожидаетъ русскихъ людей. Полное разрушеніе страны нескоро дастъ намъ силы воспрянуть и начать собирать, вновь созидать, понемногу, нашу Русь. Но всегда надо твердо помнить, что развалили ее, многострадальную, въ 1917 году, а съ тѣхъ поръ большевики и иностранные народы только растаскиваютъ по кускамъ.

Пройдутъ, однако, года и милліоны великаго русскаго народа опять станутъ тѣмъ, чѣмъ были: сильными и мощными, богатыми своими громадными землями и могучими своимъ духомъ, своею русскою культурою и великою, свободною, чудною православною Вѣрою. Безъ этой Вѣры нельзя жить.

Дм. ВОЖИНЪ.

Красная дѣва.

... и безъ пролитія крови не бываетъ прощенія.

(Посланіе Св. Ап. Павла къ Евреямъ гл. 9, ст. 22).

Гдѣ-то въ глуши необъятной Россіи,
Въ храмѣ убогомъ на сонной рѣкѣ
Видѣлъ икону я Дѣвы Маріи
Въ красномъ хитонѣ съ сѣкирой въ рукѣ.
Очи глядѣли безстрастно и строго,
Не было кротости въ дивномъ лицѣ,
И на колѣняхъ у Матери Бога
Плакалъ младенецъ въ терновомъ вѣнцѣ.

Гдѣ эта церковь... не помню я нынѣ...
Цѣлъ-ли тотъ образъ въ ея алтарѣ?!...
Онъ мнѣ мерещится въ мертвой равнинѣ,
Въ красномъ туманѣ, на красной зарѣ.

Ходитъ по пажитямъ Красная Дѣва,
Красная Дѣва съ сѣкирой въ рукѣ,
Рубитъ сѣкирою справа налѣво,
Тонетъ Россія въ кровавой рѣкѣ!
Красный туманъ черезъ нивы безъ хлѣба
Стелется тихо по сѣрой землѣ,
Жутко отъ зарева краснаго неба,
Гулко отъ краснаго звона въ Кремлѣ.
Ходитъ по площади Красная Дѣва,

Красная Дѣва съ сѣкирой въ рукѣ,
Рубитъ сѣкирою справа налѣво,
Тонетъ Россія въ кровавой рѣкѣ!
Сорвана съ плечъ парчевая накидка,
Мука въ очахъ... пересохли уста...
Шепчетъ Россія: «За что эта пытка?
Чѣмъ заслужила я ужасъ креста?!»
Ходитъ по весямъ безмолвная Дѣва,
Красная Дѣва съ сѣкирой въ рукѣ
Рубитъ сѣкирою справа налѣво,
Стонетъ Россія въ смертельной тоскѣ:
«Я ли не вѣрила въ красное пламя?
«Я-ль не лелѣяла красные сны?
«Я ли не куталась въ красное знамя?
«Я ли не жаждала красной весны?
«Красные я-ль не слагала напѣвы,
«Красную въ нихъ славословя зарю?!»
. . . . . .

Къ ней наклоняется Красная Дѣва
И отвѣчаетъ, блѣднѣя отъ гнѣва:
— «Ты своему измѣнила Царю!!...
. . . . . .

Ты своему измѣнила Царю...»

В. МЯТЛЕВЪ.

Весна 1921 г.

(Изъ письма въ редакцію).

Къ веснѣ 1921 г. особенно тяжелыя перспективы стояли передъ Россіей. Въ половинѣ марта, когда повсюду въ нашемъ отечествѣ поднимались возстанія противъ совѣтской власти, отъ Кронштадта до береговъ Чернаго моря, отъ западныхъ границъ до далекой Восточной Сибири, бывшая наша союзница Англія спѣшитъ заключить договоръ съ Ленинымъ и Троцкимъ. Спѣшитъ поддержать враговъ и палачей русскаго народа въ борьбѣ за сверженіе ненавистнаго ига большевиковъ. Но затѣмъ, почти въ тѣ-же дни, наша вѣрная союзница, благородная Франція, неожиданно и непонятно для всѣхъ насъ русскихъ, предъявляетъ генералу Врангелю суровыя, тяжелыя, неисполнимыя требованія въ отношеніи его арміи.

Глубоко взволновали всѣхъ русскихъ людей эти два новыя явленія горькой, скорбной ихъ жизни. Безъ различія партій и направленій, во всѣхъ государствахъ Европы, среди невольныхъ изгнанниковъ и бѣженцевъ Россіи, раздались голоса негодованія и порицанія по поводу того, что произошло въ мартѣ 1921 г. въ Лондонѣ и Парижѣ. Эти голоса, какъ и слѣдовало ожидать, все-же были услышаны во Франціи и отразились до извѣстной степени благопріятно на ея поступкахъ, касающихся героевъ крымской арміи, но иное отношеніе продолжаетъ проявляться къ русскому дѣлу въ отвѣтственныхъ и правящихъ кругахъ Великобританіи.

Нѣтъ надобности передавать все то, что писалось въ это время, можно только опредѣленно сказать, что всѣ одинаково скорбѣли.

Но есть голоса, къ которымъ слѣдуетъ особенно прислушаться, — это голоса тѣхъ, кто непосредственно, безбоязненно отдавалъ свою жизнь за общіе интересы союзниковъ и Россіи.

Это голоса русскихъ военныхъ людей, которымъ особенно больно и тяжко переживать то, что сейчасъ происходитъ.

Вотъ почему мы не можемъ не помѣстить въ нашей первой книжкѣ «Русской Лѣтописи» выдержки изъ письма извѣстнаго нашего боевого генерала, бывшаго Донскаго Атамана Петра Краснова намъ въ редакцію, по поводу послѣднихъ событій. Тонъ письма горячъ, слова его говорятъ о глубокомъ потрясеніи, обидѣ за родину и нашу, нѣкогда великую царскую армію. Это пишетъ не журналистъ, а человѣкъ, который воевалъ съ 1914 года.

Мы беремъ здѣсь то, что авторъ говоритъ только объ Англіи:

«Въ нужную минуту Англія (не Ллойдъ-Джорджъ — но Англія) заключаетъ торговый договоръ съ совѣтской республикой и запрещаетъ подать помощь рабочимъ и матросамъ, возставшимъ въ Кронштадтѣ противъ коммунистовъ.

«Но такъ должно было быть и нужно быть очень близоруким политикомъ, или совсѣмъ не знать исторіи, чтобы не понять истиннаго положенія.

«Въ XIX вѣкѣ въ Англіи нарождается Восточный вопросъ. Тутъ не столько страхъ за Индію, сколько страхъ вообще за свой кошелекъ, за свою торговлю. Русскій ситецъ и сарпинка оказываются больше по вкусу туркестанскому сарту, китайцу, персу и афганцу. Русскій купецъ ближе къ нему и симпатичнѣе. Русскіе сумѣли оросить пустыни Сыръ-Дарьи и русскій хлопокъ появился на иностранномъ рынкѣ, русскій товаръ оказался не хуже англійскаго, появилось дешевое сибирское сукно и не только русскій рынокъ началъ закрываться для англійскихъ товаровъ, но вещи съ надписью «русское издѣліе», «Завъяловъ въ Ворсмѣ» и т.п. стали проникать туда, гдѣ раньше стояло « Made in England ». Россія стала опасна для англійскаго кошелька. А кошелекъ для Англіи — все...

«Война съ Англіей. Трудная для насъ Севастопольская кампанія, полная подвиговъ русскаго офицера и солдата, обнаружила бездну между Россіей и Англіей и, съ этого момента, Англія стала природнымъ врагомъ Россіи.

«Наши дѣды и отцы твердо запомнили имена лордовъ Пальмерстона и Биконсфильда. И почему Ллойдъ-Джорджъ дол-

женъ сойти съ пути, завѣщаннаго ему этими достойными лордами, съ пути, ведущаго къ процвѣтанію Англіи? Владѣй, Британнія, морями! Да и не только морями, а и всею сушею!

«Въ великую послѣднюю войну, увы! многіе это забыли. Англія въ союзѣ съ нами. Какое счастье! Англія помогаетъ намъ снарядами. Какая радость! *Сама* Англія съ нами. *Сама* Англія раскачивалась два года, пока создала сколько-нибудь сносную армію, а мы за это время уничтожили всѣхъ своихъ лучшихъ офицеровъ и уложили цвѣтъ Россійской Имперіи: ея старыхъ солдатъ. Нужно быть офицеромъ съ давнихъ поръ, чтобы понять во что обошлись Россіи 1914 и 1915 года. Я командовалъ полкомъ, гдѣ каждый офицеръ, каждый солдатъ были мастера военнаго дѣла. Мы рѣшали самыя сложныя задачи. Потомъ я командовалъ такою-же дивизіей. Я два раза былъ въ тылу австро-германской арміи — *первый разъ, спасая Парижъ, второй разъ, отстаивая Верденъ.* Гдѣ мои люди?

«Мы *тогда* не роптали, ибо мы дрались за общее дѣло и съ общимъ врагомъ.

«И все-таки Россія была сильна. И все-таки въ 1917 году должна была быть наша побѣда. Это учелъ нашъ врагъ, германскій генеральный штабъ, спѣшно снарядившій къ намъ большевистскую бациллу, но еще раньше *учуяла Англія*, нашъ союзникъ, за котораго въ первые годы войны мы пролили столько русской крови.

«Надо ясно и открыто говорить о дѣятельной организаціи русской революціи посломъ Великобританіи Бьюкененомъ. На чье золото былъ купленъ Петроградскій гарнизонъ, чьи свѣжія двадцатипятирублевки раздавалъ Финляндскому полку вольноопредѣляющійся Линде, когда велъ солдатъ ставить Керенскаго, на чьи средства совершалась «великая безкровная», повергшая Россію въ море крови и пучину бѣдствій?! И что было раньше, приказъ № 1, разложившій армію, или Ленинъ и Троцкій? И не были-ли Ленинъ и Троцкій послѣдствіемъ Керенскаго и приказа № 1, и не довершилъ-ли германскій генеральный штабъ то, что началъ сэръ Бьюкененъ? Объ этомъ мало говорятъ, къ сожалѣнію!

«Россія пала.

«Горсть русскихъ людей собралась на югѣ, чтобы спасать Россію. Горсть рускихъ патріотовъ собралась за Ураломъ, что-

бы поднять Россію. Не приняли еврейскаго ига казаки и добровольцы — христіане и съ Дона и Кубани началась братоубійственная война не на животъ, а на смерть.

«Въ рукахъ большевиковъ и слугъ III-го интернаціонала было все, что нужно для созданія арміи: военные заводы и склады, фабрики, орудія, пулеметы, ружья, снаряды и патроны. У казаковъ и добровольцевъ кромѣ сердца, страдающаго за родину не было ничего. Все приходилось добывать кровью своихъ братьевъ.

«Союзники появились на югѣ Россіи въ ноябрѣ 1918 г., т.е. тогда, когда только что зарождалась красная армія и когда достаточно было лишь искренняго сочувствія со стороны англичанъ, и Деникинъ вошелъ бы въ Москву. Во главѣ англійской миссіи, пріѣхавшей въ Екатеринодаръ, стоялъ генералъ Пуль. До этого ген. Пуль два года работалъ въ Архангельскѣ по снабженію артиллерійскими припасами русской арміи. Онъ искренне полюбилъ Россію и дѣйствительно хотѣлъ помочь казакамъ и добровольцамъ. Онъ лично ознакомился съ положеніемъ дѣлъ на фронтѣ, онъ изучилъ театръ военныхъ дѣйствій и горячо совѣтовалъ Деникину наступать на сѣверо-востокѣ, брать Царицынъ, идти за Волгу, соединяться съ Колчакомъ Отъ Царицына до Колчака тогда было *двѣсти верстъ!* Генералъ Пуль, узнавши, что большевики ведутъ усиленную пропаганду на воронежскомъ фронтѣ, распространяя вѣсти о томъ, что союзники идутъ не съ казаками и добровольцами, но съ большевиками, лично посѣтилъ донской фронтъ. Узнавъ отъ Донского Атамана, что казакамъ на сѣверномъ фронтѣ необходима моральная поддержка иностранцевъ, ген. Пуль обѣщалъ подать бригаду англійской пѣхоты изъ Батума въ Новороссійскъ и оттуда на казачій фронтъ. По его распоряженію, Донской Атаманъ заготовилъ шубы, папахи и валенки для англичанъ.

«Генералъ Пуль хотѣлъ спасенія Россіи и дѣйствовалъ въ ея интересахъ. Онъ забылъ, что интересы Англіи не въ спасеніи Россіи, а въ ея гибели. Онъ былъ спѣшно отозванъ, попалъ въ немилость и на его мѣсто пріѣхалъ генералъ Бриггсъ.

«Деникинъ пошелъ на Украину, начался разладъ между командованіемъ добровольческой арміи, украинцами и казаками. Тылъ захромалъ и въ мартѣ мѣсяцѣ 1920 года все поле-

тѣло прахомъ. Погибли не только лучшіе люди, но и чистое знамя Добровольческой арміи было замарано героями тыла.

«На моихъ глазахъ прошли они, всѣ эти исполнители воли англійскаго правительства — Бриггсы, Кукъ-Коллинсы, Гофы.. Они принесли съ собою сладкій запахъ иностранной валюты и показали наивнымъ русскимъ дикарямъ, какая прекрасная вещь спекуляція. До нихъ, на югѣ, донское правительство установило твердый курсъ размѣна марки — 75 донскихъ копеекъ; когда пришли пронырливые англичане, то курса не стало — донской и царскій рубли не цѣнились ни во что, и въ глазахъ населенія цѣну имѣли только фунты и франки, а въ военномъ станѣ началась денежная вакханалія, и лица съ крупнымъ положеніемъ не гнушались оперировать, мѣняя золото на «до бычу» или фунты, фунты на царскія, царскія на донскія, донскія на колокольчики, колокольчики на «добычу» и т.д. Авторитетъ вождей палъ, а съ нимъ пала и армія.

«Но если-бы англичане хотѣли спасти Деникина и Россію, развѣ не могли они положить этому предѣлъ! Они были всемогущи, и нерѣдко не Бриггсъ ходилъ къ генералу Деникину съ докладомъ, а генералъ Деникинъ ходилъ къ Бриггсу.

«На моихъ глазахъ совершилась петроградская операція. На моихъ глазахъ одѣли солдатъ и офицеровъ великолѣпной по духу сѣверо-западной арміи въ прекрасные френчи и пальто и не дали патронташей. Тылъ былъ въ восторгѣ и благословлялъ англичанъ, фронтъ недоумѣвалъ. Привезли испорченные танки, дали пушки и не дали лошадей къ нимъ, дали русскія винтовки и не дали патроновъ, дали англійскія винтовки и русскіе патроны, обѣщали взять Кронштадтъ и дали два выстрѣла по Красной Горкѣ, а потомъ предали эстонцамъ, обратили офицеровъ и солдатъ въ бѣлыхъ рабовъ на торфяныхъ, сланцевыхъ и лѣсныхъ работахъ, потомъ бросили ихъ воевать заодно съ Польшей, которая дралась не съ большевиками, а съ Россіей и, наконецъ, посадили ихъ за рѣшетку.

«Только то государство сильно, которое имѣетъ сильную армію. Англіи страшна сильная Россія и, *въ первую голову, Англія добилась уничтоженія арміи въ Россіи.* Она систематически истребляетъ русское офицерство всюду, гдѣ только можно, ставя его въ ужасныя условія жизни.

«Приходитъ 1921-ый годъ, четвертый годъ владычества III-го интернаціонала надъ Россіей. Кажется, уже нѣтъ Россіи. 30 0/0 населенія погибло отъ насильственной смерти и отъ голода, казачество уничтожено, рабочіе и крестьяне задавлены. Отъ Россіи осталось одно пространство. Можно уже приступить къ эксплоатаціи природныхъ богатствъ великой русской равнины и завѣтныя мечты англичанъ близки къ осуществленію.

«Но будетъ-ли такъ?

«Весна 1921-го года наступаетъ подъ далеко не благопріятнымъ для Западной Европы знакомъ. Въ Англіи смута, стачки, возстанія въ Ирландіи и Индіи не прекращаются. Франція безконечно устала. Она обезкровлена. Германія притихла и напряженно работаетъ, руководимая соціалистическимъ правительствомъ, не вѣрящимъ въ силу арміи; Россія бушуетъ и разбилась на большинство — голодное, несчастное, оборванное и на меньшинство — наглое, провозгласившее грабежъ и убійство доблестями и жадное на добычу. Эти волки терзаютъ Россію, но настанетъ день, когда имъ нечего станетъ терзать и грабить въ Россіи и тогда они пойдутъ отнимать свое золото у народовъ Европы.

«Успокоеніе наступитъ не скоро. Можно предсказать одно, что Россія оправится раньше, что тогда, когда подойдетъ къ разбитому корыту русскій мужикъ и, натужившись, примется за работу, — пожаръ III-го интернаціонала будетъ гулять по всей Европѣ.

«Не пришлось бы тогда вспомнить о тѣхъ, кто сидитъ теперь за рѣшеткой и проклинаетъ своихъ союзниковъ и въ Польшѣ, и въ Галлиполи, и на Лемносѣ, и въ Чаталджѣ, и въ Египтѣ. Слезы отчаянія въ глазахъ тысячъ офицеровъ, казаковъ и солдатъ и эти слезы не вытрешь вѣками ласки...

«Россія справлялась не разъ. Одолѣла Батыя, справилась съ лихолѣтьемъ Смутнаго Времени, а тогда не королевичъ-ли Владиславъ сидѣлъ въ Москвѣ? Побѣдила Карла XII и отъ пожарища Москвы докатилась до полей Елисейскихъ. Не англичане-ли чествовали тогда атамана Платова въ Лондонѣ и не съ тѣхъ-ли дней съ уваженіемъ и страхомъ говоритъ французъ о cosaques russes?

«*Вернется въ Россію Хозяинъ*, подберетъ возжи, разго-

нитъ стаю хищниковъ, скрипнетъ зубами и возьмется за топоръ на старомъ пепелищѣ рубить новую избу, крѣпче прежней.

«И тогда — будетъ одна русская забота, и орiентація будетъ на золотыя маковки Москвы, да на старую Кострому, а не на Лондонъ и Парижъ.

«Англія возьметъ наше золото, Англія запятнала себя союзомъ съ палачами, но полетятъ палачи и уже пала навсегда въ мнѣніи русскаго народа Англія. Ничего англійскаго — отъ него пахнетъ кровью нашихъ растерзанныхъ отцовъ и матерей — будетъ лозунгъ новой Россіи.

М. Красновъ.

ЧЛЕНЫ РОССІЙСКАГО ИМПЕРАТОРСКАГО ДОМА УБІЕННЫЕ И УМУЧЕННЫЕ БОЛЬШЕВИКАМИ.

Его Императорское Величество, Государь Императоръ **Николай Александровичъ,** род. въ 1868 г. 6 Мая (тез. 6 Дек.)

Ея Императорское Величество, Государыня Императрица **Александра Ѳеодоровна,** род. въ 1872 г. 25 Мая (тез. 23 Апрѣля); въ супруж. съ 14 Ноября 1894 г. Дочь Вел. Герц. Гессенскаго Людвига IV и Супруги его Великой Герц. Алисы.

Августѣйшія Дѣти Государя Императора :

Его Императорское Высочество, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь **Алексѣй Николаевичъ,** род. въ 1904 году 30 Іюля (тез. 5 Октября).

Ея Императорское Высочество, Великая Княжна **Ольга Николаевна,** род. въ 1895 году 3 Ноября (тез. 11 Іюля).

Ея Императорское Высочество, Великая Княжна **Татьяна Николаевна,** род. въ 1897 году 29 Мая (тез. 12 Января).

Ея Императорское Высочество, Великая Княжна **Марія Николаевна,** род. въ 1899 г. 14 Іюня (тез. 22 Іюля).

Ея Императорское Высочество, Великая Княжна **Анастасія Николаевна,** род. въ 1901 г. 5 Іюня (тез. 22 Дек.).

Ея Императорское Высочество, Великая Княгиня **Елисавета Ѳеодоровна,** род. въ 1864 г. 20 Окт. (тез. 5 Сент.); была въ супруж. съ Его Имп. Выс. Вел. Кн. Сергіемъ Александровичемъ (убитъ 4 Февр. 1905 г.).

Его Импер. Высоч. Велик. Князь **Павелъ Александровичъ,** род. въ 1860 г. 21 Сентября (тез. 29 Іюня); былъ въ супруж. съ Ея Импер. Высоч., Велик. Княгин. Александрою Георгіевною (сконч. 12 Сент. 1891 г.).

Его Высоч., Князь **Іоаннъ Константиновичъ,** род. въ 1886 г. 23 Іюня (тез. 24 Іюня).

Его Высоч., Князь **Константинъ Константиновичъ,** род въ 1890 г. 20 Декабр. (тез. 21 Мая).

Его Высоч., Князь **Игорь Константиновичъ,** род. въ 1894 г. 29 Мая (тез. 5 Іюня).

Его Высоч., Князь **Георгій Константиновичъ,** род. въ 1903 г. 23 Апр. (тез. 23 Апр.).

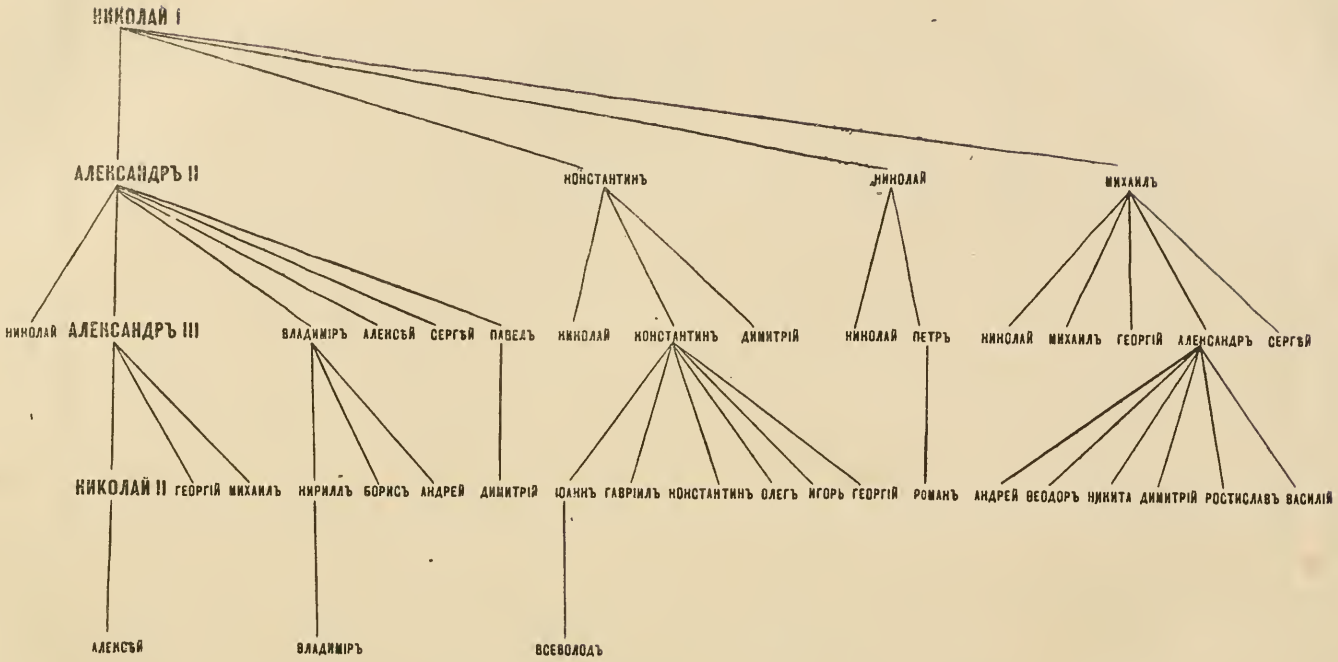
Его Импер. Высоч., Великій Князь **Димитрій Константиновичъ,** род. въ 1860 г. 1 Іюня (тез. 21 Сент.).

Его Импер. Высоч., Вел. Князь **Николай Михаиловичъ,** род. въ 1859 г. 14 Апр. (тез. 6 Дек.).

Его Импер. Высоч., Вел. Князь **Георгій Михаиловичъ,** род. въ 1863 г. 11 Авг. (тез. 26 Ноября).

Его Импер. Высоч., Вел. Князь **Сергій Михаиловичъ,** род. въ 1869 г. 25 Сент. (тез. 25 Сент.).

Великій Князь Михаилъ Александровичъ съ половины 1918 года неизвѣстно гдѣ находится и о Его Императорскомъ Высочествѣ распространены весьма тревожныя свѣдѣнія.



Мужеское потомство Императора Николая Перваго.

ВЫПИСКА

изъ

СВОДА ЗАКОНОВЪ РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ.

(Томъ Первый, Часть I. — Сводъ Основныхъ Государственныхъ Законовъ, Изд. 1906 года).

РАЗДѢЛЪ ПЕРВЫЙ

ОСНОВНЫЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЗАКОНЫ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О порядкѣ наслѣдія престола.

25. Императорскій Всероссійскій Престолъ есть наслѣдственный въ нынѣ благополучно царствующемъ Императорскомъ Домѣ. (1797 апр. 5 (17906) введеніе и § 17, и апр. же 5 (17910); 1825 дек. 12 (1) маниф. и прил. III; 1826 авг. 22 (537); 1855 февр. 18 (29043); мая 21 (29341); 1881 март. 1 (1); 1906 апр. 23, собр. узак., 603, ст. 24).

27. Оба пола имѣютъ право къ наслѣдію Престола; но преимущественно принадлежитъ сіе право полу мужескому по порядку первородства; за пресѣченіемъ-же послѣдняго мужескаго поколѣнія, наслѣдіе Престола поступаетъ къ поколѣнію женскому по праву заступленія. (См. узаконенія, къ статьѣ 25 приведенныя).

28. Посему, наслѣдіе Престола принадлежитъ прежде всѣхъ старшему сыну царствующаго Императора, а по немъ всему его мужескому поколѣнію. (Тамъ-же).

29. По пресѣченіи сего мужескаго поколѣнія, наслѣдство переходитъ въ родъ втораго сына Императора и въ его мужеское поколѣніе; по пресѣченіи же втораго мужескаго поколѣнія, наслѣдство переходитъ въ родъ третьяго сына, и такъ далѣе. (Тамъ-же).

30. Когда пресѣчется послѣднее мужеское поколѣніе сыновей Императора, наслѣдство остается въ семъ-же родѣ, но въ женскомъ поколѣніи послѣдне-царствовавшаго,какъ въ ближайшемъ къ Престолу, и въ ономъ слѣдуетъ тому же порядку, предпочитая лице мужеское женскому; но при семъ не теряетъ никогда права то женское лице, отъ котораго право безпосредственно пришло. (Тамъ-же).

31. По пресѣченіи сего рода, наслѣдство переходитъ въ родъ старшаго сына Императора-Родоначальника, въ женское поколѣніе, въ которомъ наслѣдуетъ ближняя родственница послѣдне-царствовавшаго рода сего сына, по нисходящей отъ него или сына его старшей, или же, за неимѣніемъ нисходящихъ, по боковой линіи, а въ недостаткѣ сей родственницы, то лице мужеское или женское, которое заступаетъ ея мѣсто, съ предпочтеніемъ, какъ и выше, мужескаго пола женскому. (Тамъ-же).

32. По пресѣченіи и сихъ родовъ, наслѣдство переходитъ въ женскій родъ прочихъ сыновей Императора-Родоначальника, слѣдуя тому же порядку, а потомъ въ родъ старшей дочери Императора-Родоначальника, въ мужеское ея поколѣніе; по пресѣченіи же онаго, въ женское ея поколѣніе, слѣдуя порядку, установленному въ женскихъ поколѣніяхъ сыновей Императора. (Тамъ-же).

33. По пресѣченіи поколѣній мужескаго и женскаго старшей дочери Императора-Родоначальника, наслѣдство переходитъ къ поколѣнію мужескому, а потомъ къ женскому второй дочери Императора-Родоначальника, и такъ далѣе. (Тамъ-же).

34. Младшая сестра, хотя-бы и сыновей имѣла, не отъемлетъ права у старшей, хотя-бы и не замужней; братъ же младшій наслѣдуетъ прежде старшихъ своихъ сестеръ. (Тамъ-же).

35. Когда наслѣдство дойдетъ до такого поколѣнія женскаго, которое царствуетъ уже на другомъ Престолѣ, тогда наслѣдующему лицу предоставляется избрать вѣру и Престолъ, и отрещись вмѣстѣ съ Наслѣдникомъ отъ другой вѣры и Престола, если таковой Престолъ связанъ съ закономъ; когда же отрицанія отъ вѣры не будетъ, то наслѣдуетъ то лице, которое за симъ ближе по порядку. (Тамъ-же).

36. Дѣти, происшедшія отъ брачнаго союза лица Императорской Фамиліи съ лицемъ, не имѣющимъ соотвѣтственнаго достоинства, то есть не принадлежащимъ ни къ какому царствующему или владѣтельному дому, на наслѣдованіе Престола права не имѣютъ. (1820 март. 20 (28208); 1906 апр. 23, собр. узак., 603, ст. 24).

37. При дѣйствіи правилъ, выше изображенныхъ о порядкѣ наслѣдія Престола, лицу, имѣющему на оный право, предоставляется свобода отрещись отъ сего права въ такихъ обстоятельствахъ, когда за симъ не предстоитъ никакого затрудненія въ дальнѣйшемъ наслѣдованіи Престола. (1825 дек. 12 (1) прил. III; 1906 апр. 23, собр. узак., 603, ст. 24).

38. Отреченіе таковое, когда оно будетъ обнародовано и обращено въ законъ, признается потомъ уже невозвратнымъ. (1825 дек. 12 (1); 1906 апр. 23, собр. узак., 603, ст. 24).

39. Императоръ или Императрица, Престолъ наслѣдующіе, при вступленіи на оный и муропомазаніи, обязуются свято наблюдать вышепостановленные законы о наслѣдіи Престола. (1797 апр. 5 (17910); 1906 апр. 23, собр. узак. 603, ст. 24).

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

О совершеннолѣтіи Государя Императора, о правительствѣ и опекѣ.

40. Совершеннолѣтіе Государямъ обоего пола и Наслѣднику Императорскаго Престола полагается въ шестнадцать лѣтъ. (1797 апр. 5 (17910); 1826 авг. 22 (537); 1834 апр. 22 (7019); 1906 апр. 23, собр. узак., 603, ст. 24).

41. При вступленіи на Престолъ Императора прежде сего возраста, до совершеннолѣтія Его, учреждается правительство и опека. (1797 апр. 5 (17910); 1826 авг. 22 (537); 1832 февр. 14 (5165) ст. 4; 1855 мая 21 (29341); 1906 апр. 23, собр. узак., 603, ст. 24).

42. Правительство и опека учреждаются или въ одномъ лицѣ совокупно, или-же раздѣльно, такъ, что одному поручается правительство, а другому опека. (Тамъ-же).

43. Назначеніе Правителя и Опекуна,какъ въ одномъ лицѣ совокупно, такъ и въ двухъ лицахъ раздѣльно, зависитъ отъ воли и усмотрѣнія царствующаго Императора, которому, для лучшей безопасности, слѣдуетъ учинить выборъ сей на случай Его кончины. (Тамъ-же).

44. Когда при жизни Императора таковаго назначенія не послѣдовало, то, по кончинѣ Его, правительство государства и опека надъ лицемъ Императора въ малолѣтствѣ принадлежатъ отцу или матери; вотчимъ же и мачиха исключаются. (Тамъ-же).

45. Когда нѣтъ отца и матери, то правительство и опека принадлежатъ ближнему къ наслѣдію Престола изъ совершеннолѣтнихъ обоего пола родственниковъ малолѣтняго Императора. (Тамъ-же).

46. Законныя причины неспособности къ правительству и опекѣ суть: 1) безуміе, хотя бы оно было временное; 2) вступленіе вдовыхъ, во время правительства и опеки, во второй бракъ. (Тамъ-же).

47. Правителю государства полагается Совѣтъ Правительства; и какъ Правитель безъ Совѣта, такъ и Совѣтъ безъ Правителя существовать не могутъ. (Тамъ-же).

48. Совѣтъ составляютъ шесть особъ первыхъ двухъ классовъ, по выбору Правителя, который назначаетъ и другихъ, при случающихся перемѣнахъ. (Тамъ-же).

49. Мужескаго пола особы Императорской Фамиліи могутъ засѣдать въ семъ Совѣтѣ по выбору Правителя, но не прежде своего совершеннолѣтія и не въ числѣ шести особъ, оный составляющихъ. (Тамъ-же).

50. Въ Совѣтъ Правительства входятъ всѣ безъ изъятія дѣла, подлежащія рѣшенію Самого Императора, и всѣ тѣ, которыя, какъ къ Нему, такъ и въ Совѣтъ Его вступаютъ; но опеки Совѣтъ не касается. (Тамъ-же).

51. Правитель имѣетъ голосъ рѣшительный. (Тамъ-же).

52. Назначеніе Совѣта и выборъ членовъ онаго полагается въ недостаткѣ другаго распоряженія скончавшагося Государя, ибо оному должны быть извѣстны обстоятельства и люди. (Тамъ-же).

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

О вѣрѣ.

63. Императоръ, Престоломъ Всероссійскимъ обладающій, не можетъ исповѣдывать никакой иной вѣры, кромѣ Православной (ст. 62). (1727 мая 7 (5070); 1741 ноябр. 28 (8476); 1797 апр. 5 (17910); 1841 апр. 24, Выс. утв. заключ. Св. Синода; 1906 апр. 23, собр. узак., 603, ст. 24).

РАЗДѢЛЪ ВТОРОЙ

УЧРЕЖДЕНІЕ О ИМПЕРАТОРСКОЙ ФАМИЛІИ.

125. Учрежденіе о Императорской Фамиліи (ст. 126-223 и приложенія II-IV и VI), сохраняя силу Законовъ Основныхъ, можетъ быть измѣняемо и дополняемо только Лично Государемъ Императоромъ въ предуказываемомъ Имъ порядкѣ, если измѣненія и дополненія сего Учрежденія не касаются законовъ общихъ и не вызываютъ новаго изъ казны расхода. (1906 апр. 23, собр. узак., 603, ст. 25).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О степеняхъ родства въ Домѣ Императорскомъ.

126. Всѣ лица, происшедшія отъ Императорской Крови въ законномъ, дозволенномъ царствующимъ Императоромъ, бракѣ, съ лицемъ соотвѣтственнаго по происхожденію достоинства, признаются Членами Императорскаго Дома. (1797 апр. 5 (17906) §§ 15, 21, 79; 1886 іюл. 2 (3851) учр., ст. 1; 1906 апр. 23, собр. узак., 603, ст. 25).

127. Всѣ Члены Императорскаго Дома степени свои считаютъ по родству съ тѣмъ Императоромъ, отъ котораго прямою линіею происходятъ, не смѣшивая онаго приблизившимся родствомъ съ послѣдующими Императорами, послѣ начальника Фамиліи на Престолъ восшедшими. (1797 апр. 5 (17906) § 15; 1886 іюл. 2 (3851) учр., ст. 2; 1906 апр. 23, собр. узак., 603, ст. 25).

128. Старшій сынъ Императора и всѣ старшіе, отъ старшаго поколѣнія происшедшіе, доколѣ Фамилія Императорская существуетъ, уважаются и почитаются, въ виду Императора, яко наслѣдники Престола, и носятъ наименованіе Государевыхъ дѣтей. (1797 апр. 5 (17906) §§ 16, 18 п.1; 1886 іюл. 2 (3851) учр., ст. 3; 1906 апр. 23, собр. узак., 603, ст. 25).

129. Всѣ младшіе сыновья Императора или младшіе Его поколѣній, то есть всѣ, кромѣ первороднаго, считаются, по рожденію своему, яко сыновья Государевы. (1797 апр. 5 (17906) § 16; 1886 іюл 2 (3851) учр., ст. 4; 1906 апр. 23, собр. узак., 603, ст. 25).

130. Вторые и всѣ младшіе сыновья старшихъ поколѣній, яко сыновья опредѣленнаго для заступленія Престола, считаются наравнѣ съ сыновьями Государевыми, съ предоставленными для нихъ правами. (1797 апр. 5 (17906) §§ 16, 18 п. 2; 1886 іюл. 2 (3851) учр., ст. 5; 1906 апр. 23, собр. узак., 603, ст. 25).

131. Всѣ происшедшіе отъ младшихъ поколѣній считаются и пользуются преимуществами по степени родства ихъ съ тѣмъ Императоромъ, отъ котораго они происходятъ, хотя бы и третіе лицо старшаго поколѣнія владѣло Престоломъ, и по сему самому никакихъ другихъ преимуществъ ожидать, искать и требовать не могутъ, развѣ когда наслѣдство Престола до нихъ коснется, или когда наслѣдуетъ Престолъ родной ихъ братъ. (1797 апр. 5 (17906) §§ 16, 18 п. 3; 1885 янв. 24 (2695) Имен. ук. сен.; 1886 іюл. 2 (3851) учр., ст. 6; 1906 апр. 23, собр. узак., 603, ст. 25).

132. Женскій полъ, отъ мужескаго поколѣнія происшедшій, въ степеняхъ родства считается на томъ же основаніи, какъ и мужескій, то есть: родившаяся отъ старшаго лица старшаго поколѣнія признается дочерью Императора, родившаяся отъ младшаго лица того же поколѣнія, внукою, и такъ далѣе. (1797 апр. 5 (17906) § 19; 1886 іюл. 2 (3851) учр., ст. 7; 1906 апр. 23, собр. узак., 603, ст. 25).

133. Родившіеся отъ женскаго пола совершенно отличаются отъ родившихся отъ пола мужескаго; и потому счета въ родствѣ съ Императоромъ для полученія титула, пенсіи и приданаго вести не должны, а пользуются всѣмъ онымъ по праву, отцу ихъ принадлежащему, и ничего отъ государства и отъ Главнаго Управленія Удѣловъ требовать не имѣютъ. (1797 апр. 5 (17906) §§ 20, 34, 40; 1886 іюл. 2 (3851)учр., ст. 8; 1892 дек. 26 (9197) Имен. ук.; 1906 апр. 23, собр. узак., 603, ст. 25).

134. Дѣти, рожденныя отъ брака, на который не было соизволенія царствующаго Императора, не пользуются никакими преимуществами, Членамъ Императорскаго Дома принадлежащими. (1797 апр. 5 (17906) § 79; 1886 іюл. 2 (3851) учр., ст. 9; 1906 апр. 23, собр. узак., 603, ст. 25).

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О гражданскихъ правахъ Членовъ Императорскаго Дома.

I. О БРАКѢ.

А). Вступленіе въ бракъ.

183. На бракъ каждаго лица Императорскаго Дома необходимо соизволеніе царствующаго Императора, и бракъ, безъ соизволенія сего совершенный, законнымъ не признается. (1797 апр. 5 (17906) § 25; апр. 5 (17910); 1886 іюл. 2 (3851) учр., ст. 58; 1906 апр. 23, собр. узак., 603, ст. 25).

184. По соизволенію царствующаго Императора, Члены Императорскаго Дома могутъ вступать въ бракъ, какъ съ особами православнаго исповѣданія, такъ и съ иновѣрными. (1721 авг. 18 (3814); 1796 сент. 9 (17505); 1886 іюл. 2 (3851) учр., ст. 59; 1906 апр. 23, собр. узак. 603, ст. 25).

185. Бракъ мужескаго лица Императорскаго Дома, могущаго имѣть право на насѣдованіе Престола, съ особою другой вѣры совершается не иначе, какъ по воспріятіи ею православнаго исповѣданія (ст. 62 Основныхъ Государственныхъ Законовъ). (1889 іюн. 6 (6076); (1890 дек. 19, Выс. утв. докл. Главноупр. Код. Отд. при Гос. Сов.); 1906 апр. 23, собр. узак., 603, ст. 25).

188. Лице Императорской Фамиліи, вступившее въ брачный союзъ съ лицомъ, не имѣющимъ соотвѣтственнаго достоинства, то есть, не принадлежащимъ ни къ какому царствующему или владѣтельному дому, не можетъ сообщить ни оному, ни потомству, отъ брака сего произойти могущему, правъ, принадлежащихъ Членамъ Императорской Фамиліи. (1820 март. 20 (28203); 1886 іюл. 2 (3851) учр., ст. 63; 1906 апр. 23, собр. узак., 603, ст. 25).

Примѣчаніе. — Впредь никто изъ Членовъ Императорской Фамиліи не можетъ вступать въ бракъ съ лицомъ, не имѣющимъ соотвѣтственнаго достоинства, то есть не принадлежащимъ ни къ какому царствующему или владѣтельному дому. (1889 март. 23, Имен. ук. Мин. Имп.Двора; (1890 дек.19, Выс. утв. докл. Главноупр. Код. Отд. при Гос. Сов.); 1906 апр. 23, собр. узак., 603, ст. 25).

ПРИЛОЖЕНІЯ
къ Основнымъ Государственнымъ Законамъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ IV.

Форма присяги для Членовъ Императорскаго Дома (кромѣ Наслѣдника Престола) при торжественномъ объявленіи совершеннолѣтія ихъ.

Именемъ Бога Всемогущаго, передъ святымъ Его Евангеліемъ клянусь и обѣщаюсь Его Императорскому Величеству, моему Всемилостивѣйшему Государю, Родителю (**или:** Дѣду, Брату, Дядѣ и т.д.) и Его Императорскаго Величества Всероссійскаго Престола Наслѣднику, Его Императорскому Высочеству, Государю Цесаревичу и Великому Князю NN, вѣрно и нелицемѣрно служить (**или-же, для лицъ женскаго пола:** пребывать вѣрною и усердною подданною) и во всемъ повиноваться, не щадя и живота своего до послѣдней капли крови, и всѣ къ высокому Его Императорскаго Величества самодержавію, силѣ и власти принадлежащія права и преимущества, узаконенныя и впредь узаконяемыя, по крайнему разумѣнію, силѣ и возможности предостерегать и оборонять, споспѣшествуя всему, что къ Его Императорскаго Величества вѣрной службѣ и пользѣ государственной относиться можетъ; а по званію моему Члена Императорскаго Дома (**или-же:** лица, принадлежащаго къ Императорскому Дому) обязуюсь и клянусь соблюдать всѣ постановленія о наслѣдіи Престола и порядкѣ фамильнаго учрежденія, въ Основныхъ Законахъ Имперіи изображенныя, во всей ихъ силѣ и неприкосновенности, какъ предъ Богомъ и судомъ Его страшнымъ отвѣтъ въ томъ дать могу. Господь мнѣ въ семъ душевно и тѣлесно да поможетъ. Аминь.

(1842 мая 14, форма присяги; 1847 ноябр. 23 (21727) и 26 (21739); 1851 ноябр. 26 (25771); дек. 1, о формѣ присяги; 1852 ноябр. 26 (26813); 1906 апр. 23, собр. узак., 603, ст. 25).

ПРИЛОЖЕНІЕ V.

Форма всенародной присяги на вѣрность подданства.

Я, нижеименованный, обѣщаюсь и клянусь Всемогущимъ Богомъ, предъ святымъ Его Евангеліемъ, въ томъ, что хощу и долженъ Его Императорскому Величеству, своему истинному и природному Всемилостивѣйшему Великому Государю Императору NN, Самодержцу Всероссійскому, и законному Его Императорскаго Величества Всероссійскаго Престола Наслѣднику **(именуя Его, когда онъ уже извѣстенъ, или-же не именуя, когда Императоръ не имѣетъ еще дѣтей мужескаго пола)**, вѣрно и нелицемѣрно служить и во всемъ повиноваться, не щадя живота своего до послѣдней капли крови, и всѣ къ высокому Его Императорскаго Величества самодержавству, силѣ и власти принадлежащія права и преимущества, узаконенныя и впредь узаконяемыя, по крайнему разумѣнію, силѣ и возможности предостерегать и оборонять, и притомъ по крайней мѣрѣ старатися споспѣшествовать все, что къ Его Императорскаго Величества вѣрной службѣ и пользѣ государственной во всякихъ случаяхъ касаться можетъ; о ущербѣ-же Его Величества интереса, вредѣ и убыткѣ, какъ скоро о томъ увѣдаю, не токмо благовременно объявлять, но и всякими мѣрами отвращать и не допущать тщатися, и всякую ввѣренную тайность крѣпко хранить буду, и повѣренный и положенный на мнѣ чинъ, какъ по сей (генеральной), такъ и по особливой, опредѣленной и отъ времени до времени Его Императорскаго Величества именемъ отъ предуставленныхъ надо мною начальниковъ опредѣляемымъ инструкціямъ и регламентамъ и указамъ, надлежащимъ образомъ по совѣсти своей исправлять, и для своей корысти, свойства, дружбы и вражды противно должности своей и присяги не поступать, и такимъ образомъ себя весть и поступать, какъ вѣрному Его Императорскаго Величества подданному благопристойно есть и надлежитъ, и какъ я передъ Богомъ и судомъ Его страшнымъ въ томъ всегда отвѣтъ дать могу; какъ суще мнѣ Господь Богъ душевно и тѣлесно да поможетъ. Въ заключеніе же сей моей клятвы цѣлую слова и крестъ Спасителя моего. Аминь.

(1801 март. 12 (19779); апр. 18 (19841) клятв. обѣщ.; 1825 дек. 23 (13) ст. IX; 1831 авг. 29 (4777); 1855 февр. 18 (29043); 1856 апр. 20, о формѣ присяги; 1906 апр. 23, собр. узак., 603, ст. 24).

Россія до Романовыхъ, при Романовыхъ и послѣ Романовыхъ

(Поясненія къ картѣ).

Наша Русь при воцареніи Дома Романовыхъ, отрѣзанная отъ всѣхъ морей, кромѣ Бѣлаго и Каспійскаго, была далекимъ, глухимъ восточнымъ Царствомъ.

«Въ смутное время, въ концѣ 1611 г., по словамъ Ключевскаго, Московское Государство представляло зрѣлище полнаго видимаго разрушенія... Государство стало распадаться на составныя части... и превращалось въ какую-то безформенную, мятущуюся федерацію...» Но съ конца 1611 г., когда изнемогли политическія силы, начинаютъ пробуждаться силы религіозныя и національныя, которыя пошли навстрѣчу гибнувшей землѣ.

Избраніе на Царство въ 1613 г. Михаила Ѳеодоровича Романова произошло при чрезвычайномъ напряженіи религіознаго чувства во всемъ народѣ, ясно сознававшемъ, что безъ Царской власти полная гибель родины неизбѣжна. Московское Государство было разорено въ конецъ; прежнихъ сокровищъ Царскихъ не было, земли розданы, имущіе люди обѣднѣли, народъ впадъ въ дикость и нищету.

Казалось, откуда было взять силы для возсозданія Государства ?

Но силы эти нашлись въ русскомъ народѣ, когда онъ почувствовалъ и понялъ, что въ единеніи съ Царемъ Православный народъ явится величайшей силой среди народовъ.

Русское Царство быстро окрѣпло, стало развиваться, и за 300 лѣтъ царствованія Романовыхъ къ Россіи добровольно присоединились, либо были возсоединены или завоеваны многочисленныя и необъятныя земли.

Пріобрѣтенія Россіи при Романовыхъ.

Русскія земли, отпавшія за время революціи съ 1917 г. по 1920 г.

Въ 1654 г. добровольно присягнула Царю Алексѣю Михайловичу, Малая Россія.

Въ 1667 г., по Андрусовскому перемирію, и въ **1686** г., по вѣчному миру съ Польско-Литовскимъ государствомъ, Россія возвратила Смоленскую и Сѣверскую области, лѣвобережную Малороссію и Кіевъ, мать городовъ русскихъ, на правомъ берегу Днѣпра.

За 1648-1666 г.г., колонизуются Байкалъ и Амуръ, а въ концѣ XVII-го вѣка русскіе появляются на Камчаткѣ.

Въ 1721 г., по Ништадскому миру съ Швеціею, Россія присоединила Лифляндію, Эстляндію и часть Финляндіи съ Выборгомъ, а также возвратила утраченныя въ 1617 г., Ингрію и часть Кареліи. Царствованіе Петра Великаго подняло международное положеніе Россіи на небывалую дотолѣ высоту.

Въ 1743 г., при Елизаветѣ Петровнѣ, по Абоскому миру съ Швеціею, Россія пріобрѣла дальнѣйшую часть Финляндіи, до рѣки Кюмени.

Въ 1772 и 1793 г.г., при Екатеринѣ II, Россія возсоединила входившія въ составъ Польско-Литовскаго государства русскія земли (большую часть Бѣлоруссіи и правобережную Малороссію, а именно, Волынь и Подолію).

Въ 1795 г., присоединены были Литва и Курляндія (такимъ образомъ по тремъ раздѣламъ Польши чисто-польскія земли къ Россіи не перешли).

Въ 1774 г., по Кучукъ-Кайнарджійскому миру съ Турціею, къ Россіи присоединены были: Керчь, Еникале, Кинбурнъ, вся степь между Бугомъ и Днѣпромъ, Азовъ, обѣ Кабарды, долины Кубани и Терека, и пріобрѣтено право свободной морской торговли по Черному Морю.

Въ 1783 г., послѣдовало присоединеніе Крыма, подтвержденное Ясскимъ миромъ съ Турціею, въ 1791 г., когда Турція уступила Россіи степь между Бугомъ и Днѣстромъ — Новороссію.

Въ 1801 г., къ Россіи присоединилась Грузія.

Въ 1803-1813 г.г., присоединены были: Мингрелія, Имеретія, Баку и Дербентъ.

Въ 1807 г., по Тильзитскому миру, къ Россіи перешла отъ Пруссіи Бѣлостокская Область.

Въ 1809 г., Фридрихсгамскій миръ съ Швеціею передалъ въ собственность и державное обладаніе Имперіи Россійской финляндскія губерніи Швеціи, съ частью Вестерботніи и островами Аландскими.

Въ 1812 г., по Бухарестскому миру съ Турціею, Россія пріобрѣла Бессарабію.

Въ 1815 г., въ силу Вѣнскаго трактата, къ Россіи перешла часть герцогства Варшавскаго, подъ именемъ Царства Польскаго.

Въ 1828 г., при Николаѣ I, Туркманчайскій миръ съ Персіей далъ Россіи Эриванскую и Нахичеванскую области.

Въ 1829 г., по Адріанопольскому миру съ Турціею, Россія пріобрѣла восточное побережье Чернаго моря и устья Дуная.

Въ то же царствованіе, закрѣплены были Киргизская степь, низовья Сыръ-Дарьи, Заилійскій край, лѣвый берегъ и устья Амура.

За 1856-1864 г.г., въ царствованіе Александра II, покоренъ Кавказъ.

Въ 1858-1860 г., присоединены отъ Китая Амурскій и Уссурійскій края.

За 1864-1881 г.г., присоединены земли въ Средней Азіи — Туркестанскій край (Чемкентъ, Ташкентъ, Самаркандъ, Зарявшанъ, Мангишлакъ, правый берегъ Аму-Дарьи, Коканъ, Хива, Бухара и Закаспійская область).

Въ 1878 г., Россія вернула участокъ Бессарабіи у Дуная и присоединила Ардаганъ, Карсъ и Батумъ.

Въ 1884-1886 г.г., при Александрѣ III, присоединены были Мервскій, Пендинскій и Атекскій оазисы.

Эти огромныя завоеванія въ Царствованіе Царей, Императоровъ и Императрицъ Дома Романовыхъ обозначены широкой полосой на помѣщенной здѣсь картѣ.

Настали дни русской революціи, палъ «ненавистный царскій режимъ», и «свободная Россія», при содѣйствіи ея бывшихъ союзниковъ въ великой войнѣ съ нѣмцами, потеряла за четыре года: Финляндію, все Балтійское побережье, гдѣ образовались Эстонія, Латвія, Литва; Польшу, часть Бѣлоруссіи, часть Волыни, Бессарабію, огромныя области на Кавказѣ, гдѣ создались Республики: Грузинская, Армянская, Азербейджанская и Горскія.

Петровское «окно въ Европу» старательно забито, и нынѣ осталась только малая форточка.

Идутъ длительныя, упорныя соображенія объ отдѣленіи **«Украины»**, историческая самобытность которой весьма сомнительна, объ образованіи самостоятельныхъ казачьихъ областей... И въ революціонномъ воображеніи выростало представленіе о небольшой Московской республикѣ съ однимъ великорусскимъ населеніемъ.

Прилагаемая карта не разсказомъ, а показомъ рисуетъ «завоеванія великой русской революціи».

Д. Д.

Отзывы о книгахъ

П. Н. КРАСНОВЪ — ОТЪ ДВУГЛАВАГО ОРЛА КЪ КРАСНОМУ ЗНАМЕНИ.

романъ въ 8-ми част. Томы I и II (1-5 части). Берлинъ 1921 г. Изданіе О. Л. Дьяковой и Ко., Berlin W. 62, Bayreuther Str. 45. Цѣна одного тома во Франціи 15 фр. Продается во всѣхъ русскихъ книжныхъ магазинахъ.

Въ началѣ 1921 г. появился романъ, указаннаго названія и сразу обратилъ на себя огромное вниманіе. Объ этомъ произведеніи талантливаго писателя П. Н. Краснова, извѣстнаго боевого генерала и атамана донскаго войска, собственно нельзя писать нѣсколько строкъ, о немъ надо говорить долго, внимательно слѣдя за тѣми удивительными картинами нашего страшнаго настоящаго времени, которыя такъ захватывающе рисуетъ авторъ, отдавая все свое сердце нашему русскому горю. Горячая, глубокая любовь къ родинѣ, искренняя преданность монархическимъ началамъ законности, единственно могущей спасти Россію, къ нашему прошлому, къ солдату сквозитъ у Краснова во всякомъ словѣ. Превосходны описанія быта войскъ, вѣрны картины Петрограда.

Эти книги мало прочитать, ихъ надо, какъ «Войну и миръ», перечитывать, надо имѣть всегда у себя. Какъ всякое выдающееся литературное произведеніе, романъ Краснова вызываетъ споры, разныя мнѣнія, разговоры. Вѣдь мы пережили, вѣрнѣе перестрадали эти годы и, читая Краснова, всякій вновь переживаетъ кусокъ своей собственной жизни, своего быта, своихъ кровныхъ страданій. По недостатку мѣста мы даже и весьма сжато не можемъ дать отчета о книгѣ Краснова, мы сказали только свои очень краткія впечатлѣнія о ней. Надо имѣть много таланта, знанія жизни, глубокой любви къ родинѣ, пониманія народа, чтобы въ самый разгаръ революціонныхъ дней сумѣть написать такъ хорошо, интересно, правдиво свой романъ временъ русской революціи. Мы горячо рекомендуемъ вниманію русскаго читателя романъ П. Н. Краснова. **Д. Д.**

И. Я. ГУРЛЯНДЪ — НА КРЕСТЪ.

повѣсть въ стихахъ. Парижъ 1921 г. 175 стр., цѣна 10 фр. Въ продажѣ во всѣхъ русскихъ книжныхъ магазинахъ.

Повѣсть охватываетъ періодъ нашихъ революціонныхъ дней. Герой повѣсти — политическій дѣятель, адвокатъ-еврей, сначала ссыльный, затѣмъ министръ Временнаго Правительства. Передъ читателемъ проходитъ рядъ живыхъ сценъ и лицъ. Звучными стихами авторъ излагаетъ много мыслей образно говорящихъ о крайностяхъ революціи и забвеніи истинъ, недавно еще столь дорогихъ русскому народу.

О многомъ Гурляндъ говоритъ очень зло, очень рельефно и клеймитъ прогрессивную пошлость революціоннаго времени. Хороши картины радикальнаго московскаго купечества, которое

«Хотѣло власти дать урокъ.
И было все: радикализмъ,
Опозиціонные банкеты,
Съ профессорами комитеты,
Смѣшно, но фактъ: соціализмъ!
Милліонеръ — соціалистъ!
О, чортъ, ты, право, юмористъ!

Книга читается съ большимъ интересомъ и вниманіемъ. **Д. Д.**

ОГЛАВЛЕНІЕ

Къ читателямъ 5

Временное Правительство (опытъ анализа) — *,* 7

Царская семья — переводъ статьи П. Жильяра 62

Изъ писемъ Царской Семьи 138

Двѣ молитвы — стихотворенія 148

Разсказъ комиссара Яковлева и Ивана Иванова 150

Ставка Верховнаго Главнокомандующаго. Два приказа Государя Императора Николая II. — Разсказъ очевидца 156

Россія и союзники — Энго 172

Четыре года смуты — Дм. Вожинъ 181

Красная дѣва — стихотвореніе В. Мятлева 184

Весна 1921 года — П. Красновъ. 186

Члены Россійскаго Императорскаго Дома, убіенные и умученные большевиками 193

Родословная таблица мужескаго потомства Императора Николая I-го 194

Выписка изъ Свода Основныхъ Государственныхъ Законовъ о порядкѣ престолонаслѣдія 195

Карта Россіи до Романовыхъ, при Романовыхъ и послѣ Романовыхъ — составилъ Д. Д. 202

Типографія ЯКУБОВИЧА и РОМАНО

Imprimerie « GRAPHIQUE »
15, rue Saint-Gilles, Paris (3/

ВЪ СКЛАДѢ ИЗДАНІЙ

РУССКАГО ОЧАГА въ ПАРИЖѢ

1, rue de Messine — PARIS (VIII°)

высылаются по письменному требованію слѣдующія изданія:

ПОРТРЕТЪ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА съ факсимиле Его Величества; исполненъ съ портрета академика Ксидіаса; большой кабинетный форматъ. Цѣна 1 фр.

ОТКРЫТКИ: КАРТА ЕВРОП. РОССІИ ДО РОМАНОВЫХЪ, ПРИ РОМАНОВЫХЪ И ПОСЛѢ НИХЪ

Цѣна открытки 25 сант.

НА ФРАНЦУЗСКОМЪ ЯЗЫКѢ:

(высылаются безплатно):

PUBLICATIONS DE LA DÉLÉGATION BESSARABIENNE

1. **Mémoire sur la Situation de la Bessarabie.**
2. **Bessarabie & Roumanie** (paru simultanément en anglais).
3. **Qu'est-ce que la Question bessarabienne?** (paru simultanément en anglais).
4. **Deux Ministres Roumains.**
5. **L'occupation Roumaine en Bessarabie. Documents.** (paru simultanément en anglais).

„НОВОЕ ВРЕМЯ“

издается въ Бѣлградѣ подъ ред. **М. А. СУВОРИНА**

Подписка для Франціи, Англіи и Америки принимается въ Helder Office, 12, rue du Helder, Tel. Gutenberg 01-53, 79-26 — Paris (IX°)

Представитель „Новаго Времени“ Б. А. Суворинъ принимаетъ лично по дѣламъ газеты ежедневно отъ 10 час. утра до 12 час. дня.

		Во Франціи	*Англіи*	*Америкѣ*
Условія подписки:	На 1 мѣс.	10 франковъ,	5 шиллинговъ,	1 долларъ
— —	На 3 мѣс.	28 —	15 —	3 —

ИСТОРИЧЕСКОЕ
ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ
ПОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНІЕ

РУССКАЯ ЛѢТОПИСЬ

ИЗДАНІЕ «РУССКАГО ОЧАГА» ВЪ ПАРИЖѢ

ЦѢНА ПЕРВОЙ КНИГИ
„РУССКОЙ ЛѢТОПИСИ“

Во Франціи и Бельгіи	10 франковъ
Въ Англіи	6 шиллинг.
— Америкѣ	1½ доллара
— Швейцаріи	6 франковъ
— Германіи	40 марокъ
— Румыніи	40 лей
— Финляндіи	40 марокъ
— Италіи	15 лиръ
— Сербіи	30 динаровъ
— Болгаріи	50 левовъ
— Чехославіи	50 кронъ

Подписка принимается почтовыми переводами или банковскими переводами (въ обоихъ случаяхъ слѣдуетъ адресовать переводы на имя конторы журнала „Русская Лѣтопись“ (Les Annales Russes) 1, rue de Messine, Paris (VIIIe)